
Ассоциация исследователей российского общества
(АИРО-XXI)

СЕРИЯ «ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ В РОССИИ»
под редакцией Г. А. Бордюгова

Stalin's Genocides

Norman M. Naimark

PRINCETON UNIVERSITY PRESS

Princeton & Oxford

Норман НЕЙМАРК

ГЕНОЦИДЫ
СТАЛИНА

Перевод Ирины Давидян

Москва
2011

СЕРИЯ «ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ В РОССИИ»
ОСНОВАНА В 1995 ГОДУ

Translated from
Norman M. Naimark. *Stalins genocides*
Princeton University Press, Princeton & Oxford, 2010.

Дизайн и вёрстка: *Сергей Щербина*

Неймарк, Норман.

Геноциды Сталина. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 176 с.; (Серия «АИРО – Первая публикация в России»). – ISBN 978-5-91022-170-7.

В книге известного американского историка обосновывается утверждение о том, что массовые убийства, совершенные Сталиным, должны быть классифицированы как «геноцид». На конкретных явлениях прослеживаются переплетение социального и национального в преступлениях режима, факты сокрытия их масштаба. Подчеркиваются определяющие характеристики геноцида, исследуется проблема сравнения нацистских и советских преступлений.

Книга рассчитана на специалистов и широкий круг читателей.

ISBN 978-5-91022-170-7

© Неймарк, Норман, 2011
© Давидян Ирина, перевод, 2011
© Princeton University Press, 2010
© АИРО-XXI, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

БЛАГОДАРНОСТИ	7
ВВЕДЕНИЕ.....	10
Глава 1 ПРОБЛЕМА ГЕНОЦИДА	24
Глава 2 СТАНОВЛЕНИЕ ГЕНОЦИДАРИЯ.....	39
Глава 3 РАСКУЛАЧИВАНИЕ.....	59
Глава 4 ГОЛОДОМОР.....	77
Глава 5 ВЫСЕЛЕНИЕ НАРОДОВ	86
Глава 6 БОЛЬШОЙ ТЕРРОР	105
Глава 7 ПРЕСТУПЛЕНИЯ СТАЛИНА И ГИТЛЕРА	126
ВЫВОДЫ.....	136
ПРИМЕЧАНИЯ.....	143
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	159

БЛАГОДАРНОСТИ

Это исследование выросло из моего давнего интереса к истории геноцида и к вопросу о том, как, в контексте этой истории, следует рассматривать Сталина и преступления сталинизма. Некоторые из этих проблем я подробно обсуждал в ходе ряда конференций и симпозиумов, что способствовало развитию моих взглядов. Я должен упомянуть, в частности, финансируемую Фондом Меллона серию Сойеровских семинаров (Sawyer Seminar Series) по массовому убийству в Центре углубленного изучения поведенческих наук в Стэнфорде, которую я организовывал вместе с Рональдом Суни; конференцию по тоталитаризму, организованную журналом «Телос» и Расселом Берманом в Стэнфорде, и конференцию в честь Роберта Конквеста, проходившую в Американском предпринимательском институте и организованную Полом Холландером. Я также признателен тем коллегам, которые выступили с комментариями по этой работе на рабочем семинаре по теме «Гитлер и Сталин» под председательством Тимоти Снайдера в Йельском университете, и на рабочем семинаре турецких и армянских исследователей (WATS), проводимом в Беркли Джерардом Либаридяном. Комментарии и критические замечания участников этих научных форумов оказались чрезвычайно полезными для уточнения моих взглядов на Сталина и проблему геноцида. Результатом этих бесед и выступлений

стал ряд опубликованных статей, из аргументов которых и выстроилась данная книга (1).

Очень многое я почерпнул и из критики рукописи книги рядом выдающихся историков: Полом Грегори, Хироаки Куромия, Дэвидом Ширером, Робертом Сервисом, Юрием Слѣзкинским, Рональдом Суни, Амиром Вайнером и Эриком Вайтцем. Рецензенты издательства «Принстон Юниверсити Пресс» Йен Гросс и Линн Виола также высказали ценные замечания и соображения. На протяжении моей профессиональной жизни мне всегда замечательно везло в том, что я мог учиться у друзей и коллег по цеху, а эта книга в особенности многим обязана вкладу этих моих учителей. Их критические замечания, наблюдения и поправки помогли мне избежать некоторых довольно грубых ошибок и выявить пробелы в моей аргументации. Благодаря их советам я смог прочитать дополнительные источники и включить в книгу новые перспективы. В то же время, в ряде вопросов, в которых мои друзья не были согласны со мной, я проявил упорство. Так что, в данном случае, часто употребляемая оговорка в высшей степени актуальна: я один несу ответственность за взгляды, выраженные в этой книге.

Я также признателен моему другу и коллеге Амиру Эшелю, директору программы «Форум для современной Европы» стэнфордского Института Фримана-Спогли, за помощь в организации лекции в издательстве «Зуркамп» в Берлине, ставшую толчком к написанию небольшой книги о Сталине. Томас Спарр из «Зуркамп» оказался благожелательным и умеющим подбодрить автора редактором и, к тому же, активным сторонником лекционной программы Стэнфорд – «Зуркамп». Другой редактор, Бригитта ван Райнберг из «Принстон Юниверсити Пресс», проявила такое понимание и поддержку, о котором автор может только мечтать.

У меня также было несколько хороших помощников в Стэнфорде, которые не только разыскивали для меня нужные источники, но и делились своими взглядами по теме. На завершающей стадии проекта не было для меня человека более важного, чем Валентин Болотный, который в процессе этой работы стал настоящим другом. Архивисты и сотрудники Архива Гуверовского института, как всегда, оказали неоценимую помощь и проявили замечательное терпение, работая с моими запросами. Я благодарен также Кэтрин Уорд, внимательно вычитавшей верстку книги.

Наконец, я хотел бы поблагодарить мою жену Катерину Джоллак, моего сына Бена и моих дочерей Анну и Сару. Мрак, который неизбежно окутывает меня, когда я погружаюсь с головой в глубины сталинизма, немедленно рассеивается от соприкосновения с моим жизнерадостным семейством. Мне также дополнительно повезло, что Катерина, сама профессиональный историк и превосходный редактор, критически читает все, что я написал. Эту книгу, с любовью и признательностью, я посвящаю ей.

ВВЕДЕНИЕ

Эта небольшая книга – по сути, расширенное эссе – имеет своей предпосылкой утверждение, что массовые убийства, совершенные Сталиным в 1930-е годы, должны быть классифицированы как «геноцид». Сложность заключается в том, что в советском случае не было единичного акта геноцида, а была целая серия взаимосвязанных кампаний борьбы с «классовыми врагами» и «врагами народа», как метонимически именовались разнообразные предполагаемые противники Советского государства. Разнообразием отличались и формы массового убийства, подразумевавшие как массовый расстрел, так и ссылку в специальные поселения и лагеря Гулага, где сотни тысяч заключенных умирали либо от беспримерно жестокого обращения при аресте, содержании под стражей и допросах, либо от адских условий транспортировки, поселения, содержания и принудительного труда.

Социальные и национальные категории предполагаемых врагов СССР со временем менялись; лабильными были и юридические основания для атаки на те или иные группы советских граждан (и иностранцев в Советском Союзе). Однако Сталин и его подручные привязывали эти атаки к учению марксизма-ленинизма-сталинизма, а для осуществления их использовали похожие правоохранительные, судебные и внесудебные средства. Задействованы были как государственные, так и партийные институты, поскольку

Сталин стремился использовать всю мощь созданных большевистской революцией инструментов осуществления власти и контроля для борьбы со своими противниками и потенциальными противниками, как реальными, так и – по большей части – воображаемыми. В результате сталинского правления в период 1930-х и начала 1940-х годов были расстреляны, скончались от голода или умерли в заключении и ссылке многие миллионы людей. Давно пришла пора признать эту историю важной главой в истории геноцида.

Существует ряд оправданных с научной и даже моральной точки зрения сдерживающих факторов, мешающих принятию подобного утверждения, не последним из которых является нежелание ученых и журналистов применять термин, придуманный, в первую очередь, для описания Холокоста – массового убийства евреев нацистами – к убийствам советских граждан в 1930-е годы. В частности, немецкие и еврейские исследователи Холокоста порой настаивают, что уничтожение нацистами почти шести миллионов евреев было событием единичным в своей исторической значимости, которое невозможно продуктивно сравнивать с другими эпизодами массового убийства в современной истории. Сочетание кровавого гитлеровского расизма с традиционными для христианства антисемитскими мотивами делает нацистские преступления, в глазах многих ученых, уникальным геноцидным предприятием (1). Но даже этот вопрос становится еще более сложным, если брать в расчет то, что можно рассматривать как нацистские геноцидные кампании против цыган (рома и синти), гомосексуалистов и душевнобольных, не говоря уже о советских военнопленных, поляках и других.

Имеет здесь значение и тот факт, что конвенция ООН «О предупреждении преступления геноцида и наказании за

него», принятая в декабре 1948 года, говорит о преступлении против этнических, национальных, расовых и религиозных групп и исключает – правда, не однозначно – социальные и политические группы, которые и были главными жертвами сталинских кампаний уничтожения. Одни исследователи, чтобы поддержать обвинение Сталина в геноциде, выделяют отдельно украинский голодомор 1932–1933 годов или насильственные депортации так называемых наказанных народов в 1944 году. Другие указывают на «Катынскую бойню» – истребление двадцати двух тысяч польских офицеров и чиновников весной 1940 года – как на символический случай сталинского геноцида. Но относить к геноциду только эти конкретные, отдельные чудовищные эпизоды и оставлять в стороне другие значит затушевывать геноцидальный характер советского режима 1930-х годов, убивавшего не эпизодически, а систематически.

Другое возражение против включения сталинских преступлений в категорию геноцида связано с необходимостью учитывать особый характер этнической и национальной идентичности, когда речь идет о «человеческой расе». Человечество состоит из множества замечательно разнообразных народов, каждый со своим индивидуальным, пускай и «выдуманном» (*invented*), в известной формулировке Бенедикта Андерсона, характером, который заслуживает особой защиты. Как мы еще увидим, разработка самого понятия геноцида была тесно связана с этой идеей. Однако конвенция ООН о геноциде защищает также религиозные группы, несмотря на то, что их в значительной степени аскриптивный характер не несет той же валентности, что у этнических и национальных групп. Евреев и армян истребляли как народы, а не как религиозные группы, хотя религия и использовалась в качестве этнического маркера – точно так же, как это было в случае преследования и унич-

тожения сербами боснийских мусульман в 1990-е годы. Однако обязательство защищать этнические и национальные группы, а также религиозные и расовые от массового убийства не должно противоречить необходимости защищать от того же чудовищного преступления политические и социальные группы, особенно, когда Советский Союз настаивал, чтобы эти группы не были включены в конвенцию о геноциде. Естественно, жертвам и их потомкам нелегко будет разобраться, в чем заключаются различия – моральные, этические, юридические, не говоря уже об исторических – между одной формой массового убийства и другой.

В то же время, многие обозреватели полагают, что понятие «геноцид» утратит свою историческую и юридическую значимость и даже, в некотором смысле, «подешевеет», если состав категорий потенциальных жертв будет расширен за счет включения социальных и политических групп. Действительно, случается так, что этот термин используется без должного понимания и ответственности различными, порой не имеющими четкого определения группами, претендующими на статус жертв геноцида. Но именно сама чудовищность этого преступления – систематического массового убийства, намеренно осуществляемого политической элитой государства в отношении целевой группы в границах или за границами этого государства – и должна отличать геноцид от других форм массового убийства, таких как погромы, резни и взрывы бомб террористами. Включение в определение геноцида планомерного массового уничтожения социальных и политических групп не уменьшило бы его исторической значимости, а помогло сделать наше понимание этого явления более твердым. Часто в случаях геноцида – особенно ясно это видно на примере голода на Украине в 1932–1933 годах, – социальные и национальные/этнические категории переплетаются.

Иногда, как в случае советского наступления на так называемых кулаков, социально-политические категории жертв бывали «этнизированы» с целью сделать атаку на них более понятной для общества и государства. Геноцид как продукт коммунистических обществ – сталинской России, маоистского Китая и полпотовской Камбоджи – где миллионы собственных граждан были уничтожены в ходе кампаний массового убийства, может и должен рассматриваться в одном ряду с аналогичными случаями геноцида, совершенными в отношении этнических меньшинств.

В течение десятилетий существенным препятствием для открытого обсуждения вопроса о геноциде в контексте Сталина и сталинизма служила политика холодной войны в академической сфере (имеется в виду, в особенности, политика против холодной войны). Даже сегодня это продолжает в некоторой степени влиять на наше понимание Советского Союза. Поскольку Сталин убивал во имя высших идеалов социализма и прогресса человечества, как иногда утверждают, его нельзя ставить на одну доску с другими геноцидариями двадцатого века, убивавшими единственно из ощущения «инаковости» тех или иных этнических и религиозных групп или, как в случае Гитлера, ради расовой дистопии, мало кого способной привлечь, кроме немцев. Оценивая причины, побудившие Сталина организовать массовое убийство советских людей в 1930-е годы, историки, похоже, стремятся порой найти рациональное объяснение его поведению, будь то бешеные темпы осуществляемой программы модернизации страны; необходимость обеспечить тяжелую промышленность инвестиционным капиталом, а сельское хозяйство – новыми технологиями; защита Советского Союза от угрозы вторжения врагов, в первую очередь, Польши, Германии и Японии; наличие среди населения потенциальных террористов, страстно мечтающих

убить Сталина и его приспешников и/или пагубное влияние на советскую элиту Троцкого и его Четвертого Интернационала.

В последнее время в литературе, посвященной сталинским преступлениям, для объяснения причин чисток и расстрелов часто используют воспоминания Вячеслава Молотова, записанные Феликсом Чуевым почти тридцать пять спустя после тех событий:

1937 год был необходим. Если учесть, что мы после революции рубили направо-налево, одержали победу, но остатки врагов разных направлений существовали, и перед лицом грозящей опасности фашистской агрессии они могли объединиться. Мы обязаны 37-му году тем, что у нас во время войны не было пятой колонны. ...Конечно, очень печально и жалко таких людей, но я считаю, что тот террор, который был проведен в конце 30-х годов, он был необходим. ...Сталин, по-моему, вел очень правильную линию: пускай лишняя голова слетит, но не будет колебаний во время войны и после войны

Даже в преклонном возрасте Молотов, видевший, как его жену, Полину Жемчужину, по сфабрикованным обвинениям сослали на Сахалин, утверждал, что чистки не просто были необходимы, а были направлены против действительно виновных товарищей, хотя и признавал, что без несправедливостей не обошлось. А реабилитации, происходившие после смерти Сталина, были не более чем «модной фальсификацией» (2).

Представление о том, что страшные массовые убийства 1930-х годов проводились в атмосфере предчувствия грядущего мирового конфликта и действительно сыграли важную роль в обеспечении победы СССР в Великой Отечественной войне против нацистской Германии, отвечает не только

афористичным декларациям Молотова и других сталинистов о том, что «нельзя приготовить омлета, не разбив яиц» или «лес рубят – щепки летят», – иными словами, что загубленные жизни были необходимой жертвой во имя великих целей советского социализма. Многие исследователи в России и на Западе уверены, что раскулачивание, чистки и кампании против предполагаемых внутренних врагов – социальных, политических и национальных – были нужны Сталину для подготовки к войне. Даже массовые чистки в рядах советских вооруженных сил, разведки и иностранных коммунистов, которые, как можно было бы предположить, только уменьшали шансы Сталина победить в грядущей войне, так как уничтожали тех, кто лучше всех знал, как нужно воевать, представляются разумной мерой в рамках подготовки к будущему конфликту (3). Поскольку Сталин выиграл войну – *post hoc ergo propter hoc* (после этого, значит, в результате этого) – следовательно, эти предполагаемые приготовления 1930-х годов, какими бы грубыми, жестокими и контрпродуктивными они ни были, заслуживают оправдания и не могут быть классифицированы как геноцид, «преступление из преступлений» в международной юриспруденции, не имеющее оправданий.

Сочетание победы Советского Союза во Второй мировой войне, почетного места, доставшегося Сталину в переустройстве мирового порядка после 1945 года, и закрытости советского режима помогло скрыть подлинные масштабы массового убийства граждан страны от внимания мировой и, тем более, российской публики. Сегодня, когда многие архивы советского периода открыты, а некоторые русские, в том числе, совсем недавно, президент Дмитрий Медведев, задают фундаментальные вопросы о кровожадности сталинского режима, вопрос о геноциде может и должен быть рассмотрен по-новому, открыто и непредвзято. Большинство

граждан России продолжают относиться к Сталину с большим почитанием, хотя и знают о полигонах смерти, где в общих могилах покоятся останки их предков. Определить контуры геноцида чрезвычайно важно для самопознания страны и для ее будущего. Кроме того, отношения с украинцами, прибалтийскими народами, поляками, чеченцами, крымскими татарами – всеми теми, кто считает себя, в той или иной степени, пострадавшими от сталинского геноцида, смогут улучшиться, только если русские открыто признают и честно расследуют эти преступления прошлого. Геноцид живет в исторической памяти и безотчетно – как мы знаем на примере турецкого геноцида армян 1915 года – портит и рвет отношения между народами и странами. Специалисты по советскому прошлому, здесь и там, должны смело посмотреть в лицо проблеме геноцида и его последствий.

Эта книга начинается с рассмотрения вопросов, связанных с использованием самого термина «геноцид». Я считаю, что есть веские основания воспринимать и применять конвенцию ООН «О предотвращении преступления геноцида и наказании за него» более широко и гибко, чем это делалось и делается иногда в научной литературе. Особенно важную роль это играет в изучении случая сталинизма, поскольку именно Советский Союз и его союзники помогли сформулировать определение геноцида в том виде, в каком оно вошло в конвенцию, по сути, заблокировав включение в него социальных и политических групп, которые присутствовали практически во всех более ранних проектах этого документа. Кроме того, международные суды уже двинулись в направлении более широкого толкования геноцида. Наглядный пример – решение Международного трибунала по бывшей Югославии по делу Радослава Крстича, вынесенное в 2004 году. Тогда суд постановил, что мас-

совое убийство почти восьми тысяч мужчин и мальчиков из числа боснийских мусульман, совершенное боснийскими сербами в Сребренице в июле 1995 года, является случаем геноцида. В апелляции по этому делу тот же самый суд заключил, что инцидент с массовым убийством, подобным сребреницкому, должен быть объявлен геноцидом, даже если нет возможности осудить виновников этого преступления. В феврале 2007 года Международный суд в Гааге также официально признал Сребреницу случаем геноцида в постановлении по иску – в противном случае отклоненному бы – который был выдвинут правительством Боснии-Герцеговины против Сербии.

Во второй главе книги рассматриваются обстоятельства становления Сталина как геноцидаря. Здесь, как и вообще в данном исследовании, я опираюсь на лучшие биографии Сталина, написанные за последнее время, в числе прочих, Робертом Сервисом, Хироаки Куромия, Дмитрием Волконовым, Саймоном Монтефьоре, Дональдом Рэйфилдом, Миклошем Куном и Рональдом Суни (в рукописи), а также на некоторые мемуары и неопубликованные работы о жизни Сталина. Третья, четвертая и пятая главы посвящены исследованию конкретных эпизодов массового убийства в СССР в 1930-е годы, составивших основу сталинского геноцида: раскулачивание 1929–1931 годов, украинский голод 1932–1933 годов и жестокие кампании против нерусских национальностей, растянувшиеся во времени с 1934 года почти до окончания войны. Шестая глава посвящена «большому террору» 1937–1938 годов. Сегодня по всем этим вопросам существует обширная литература, причем большая часть новейших исследований обязана своим появлением открытию важных архивных коллекций и публикации в России и на Западе чрезвычайно полезных документальных сборников. В этом смысле, данная книга

в большом долгу перед огромным международным сообществом историков, изучающих Советский Союз, проделавшим неоценимую работу по исследованию темных закулисок истории сталинизма.

С помощью этих глав, посвященных массовому убийству 1930-х – начала 1940-х годов, я намерен подчеркнуть важнейшие, определяющие характеристики геноцида: мотивы организаторов; цепь управления, прохождения приказов от «хозяина», или «вождя» – Сталина – к конкретным исполнителям; покушение на уничтожение этих групп населения (полностью или частично) именно как групп. Именно эти вопросы: намерение, мотив, цепь управления, – были главными на процессах против организаторов войн на Балканах и в Восточной Африке, которые велись Международным трибуналом по бывшей Югославии в Гааге и Международным трибуналом по Руанде в Аруше, и они же являются основополагающими для оценки степени виновности Сталина и его режима в геноциде в 1930-е годы. Имеют значение также случаи предполагаемого геноцида, которые рассматривались юридическими системами государств постсоветской Прибалтики и некоторых латиноамериканских стран, особенно Аргентины.

В последней главе исследуется проблема сравнения нацистских и советских преступлений. В любой оценке сталинского массового убийства 1930-х годов, так или иначе, неизбежно присутствует наше знание и понимание ужасов Холокоста. Ничто в истории не способно в полной мере передать потрясение, которое производит на человеческий организм образ сотен тысяч обнаженных и беспомощных мужчин и женщин, включая стариков и младенцев, систематически подвергаемых отравлению газом, а затем сжигаемых в печах нацистских крематориев. Многие историки уверены, что конечной целью Гитлера являлось уничтоже-

ние всего мирового еврейства, что представляло бы собой ни с чем не сравнимое, беспрецедентное преступное намерение. Однако ответственность Сталина за убийство 15–20 миллионов человек имеет свой чудовищный вес, отчасти потому что это делалось во имя одной из самых влиятельных и претендующей на прогрессивность политической идеологии современной эпохи – коммунизма.

Прежде чем продолжить, следует сказать несколько слов о количестве сталинских жертв. Начиная с 1990 года, российская архивная служба рассекретила и сделала доступным исследователям большой массив документов советской эпохи. Отчеты ОГПУ-НКВД, содержащие списки арестованных, расстрелянных и депортированных граждан в рассматриваемый период, поражают необыкновенной подробностью и скрупулезностью подсчетов. Однако эти цифры следует использовать с большой осторожностью, и уж точно их нельзя считать окончательным ответом на вопрос о том, сколько советских граждан было «репрессировано» в 1930-е годы и сколько из них расстреляно. Сам факт, что суммы чисел в столбцах всегда сходятся, а сами числа всегда даются с точностью до последнего знака: 496460 чеченцев и ингушей были депортированы или 1803392 крестьянина раскулачены в 1931–1932 годах, – наводит на мысль, что эта невероятная точность может свидетельствовать о более глубоких проблемах достоверности приводимых данных.

Иногда работники правоохранительных органов намеренно завышали цифры арестованных и расстрелянных, надеясь таким образом угодить вышестоящему руководству: Сталину и особенно непосредственным начальникам из ОГПУ-НКВД – Ягоде, Ежову и Берии. Но чаще они старались занижить данные или не сообщать их вовсе, особенно, когда речь шла о «побочной» смертности в Гулаге, в том

числе в спецпоселениях, а также о смертности в связи с голодом и раскулачиванием. Говоря о численности погибших в Гулаге, Александр Яковлев, который возглавлял ряд комиссий по расследованию преступлений Сталина и имел беспрецедентный доступ к широкому спектру архивных источников, советует не принимать цифры НКВД за истину в последней инстанции. Он категорически заявляет, что «эти цифры фальшивые... Они не учитывают численности заключенных внутренних тюрем НКВД, а эти тюрьмы были битком набиты. Они не вычленяют показатели смертности в лагерях для политзаключенных и игнорируют численность арестованных крестьян и депортированных народов» (4). Так или иначе, обманчивая точность данных НКВД вкупе с постоянно меняющейся политической повесткой сталинских репрессивных органов являются достаточным основанием, чтобы внести ноту скепсиса в отношении современных историков к этим цифрам.

Исследователь должен подходить к истории сталинского массового убийства 1930-х – начала 1940-х годов, держа в голове несколько предупредительных сигналов. Существует проблема смешения политических чисток с раскулачиванием, насильственной депортации народов с устранением «социально-враждебных элементов» на основании Приказа № 00447, расстрела польских офицеров в Катыни в 1940 году с арестами и уничтожением советской военной верхушки в 1938 году и всех этих «эпизодов» друг с другом. С другой стороны, ученые часто не замечают геноцидных черт в правлении Сталина в этот период, потому что излишне жестко разграничивают эти события между собой. Кроме того, не все эти случаи могут быть расценены как геноцид, который подразумевает предумышленность со стороны Сталина и его руководства и намерение атаковать ту или иную группу целиком путем уничтожения значи-

тельной части ее. В рассматриваемый период так было не всегда и не везде; одни эпизоды носили больший оттенок геноцида, другие – меньший. Разумеется, наличие намерения продемонстрировать очень трудно, даже с улучшенной документальной базой и доступом к архивам в России. Сталин и его подручные часто использовали насильственную депортацию в качестве метода наказания той или иной группы советского населения за предполагаемые преступления. Насильственная депортация, безусловно, является «преступлением против человечности», но ее результаты порой могут расцениваться как «геноцидальные», то есть, «подобные геноциду», но при этом они необязательно будут иметь те же юридические последствия, что у эпизодов, именуемых собственно «геноцидом». В общем, все эти различия трудноуловимы и сложны для восприятия, но, тем не менее, они важны для понимания смертоносного характера сталинского правления. Иными словами, как смешение этих эпизодов массового убийства, так и их чересчур жесткое разграничение чреват опасными заблуждениями для исследователя.

Помещение фигуры Сталина в центр проблемы геноцида не означает исключения социальных, политических, экономических и идеологических факторов, сыгравших решающую роль в массовом убийстве в Советском Союзе в 1930-е годы. СССР сталинского периода не был просто личной диктатурой (хотя и ею тоже). Чтобы арестовать и уничтожить такое количество людей, необходимо было мобилизовать обширную сеть государственных организаций, прежде всего, правоохранительные органы и особенно – госбезопасности. «Пособники геноцида» – в юридическом и в историческом смысле – должны были исчисляться десятками тысяч. Однако, когда Сталин умер, массовое убийство в Советском Союзе разом прекратилось. Кроме того,

как утверждается в этой книге, термин «геноцид» неприменим к массовому убийству, имевшему место до диктатуры Сталина, каким бы чудовищным оно ни было, особенно во время гражданской войны 1918–1921 годов. При Сталине – совсем другое дело; именно роль Сталина в массовом убийстве является определяющей для понимания геноцидного характера его режима.

Глава 1

ПРОБЛЕМА ГЕНОЦИДА

Специфический язык конвенции ООН «О предотвращении преступления геноцида и наказании за него», принятой в декабре 1948 года, часто называют в качестве причины того, почему преступления Сталина нельзя считать геноцидом. Но если взглянуть на историю создания самой конвенции, выясняется, что ее значение можно трактовать более гибко. Рафаэль Лемкин, польский юрист еврейского происхождения, который в годы Второй мировой войны и ввел в обращение термин «геноцид», сначала дал следующее определение того, что он тогда назвал «варварством». В предложении, внесенном им в Лигу наций в 1933 году, говорилось: «Тот, кто из ненависти к расовой, религиозной или социальной общности либо с намерением уничтожить ее предпримет наказуемое деяние против жизни, физического здоровья, свободы, достоинства или экономического существования личности, принадлежащей к такой общности, подлежит юридической ответственности за преступление варварства». Он также добавлял: «Тот, кто либо из ненависти к расовой, религиозной или социальной общности, либо с намерением уничтожить ее разрушит ее культурные или художественные ценности, подлежит ответственности за преступление вандализма» (1).

Бежавший в 1940 году из оккупированной нацистами Польши в Соединенные Штаты, Лемкин продолжил поиск

формулировки международного законодательного акта против массового убийства, истребления и «вандализма». Впервые определение нового термина «геноцид» появилось в сборнике документов «Правление стран Оси в оккупированной Европе», который он опубликовал в 1944 году, будучи консультантом военного ведомства США. Он старался найти подходящее слово, чтобы описать ужасы массового убийства, притеснения и изгнания, слово, которое потрясло бы сознание читателей, и он явно был уверен, что нашел его: «Практика истребления народов и этнических групп, осуществляемая оккупантами [нацистами] именуется автором “геноцидом” – от греческого слова *genos* (племя, род) и латинского *cide* (по аналогии с понятиями *homicide* – убийство человека или *fratricide* – братоубийство)» (2).

Мы не знаем точно, почему в своей книге 1944 года Лемкин опустил преступления против социальных и политических общностей, оставив лишь религиозные, расовые и этнические. Скорее всего, он сделал это, чтобы в первую очередь подчеркнуть особую опасность расовых преступлений нацистов в отношении евреев, поляков и других народов. Кроме того, он, несомненно, хотел избежать осложнений, которые его финансируемый американским правительством сборник мог вызвать в отношениях с Советским Союзом, чье участие в антигитлеровской коалиции в тот момент было особенно важно для Вашингтона. Вплоть до окончания войны американский президент и его ближайшие советники держали под сукном вопросы об ответственности своего московского союзника. Пресса и общественность превозносили успехи «дядюшки Джо» и доблестных солдат Красной армии, немногочисленные возражения касались лишь случаев враждебного отношения Советского Союза к полякам, в том числе катынского дела (3). Более того, планы Рузвельта относительно устрой-

ства послевоенного мирового порядка предусматривали создание организации «Объединенных Наций», основанной на кондоминиуме преимущественно советских и американских интересов, с выведением за скобки их «имперского» британского союзника. Неудивительно, что в такой атмосфере Лемкин не стал настаивать на сохранении в своем определении геноцида социальных и политических групп. Современные историки, однако, подчас упускают из виду тот факт, что Лемкин всегда ратовал за широкое и гибкое понимание геноцида, распространяя область применения термина на множество самых разных случаев как современной, так и предшествующей эпохи и предполагая, что геноцид может принимать разные формы, более или менее кровавые. В начале 1950-х годов он открыто включил советские преступления в свою концепцию геноцида, однако это включение носило несистематический характер и явно преследовало политические цели (4).

После войны Лемкин не переставал без усталости лоббировать свое определение геноцида в печати и на заседаниях Нюрнбергского судебного процесса, начавшегося в конце 1946 года (5). В Нюрнберге он смог достичь лишь частичного успеха. Геноцид был несколько раз упомянут в ходе процесса, но не вошел в текст итогового документа трибунала. Фактически судьи на процессе были больше заинтересованы в осуждении нацистов как агрессоров на международной арене, чем в осуждении массового уничтожения евреев. Но даже в этих рамках их цель состояла не столько в том, чтобы осудить конкретных военных преступников и разобраться в их мотивации, сколько в публичном разоблачении преступной триады «нацизм – милитаризм – экономический империализм» (6).

В Нюрнберге Советы настойчиво проталкивали свои интересы, сформулированные в конце 1930-х годов, исполь-

зую международное право как средство осуждения фашизма и нацизма и добиваясь предотвращения их повторения в будущем. Они рассматривали трибунал как предоставленную возможность наказать виновников войны за агрессию и преступления, совершенные в отношении их собственного населения и их союзников, особенно поляков. Уже в декабре 1943 года на Украине советские власти вынесли обвинение группе немцев и одному русскому коллаборационисту – а также заочно руководителям германского государства и армии – в «методическом стремлении к истреблению славянских народов» (7).

Однако с доверием отнестись к советским мотивам в Нюрнберге историку мешает тот факт, что почти все главные лица советской делегации были причастны к московским показательным процессам 1936–1938 годов. Среди них – генерал И. Никитченко, председательствовавший на судебном процессе Зиновьева в 1937 году, а в Нюрнберге исполнявший обязанности советского обвинителя и главного судьи, и А. Вышинский, главный обвинитель московских показательных процессов. Сыгравший в ходе этих процессов роль злобного и безжалостного цепного пса Сталина – Вышинский оскорблял обвиняемых и криком пресекал их попытки отвести от себя немислимые обвинения – он в 1946 году присутствовал в Нюрнберге как замминистра иностранных дел и глава особой тайной комиссии, подотчетной лично Молотову и Сталину. Главной задачей этой комиссии, по мнению Аркадия Ваксберга, было не допустить публичного обсуждения советско-нацистских отношений (не говоря уже о сотрудничестве) периода пакта Риббентропа–Молотова (1939–1941 гг.). В особенности советское правительство было заинтересовано в том, чтобы ни в коем случае не были упомянуты секретные протоколы к пакту (8).

Конечно, Сталин и Советы были разочарованы, что Нюрнберг оказался не столь «успешным», как их собственные московские показательные процессы, в плане доказательства превосходства советской системы и демонстрации вероломства ее врагов. Там не было показательного международного осуждения обвиняемых; не было единого для всех осужденных смертного приговора; мало внимания со стороны международного общественного мнения было уделено особому героизму и страданиям советского народа. Совинформбюро (советское государственное информационное агентство) докладывало Сталину из Нюрнберга, что советские юристы, журналисты и общественные деятели оказываются неизменно позади своих западных коллег в деле освещения и преподнесения процесса мировому общественному мнению. Советские представители на процессе были также разочарованы, что в Нюрнберге не было сделано серьезных попыток сформулировать и заключить соглашение о геноциде. С их точки зрения, советские народы были главными жертвами расизма и империализма нацистской Германии и заслуживали гарантии от агрессии возрождающейся Германии в форме конвенции о геноциде.

Отчасти вследствие их негативного восприятия Нюрнберга, Советы не проявили интереса к предложениям, прозвучавшим позднее в Организации Объединенных Наций, создать постоянный трибунал по расследованию преступлений геноцида. Вместо этого Советы настаивали, чтобы виновных в геноциде судили суды той страны, где было совершено преступление (9). Более того, международный трибунал, как утверждал ведущий советский специалист по международному праву Арон Трайнин, при определенных обстоятельствах может создавать причины для неоправданного вмешательства во внутренние дела, в систему правосудия отдельных государств (10).

В Нюрнберге Советы также были обеспокоены тем, что немецкие адвокаты найдут возможность поднять вопрос о предполагаемых советских преступлениях, совершенных в годы войны и, особенно, в период действия советско-нацистского пакта – несмотря на «джентльменское соглашение» с западными юристами о том, что немцам не будет позволено упоминать предполагаемые преступления союзников с целью оправдать своих подзащитных. Хотя к концу процесса западные союзники все-таки нарушили это соглашение, Советы также сумели использовать Нюрнбергские заседания для утверждения мифа об ответственности нацистов за убийство двадцати двух тысяч польских офицеров и чиновников, расстрелянных органами НКВД по приказу Сталина и Берии в 1940 году. Западные судьи никогда не оспаривали эту бесчестную выдумку, однако, в конечном счете, обвинение в этом убийстве с нацистов было снято. Как писал Черчилль в своих мемуарах, «заинтересованными правительствами победивших стран было решено, что этого вопроса не следует касаться, и преступление в Катыни никогда не подвергалось детальному расследованию» (11).

После завершения Нюрнбергского процесса над главными нацистскими военными преступниками Лемкин активно лоббировал принятие международной конвенции против геноцида в новообразованной Организации Объединенных Наций. Конечным успехом конвенция, безусловно, была больше обязана решимости «великих держав», в том числе Советского Союза, достичь определенности в отношении потенциала массового убийства, подобного тому, что совершили нацисты в Европе в годы войны. Первым шагом в этом направлении стало принятие – без обсуждения – Генеральной Ассамблеей ООН 11 декабря 1946 года резолюции № 96 (I). Резолюция осудила геноцид как

преступление с точки зрения международного права, «независимо от того, совершено ли оно по религиозным, расовым, *политическим или каким-либо другим мотивам*», и поручила Экономическому и Социальному Совету разработать проект конвенции о преступлении геноцида для последующего представления Генеральной Ассамблее (12). В июле 1947 года Секретариат ООН представил проект конвенции, который также ставил своей целью «предотвратить уничтожение расовых, национальных, лингвистических, религиозных *или политических групп людей*» (13). В результате дальнейшей работы над проектом в него был внесен ряд дополнительных поправок. По предложению США, в проекте появилась фраза: «по причинам национального или расового происхождения либо религиозных *или политических убеждений*». Китай добавил «*или политических взглядов*» вместо «политических убеждений» (14).

Все ранние проекты конвенции о геноциде, в том числе первоначальный вариант, предложенный Секретариатом ООН в мае 1947 года, включали в определение политические группы. Против выступили советские, польские и даже некоторые представители некоммунистических стран в комитетах и редакционных комиссиях. «Политические группы, – настаивали советские представители, – совершенно неуместны в научном определении геноцида, и их включение ослабило бы конвенцию и затруднило борьбу против геноцида». Польский делегат заявил, что ООН должна противостоять уничтожению групп людей по причине их политических убеждений, такому, например, как расстрелы (левых) «заложников» в Испании, Греции и других странах. Но геноцид связан с массовым уничтожением народов, как поступали с поляками, русскими и евреями нацисты в годы войны (15). Советские представители были так настойчивы в этом вопросе, что добились включения упоминания о том,

что геноцид «был органически связан с фашизмом-нацизмом и другими схожими расовыми теориями, проповедующими расовую и национальную ненависть, превосходство так называемой высшей расы и истребление так называемых низших рас» (16).

Советская делегация и ее союзники были не единственными, кто активно выступал против включения политических и социальных групп в конвенцию. Такие страны, как Аргентина, Бразилия, Доминиканская Республика, Иран и ЮАР, сообщила газета «Нью-Йорк Таймс», были обеспокоены тем, что их борьба против внутренних политических беспорядков, чинимых революционными группами, будет истолкована как геноцид. Таким образом, Советы и их политические оппоненты с правого фланга в вопросе о геноциде выступили в ООН единым фронтом. Другие обозреватели полагали, что, включив в конвенцию защиту «политических групп», ООН будет обязана защищать Франсиско Франко в Испании или даже самого Сталина от потенциальных революционных выступлений (17).

Интересно, что советские предложения по конвенции о геноциде не ограничивались только «биологическими» категориями. Представители СССР предложили включить в конвенцию понятие так называемого «национально-культурного геноцида» в следующей формулировке: «Под геноцидом в данной конвенции мы также понимаем все преднамеренные действия, совершенные с целью уничтожения языка, религии или культуры той или иной национальной, расовой или религиозной группы». Среди запрещенных действий в советском предложении фигурировало «уничтожение библиотек, музеев, школ, исторических памятников, зданий, используемых для отправления религиозных культов, или других зданий и объектов культуры, используемых такими группами» (18). Понятно, что здесь Советы

также думали о нацистах и тех страшных разрушениях церквей, музеев и памятников, произведенных ими на советской территории, а вовсе не о собственных подобных преступлениях, совершенных, например, на Северном Кавказе. Американцы и их «сателлиты» (по выражению одного советского специалиста) успешно заблокировали эту советскую инициативу, поскольку не желали быть обвиненными в расизме и репрессиях по отношению к культурам коренного населения у себя на родине.

Советским представителям не удалось включить в конвенцию «национально-культурный геноцид», но в вопросе о политических группах они, в конце концов, сумели взять измором Шестой комитет, ответственный за подготовку полной и всесторонней редакции конвенции. Уступка была сделана во имя необходимости добиться единодушного одобрения конвенции. Как заявил один американский делегат, «именно по этой причине была достигнута договоренность об исключении политических групп из числа групп, защищаемых конвенцией» (19). Желая, чтобы конвенция прошла в этом пункте, Лемкин и ряд еврейских групп также лоббировали исключение «политических групп» из формулировки (20). В результате, окончательный вариант конвенции о геноциде, единогласно принятый 9 декабря 1948 года Генеральной Ассамблеей ООН (с Лемкиным на галерке), дал ставшее знаменитым определение геноцида как различных «действий, совершаемых с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую».

Из этого краткого изложения истории происхождения употребления нами слова «геноцид» явствует, что Советский Союз и его союзники в ООН вычеркнули из конвенции о геноциде социальные, экономические и политические

группы – и, я бы добавил, практически лишили историков возможности говорить о геноциде как о продукте советской системы. И в комиссиях ООН, и в специальной литературе по предмету Советы заняли выгодную для себя позицию, заключающуюся в том, что социальные и политические группы слишком нестабильны по составу и плохо поддаются определению, для того чтобы их можно было включить в конвенцию (21). Между тем, во многих случаях массового убийства при Сталине советские лидеры в своих речах и своими действиями как раз тяготели к созданию таких категорий. В сталинистской традиции, тридцать тысяч расстрелянных и два миллиона сосланных в ходе коллективизации в Сибирь, Центральную Азию и на Крайний Север «кулаков» образовывали вполне поддающуюся определению социально-политическую категорию богатых крестьян, противопоставляемую бедному и среднему крестьянству. Фактически, это был выдуманный коллективный враг, группа предполагаемых противников коллективизации. В истории геноцида, пишет Марк Левин, уделяется недостаточно внимания тому, каким образом преступник может представлять группу как организованную общность вопреки ее желанию. В определенной степени это относилось не только к «кулакам», но и к «евреям», особенно к полностью ассимилированным немецким евреям, ставшим объектом нацистского геноцида (22).

С падением Советского Союза и образованием независимых государств Балтии правовые вопросы, касающиеся Сталина и геноцида, приобрели отчетливо современное звучание. Стремясь привлечь к судебной ответственности виновников преступлений против их народов, Эстония, Латвия и Литва приняли собственные законы о геноциде, которые, хотя и отталкивались от конвенции ООН 1948 года и последующих, производных от нее, правовых доку-

ментов, расширили определение геноцида, включив в него специфические для этого региона преступления, такие как насильственная депортация и уничтожение групп сопротивленцев и их сторонников. В результате множество предполагаемых советских виновников в преступлениях против прибалтийских народов были привлечены к суду по обвинению в геноциде и, в некоторых случаях, осуждены. В число этих преступлений входили убийства и депортации органами НКВД граждан Латвии, Литвы и Эстонии в период оккупации 1940–1941 годов. К ним также относились преступления, совершенные в период повторного присоединения этих стран после Второй мировой войны; жестокие акции НКВД против «лесных братьев» (местных групп сопротивления) и их сторонников из числа населения, а также раскулачивание, депортации и кампании против «врагов народа» и «националистов», имевшие место, главным образом, в период коллективизации в этом регионе в 1948–1949 годах. Конечно, осужденные – и прибалты, и русские – были всего лишь винтиками в машине репрессивного сталинского режима, но нередко это были весьма активные и жестокие винтики. Кстати, насколько мне известно, это первый и единственный случай, когда служащие сталинского государства предстали перед судом и были осуждены за «преступления против человечности», или геноцид, на территории бывшего Советского Союза (23).

Эволюция закона о геноциде, имевшая место в случае стран Балтии, несмотря на свою отчасти политизированную природу, позволяет сделать ряд важных выводов в связи с проблемой советского геноцида (24). Например, в правовых кодексах этих государств признается тот факт, что часто бывает трудно доказать намерение преступника, в данном случае – Сталина, совершить массовое убийство. Существовало ли намерение уничтожить такое количество прибалтов

в периоды оккупации и повторного присоединения? Суды этих стран, опираясь на прецеденты из международного права, полагают, что факт намерения (умысел) может быть выведен из самих конкретных событий, из того, сколько людей погибло, и насколько организованно производились операции. Суды также отмечают, что не менее важны внешние эффекты, сопровождающие преступление: проводились ли аресты и депортации в соответствии со стандартной правовой процедурой того времени; сопровождались ли эти акты ненавистью, проявлявшейся в лексике и поведении исполнителей; имела ли место ненужная жестокость. Как и в убийстве первой степени, доказать факт умысла и преднамеренности в геноциде, не вызвав при этом законных сомнений, крайне сложно. О чем говорят судебные прецеденты – как в странах Балтии, так и на международном уровне – так это о том, что умысел заключен в самой специфике подобных преступлений.

Еще один вывод, сделанный в ходе судебных процессов против советских геноцидариев в странах Балтии, заключается в том, что уничтожение части группы может рассматриваться как геноцид, если ставит под угрозу существование всей группы. Соответствующие судебные решения отсылают нас к делу Сребреницы, в котором международными судами было принято знаковое, в историческом и юридическом смысле, решение, что убийство армией боснийских сербов почти восьми тысяч боснийских мусульман было геноцидом, поскольку было направлено против всего народа – «как такового», если использовать это важное уточнение из конвенции о геноциде. В этом правовом контексте логичным выглядит ретроспективное заключение о том, что сталинские атаки на многие народы в 1930-х – начале 1940-х годов составляли попытку уничтожить их «как таковые». Украинский голодомор и депортация и убийство

поляков в Советском Союзе определенно отвечают критериям этого направления правового мышления.

Наконец, случаи стран Балтии выявляют любопытные нюансы в вопросе о том, должен ли геноцид всегда быть направлен против «других» этнических, национальных, расовых или религиозных групп, как записано в конвенции о геноциде, но не социальных или политических. С момента нового обретения независимости латыши, литовцы и эстонцы предпочитают игнорировать неприятную историческую правду, состоящую в том, что непосредственную ответственность за депортации, раскулачивание и репрессии против «лесных братьев» и их сторонников несли подчас их земляки – местные коммунисты и энкавэдэшники. Впрочем, суды прекрасно знают это, поэтому на скамье подсудимых часто оказываются не только славяне, но и сами прибалты. Делает ли это атаки на эстонцев, латышей и литовцев менее геноцидальными, чем в случае, если бы они осуществлялись исключительно русскими и украинцами?

Возможно, наибольшую известность приобрел случай Арнольда Мери (двоюродного брата почитаемого в Эстонии первого президента этой страны Леннарта Мери), который в мае 2008 года был привлечен к суду по обвинению в геноциде в связи с депортацией 251 эстонца с острова Хийумаа в Сибирь в марте 1949 года. Сорок три депортированных умерли в ссылке. Мери, который был первым эстонцем, удостоенным звания Героя Советского Союза в годы Второй мировой войны, виновным себя не признал, настаивая, что просто выполнял приказ. Мери умер в марте 2009 года, не дожив до завершения суда; российский президент Дмитрий Медведев посмертно наградил его орденом за службу в годы войны.

Важно отметить, что риторика, сопровождавшая кампании Москвы против прибалтийских народов в 1940-е годы,

была направлена не против собственно национальностей, а против «бандитов», «контрреволюционеров», «кулаков», «врагов народа», как и риторика сталинских кампаний 1930-х годов. Случаи в странах Балтии отражают факт более широкого признания международной юриспруденцией политических групп в качестве правомерных объектов геноцида, хотя конвенцией 1948 года они и были безоговорочно исключены из рассмотрения. В то же самое время в Аргентине ряд генералов и высоких чинов полиции были привлечены к суду по обвинению в геноциде против своего «народа» в связи с массовыми убийствами аргентинских граждан в период 1976–1983 годов (25). С учетом этого, случаи стран Балтии демонстрируют также, что порой то, что выглядит как классовый геноцид, может содержать в себе устойчивые этнические или национальные элементы. В своей важной работе о камбоджийском геноциде Бен Кирнан наглядно показывает, как непросто отделить друг от друга социальные и этнические критерии, которые часто смешиваются. Из его исследования очевидно, что отличить события в полпотовской Камбодже от классических примеров геноцида с помощью терминов типа «автогеноцид» или «социальный геноцид» невозможно – слишком уж много этнических компонентов в нем присутствовало (26).

То же самое можно сказать о советских атаках на поляков, немцев, корейцев, украинцев и народы Северного Кавказа, где – по-видимому – эти действия, по крайней мере, изначально, не имели цели уничтожить коллективную национальную идентичность этих народов, но в итоге все свелось к попытке сделать именно это. Верно и обратное, о чем уже было сказано: «кулаки» превратились в «народ», и то же, до известной степени, произошло с «социально-чуждыми элементами» и «право-троцкистским блоком». Их семьи оказались втянутыми в водоворот приговоров, смер-

тей и ссылок; их предполагаемая социально-историческая ущербность рассматривалась как, в той или иной степени, передаваемая по наследству. Их следовало удалить из общества как чуждые «элементы» или «контингенты». Политические и социальные группы стали «выдуманными нациями». В этом смысле, спор о том, был ли украинский голодомор направлен против крестьян или украинцев, упускает из виду тот факт, что эти категории легко смешивались, перетекали одна в другую. Сталин рассчитывал, как минимум, уничтожить их культуру и традиционный уклад.

Объективное понимание международного права, таким образом, вполне позволяет включить те виды преступлений, которые сталинский режим совершил по отношению к советскому народу, в конвенцию о геноциде. Тот факт, что эти смертоносные инициативы Сталина, направленные, в том числе, против социальных и политических групп населения, не были, по политическим мотивам, включены в конвенцию 1948 года, является недостаточным оправданием для исключения их учеными из своих формулировок.

Глава 2

СТАНОВЛЕНИЕ ГЕНОЦИДАРИЯ

Ни один серьезный обозреватель сегодня уже не сомневается, что Сталин был жестоким и бесчеловечным деятелем, без малейших колебаний отправившим на смерть миллионы советских граждан. А, судя по опубликованным за последние пятнадцать лет относительно систематическим историческим исследованиям, не может быть сегодня сомнений и в том, что Сталин был полностью ответственен за массовые убийства, совершенные в этот период, и знал детали всех крупных акций. Мы имеем множество рассекреченных документов, свидетельствующих, что Сталин лично подписал сотни арестных списков с резолюцией «расстрелять» в большинстве из них, что он постоянно поощрял своих подчиненных к исполнению «высшей меры» и критиковал за неуместную мягкость и отсутствие бдительности в отношении «врагов народа». Дмитрий Волкогонов приводит показательную историю о том, как Сталин просматривал «расстрельный» список:

... Сталин, не обращаясь ни к кому, обронил: «Кто будет помнить через десять-двадцать лет всех этих негодяев? Никто. Кто помнит теперь имена бояр, которых убрал Грозный? Никто... Народ должен знать: он убирает своих врагов. В конце концов, каждый получил то, что заслужил» (1).

Как кот, играющий с мышью, Сталин дразнил своих подчиненных, рисуя страшные перспективы ссылки, жизни в Гулаге, пыток и расстрела, и наблюдал, как они реагируют на его издевки, насмешки и садистский юмор. Иногда он подставлял кого-то из своих, позволяя арестовать по ложному обвинению, давал надежду на помилование, а затем бросал, обрекая на допросы, пытки и расстрел. Он подвергал аресту и ссылке даже жен, детей, братьев и сестер своих соратников, а сам смотрел, не дрогнут ли они, не сломаются под таким давлением. Молотов с Кагановичем не дрогнули. Когда время от времени кто-то из соратников Сталина совершал самоубийство, подчас оставив адресованную вождю предсмертную записку о своей невинности, его это не трогало. Самоубийство только подтверждало вину этих людей: совершая его, они пытались избежать справедливого наказания за свои преступления. Те, кто отказывался признавать свою вину, считались гордецами, противопоставившими себя партии. А те, кто признавал в надежде спасти себя и своих близких, приговаривались к расстрелу или к ссылке, поскольку сами сознались в преступлении. Их семьи обычно подлежали наказанию, независимо от того, признали они свою вину или нет.

Сталину нравилось иметь власть над жизнью и смертью 170 миллионов человек, населявших Советский Союз (в 1938 году), и он безгранично ею пользовался. То, что он лично знал многих из своих жертв, похоже, только усиливало его циничное чувство вседозволенности, даже если последствия были крайне серьезными. Казалось, будто у него отсутствовала лобная доля мозга, ответственная за сочувствие к жертвам. Даже когда он прекращал чистки или, наконец, обеспечивал помощь голодающим районам, он не испытывал ни малейшего сожаления по поводу количества погибших и пострадавших. Поступавшие на его имя бес-

численные отчеты о потерях – человеческих, моральных и материальных – сопровождавших насильственные депортации советских граждан, не заставили его предпринять какие-то действия и не вызвали сожаления. Описания ужасных картин украинского голодомора 1932–1933 годов, включая многочисленные случаи каннибализма, также оставили его равнодушным.

Жизни вверенных его руководству советских граждан не имели для Сталина – при всех намерениях и целях – самостоятельной ценности. Сегодня, особенно в России, много значения придают сталинскому руководству в годы Второй мировой войны. Но мало кто из русских задается вопросом, сколько человек из двадцати семи миллионов, которыми исчисляются советские потери в годы войны, пали жертвой сталинского безразличия к их судьбам, сталинской готовности бросить их на линию огня без надлежащего вооружения и защиты, сталинского желания даже в годы войны отправлять советских людей в ссылку и на потенциальную смерть в Гулаг, а также его бесчисленных ошибок как главнокомандующего и «генералиссимуса».

Даже после войны и закрепления за Советским Союзом статуса великой державы репрессии и политические убийства не прекратились, хотя их размах и уменьшился. С победой над нацизмом стали еще более отчетливыми проявления сталинского личного тщеславия, а начавшаяся «холодная война» стала питательной средой для его ксенофобии. В конце 1948 года Сталин развязал кампанию против советских евреев, обвинив их в «космополитизме» и работе на иностранные спецслужбы: американское ЦРУ и еврейский «Джойнт» (еврейская благотворительная организация «Джойнт Дистрибьюшн Сервис»). В июне 1952 года сталинскими органами госбезопасности был «раскрыт» тайный заговор с участием преимущественно кремлевских врачей

еврейского происхождения – так называемое «дело врачей», которое вполне могло завершиться депортацией в Сибирь и на Крайний Север всего еврейского населения Советского Союза. Нам до сих пор неизвестны все документальные подробности плана переселения советских евреев. Зато с уверенностью можно сказать, что евреям очень повезло, что Сталин умер в марте 1953 года, прежде чем массовая депортация успела начаться.

Как объяснить появление такого масштабного душегуба, как Сталин? Был ли он прирожденным убийцей? Или это обстоятельства его детства и юности в горах Грузии превратили его в жестокого диктатора, отнявшего многие миллионы невинных жизней? Каково было влияние большевистской фракции Российской социал-демократической партии, немногочисленной и предельно дисциплинированной группы профессиональных революционеров, в которую Сталин вступил, будучи молодым радикалом? Во главе большевиков стоял Владимир Ильич Ленин, деятель, который и сам был готов жертвовать невинными человеческими жизнями ради высших интересов революции и защиты ее завоеваний. Сталин искренне считал Ленина «горным орлом» революционного движения и почитал за честь учиться у него. Во время Гражданской войны Ленин выступал за использование «самых драконовских мер» для борьбы с контрреволюцией и лично подписывал расстрельные списки с сотнями имен предполагаемых белогвардейцев (2). Можно ли объяснить жестокость Сталина тем, что он был «лучшим учеником Ленина», каким его часто изображают сталинисты?

Далее уместно спросить, не явились ли обстоятельства захвата Сталиным власти в 1920-е годы, что потребовало хитрости, вероломства и умения строить козни, питательной средой, породившей у победителя жажду крови его менее удачливых политических соперников. Из «мальчика на

посылках», которым, как считают, он был в период революции, и не блестящего руководителя времен гражданской войны Сталин вырос в генерального секретаря ЦК партии и одного из главных претендентов на место Ленина. Он не был политическим лидером, поэтому не выносил сопротивления в любой форме – реального, потенциального или вымышленного. Он предпочитал крушить своих врагов, загонять их в ссылку или ставить к стенке. Реальные обстоятельства, в которых происходила борьба за власть между Сталиным и его соперниками, без сомнения, способствовали тому разгулу массового убийства, которое осуществляло советское правительство под его руководством. Уже сам запах крови, витавший в кремлевском воздухе в 1930-е годы, вполне мог питать растущую кровожадность сталинского режима.

Некоторые биографы Сталина полагают, что причинами, побудившими его избавиться от чувств по отношению к другим людям, стали смерть его первой жены, Екатерины (Като) Сванидзе, случившаяся в 1908 году, вскоре после рождения их сына Якова, и самоубийство в 1932 году второй жены, Надежды Аллилуевой. Другие утверждают, что смерть Аллилуевой и убийство в декабре 1934 года его близкого соратника Сергея Кирова были теми событиями, которые, вместе взятые, изолировали его от товарищей и сделали еще более жестоким и бессердечным. Дочь Сталина Светлана Аллилуева писала, что после смерти ее матери и смерти Кирова «он перестал верить в людей: может быть, он всегда не очень-то им верил...» (3). Однако доводы, объясняющие его бесчувствие к человеческому страданию, носят более кумулятивный характер и включают как аспекты его детства и приобщения к революционной борьбе, так и последующие события, связанные с его участием в гражданской войне и политических усобицах 1920-х годов. Тем

не менее, до начала 1930-х годов Сталин был еще в состоянии переживать периоды душевной теплоты в семье и подлинной дружбы в моменты отдыха.

Иными словами, не существует единственного ключа к пониманию причин сталинского насилия в 1930-е годы, а есть – как это часто бывает в истории геноцида – целая совокупность пересекающихся факторов, приведших Сталина к массовому убийству миллионов. Это и его собственная, склонная к насилию, натура, и особенности становления как личности и революционера; его приверженность большевизму и ленинскому «жесткому» подходу к проблеме захвата и удержания власти; сама природа советской власти с ее утопической коммунистической идеологией, осуществленной в отсталой, традиционалистской стране; а также обстоятельства победоносной борьбы Сталина за власть и его максималистские идеологические цели. Но прежде всего прочего был злой и жестокий лидер. Как пишет Мартин Малия, «параноидальная личность Сталина-человека и свойственный ему садизм, определенно, составляют решающий элемент, сделавший его правление похожим, по выражению Бухарина, на возвращение Чингисхана» (4).

Сталин (Иосиф Джугашвили) родился в Грузии, в горном городке Гори, примерно в восьмидесяти километрах к западу от Тбилиси (Тифлиса). Этот регион Кавказа – красивый и величественный – страдал от бедности, безнадежной отсталости и эксплуатации со стороны России. Грузины – гордый и темпераментный народ, чью национальную идентичность формировали традиционные народные песни, грузинская православная церковь, которая возникла раньше русского православия, и сказания о разбойниках и воинах, защищавших независимость и культуру Грузии от враждебных соседей – Ирана, Турции и России. Большинство

биографов называют датой рождения Сталина 6 декабря 1878 года, когда Грузия находилась под пятой царской имперской администрации и подвергалась политике русификации, диктуемой Петербургом и проводимой местными губернаторами. Сын своих родителей – молодого, грубоватого красавца-сапожника Виссариона (Бесариона, или Бесо) Джугашвили и умной, волевой и набожной Екатерины (Кеке) Геладзе, происходившей из семьи грузинских крестьян – Сталин рос в атмосфере бедности и религиозности, обычной для грузинских горожан крестьянского происхождения.

Некоторые биографы предпочитают объяснять сталинскую кровожадность 1930-х годов тем, что отец, как известно, избивал его и подчас довольно жестоко. Дело в том, что Бесо любил выпить, с годами все больше, и к 1890 году, в котором он бросил семью, фактически превратился в алкоголика. Мать же Сталина в сыне души не чаяла, особенно если учесть, что два других ее ребенка умерли в младенчестве. Впрочем, картина сталинского детства была более сложной, чем ее преподносят иные биографы. Известно, что мать тоже побивала сына и была очень строга с ним, а в том, что отец, особенно в пьяном виде, поднимал на него руку, не было, возможно, ничего необычного. При близком рассмотрении ни одно из объяснений чрезмерного использовании физических наказаний в воспитании Сталина не выглядит убедительным. Сам Сталин обмолвился в интервью Эмилю Людвигу: «Мои родители были необразованные люди, но обращались они со мной совсем не плохо». А дочь Сталина Светлана Аллилуева вспоминает, что отец как-то сказал ей: «Драки, грубость нередкое явление в бедной, полуграмотной семье, где глава семьи пьет. Мать была мальчика, ее бил муж. Но мальчик любил мать и защищая ее, однажды бросил нож в своего отца» (5).

По сути, нельзя сказать, что юный Сталин – Сосо, как называли его родные и друзья – рос в условиях, чем-то отличавшихся от тех, что были типичны для грузинских городских низов того времени. Как и все, он бегал с друзьями по улицам родного Гори, дрался на кулаках и участвовал в хулиганских выходках. Мальчиком он переболел оспой в тяжелой форме, навечно испещрившей его лицо некрасивыми отметинами. Он также слегка прихрамывал после травмы, полученной, когда его однажды на улице сбила повозка, а в результате другого аналогичного инцидента у него оказались парализованы левая рука и плечо. Но также верно и то, что в духовном училище, в котором он учился в Гори, Сталин слыл очень хорошим учеником и обладателем красивого певческого голоса. Он много читал и усердно учился. До самых последних лет своей жизни он сохранил полученную в детстве привычку к самообразованию (6). В то время как некоторые биографы изображают юного Сталина как хулигана и головореза, грубого в обращении с животными и всегда готового подраться, более характерной чертой его молодых лет была склонность к романтизму, народной грузинской песне и поэзии. Эта сильная романтическая жилка усугубила привязанность Сталина к грузинской народной традиции и эпическим песням, которые их молодые поклонники заучивали наизусть (7).

Как все поколение недовольной грузинской молодежи, Сосо цитировал «Витязя в тигровой шкуре» Шота Руставели – эпической поэмы двенадцатого века, воспевавшей героические черты грузинского национального характера. Один из биографов Сталина пишет, что некоторые из любимых сталинских выражений были цитатами из Руставели, в том числе: «Моя жизнь – безжалостная, как зверь» и «Недруга опасней близкий, оказавшийся врагом» (8). Одним из любимых писателей Сталина был грузинский патриотиче-

ский автор Александр Казбеги, чья известная эпическая поэма «Отцеубийца» восславляла доблесть и героизм Кобы – справедливого мстителя за обиды грузинского народа. Коба, пишет другой биограф Сталина, «представлял благородный идеал человека чести, не желающего мириться с несправедливостью» (9). Сталин явно идентифицировал себя с Кобой, взяв это имя в 1903 году в качестве своего первого подпольного псевдонима, и некоторые из друзей называли его Кобой до конца жизни. Даже когда незадолго до Первой мировой войны он взял себе партийный псевдоним «Сталин», то есть «человек из стали» – идеальное отображение образа, который ему хотелось воплощать – еще несколько лет он продолжал ставить перед ним инициал «К.» от «Коба» (10).

Мать Сталина была убеждена, что ее любимый, талантливый сын должен стать священником. При помощи одной лишь решимости и убеждения она сумела добиться, чтобы его взяли студентом-стипендиатом в грузинскую православную семинарию в Тифлисе. Здесь в 1894 году Сталин был вынужден изучать русские предметы на русском языке под руководством русских священников, что раздражало и его, и его одноклассников. Тифлис был крупным многонациональным центром западного Кавказа. В отличие от тиши и глади провинциального Гори, в Тифлисе Сосо столкнулся с такими вещами, как развитие политического радикализма в Российской империи и зарождение рабочего движения. Именно в семинарии Сосо познакомился с радикальной литературой, захлестнувшей в ту пору студенческую среду по всей империи. Там он впервые прочел Спенсера и Чернышевского, Дарвина и Маркса. Особенно значимой для Сталина оказалась сильнодействующая смесь из грузинской радикальной литературы и марксистской критики народников. Даже став, в итоге, главным источни-

ком марксистско-ленинской идеологии в Советском Союзе и во всем мире, Сталин не утратил приверженности грузинской литературной традиции, которую он усвоил, будучи семинаристом.

Вскоре, к тому же, Сталин связался с серьезными радикальными группами в городе, которые задействовали его как пропагандиста в рабочей среде. В 1899 году Сталин навсегда оставил семинарию, чтобы посвятить все свое время социал-демократической работе. Попав в поле зрения полиции, он ушел в подполье и переехал в Батуми, где принимал активное участие в организации стачек. Как и многих образованных и идеалистически настроенных молодых людей с «периферии» Российской империи (Царство Польское, Грузия, Армения или «черта оседлости»), Сталина привлекала растущая мощь и боевитость рабочего движения и его социал-демократического руководства. К тому времени Сталин как молодой революционер уже демонстрировал ряд характерных черт, которые сохранились у него на всю будущую взрослую жизнь: нетерпимость к разногласию во мнениях, склонность наживать врагов и угрюмая, замкнутая манера поведения. Многие мемуаристы того времени упоминают его «кривую», «легкую» или «искусственную» улыбку, словно бы он знал что-то, чего не знают они, но не говорил. В то же время, он был спокойным, сдержанным и собранным. Его давний соратник Лазарь Каганович вспоминал: «Сталин вовсе не был таким, как его рисуют. ... Я-то знаю Сталина с первого периода его работы, когда он скромный был человек, очень скромный. Не только жил скромно, а скромно со всеми нами вел себя» (11).

В период между 1902 годом, когда он был арестован в Батуми, и революцией 1917 года Сталина преследовала полиция, он дважды подвергался аресту и ссылке и жил в подполье, будучи агитатором социал-демократической пар-

тии. По партийным делам ему несколько раз удавалось на короткое время выезжать в Европу и в Петербург. Особенно важным для его формирования как революционера стал бакинский период (1907–1910 годы). Соприкоснувшись в Баку с мощным многонациональным движением рабочих нефтяной промышленности, Сталин убедился, что открытая агитация может быть не менее эффективной, чем подпольная пропаганда. А, главное, он научился гибкости в методах и реалистическому восприятию возможностей революции. Взаимодействие с мощным бакинским профсоюзным движением заставило его внести ряд корректив в свою тактику. Этот жесткий прагматизм был определяющей чертой его политики вплоть до самых последних лет жизни, когда старческий эгоцентризм и самомнение взяли над ним верх.

Большевизмом и радикализмом Ленина Сталин пленился сразу и безоговорочно. Все в Ленине импонировало молодому грузинскому радикалу: ленинская преданность партии профессиональных революционеров и бескомпромиссно-революционному направлению марксизма; ленинский полемический стиль и боевой настрой, царящий внутри партии; ленинская готовность оправдать пролетарское насилие и даже террор, если они помогут делу партии социал-демократов. Ленин был отцом-основателем большевизма. Юный Коба, если отбросить всю гиперболическую риторику времен культа личности, быстро усвоил идеологию фракции и ее революционную тактику. Ради дела партии он принял участие в серии ограблений банков и «экспроприаций», самая впечатляющая из которых имела место в Тифлисе в 1907 году. Биографы Сталина порой ссылаются на эти ограбления как на свидетельство его преступной и склонной к насилию натуры, хотя, скорее, они должны рассматриваться как пример его верности партии и пренебрежения к тра-

диционной морали – качеств, присущих многим большевикам и эсерам.

Было бы неверным думать, что Сталин был лишь суровым большевиком-подпольщиком, хотя, конечно, им он тоже был. Сталин был также идеологом, и на посту редактора газеты «Правда» выполнял важную задачу разъяснения читателям меняющейся платформы Ленина и большевистского руководства. Сталин был превосходным редактором и со временем только вырос в этом качестве. Не владея в совершенстве русским языком, Сталин зато прекрасно понимал важность острой агитационной прозы и охотно брался переписывать статьи своих товарищей в этом ключе. Это был талант, который он развивал и демонстрировал до конца своей жизни (12).

Как многим радикалам того времени, Сталину довелось отбывать срок в царской ссылке за свою революционную деятельность. Его первый опыт ссылки – в 1903–1904 годах в Иркутской губернии – оказался относительно щадящим. Он имел возможность читать и писать, встречаться с другими революционерами и налаживать дружеские связи среди ссыльных. То же можно сказать о ссылке в Вологодскую губернию в 1909–1912 годах. По сравнению – особенно – с советскими депортациями 1930-х годов, условия первых сталинских ссылок выглядят просто роскошными. Более трудным и серьезным испытанием для формирования его характера стала ссылка в заполярную Курейку (Туруханский край), где он пробыл с 1914 года и почти до революции 1917 года. Там Сталин жил в чрезвычайно суровых условиях крошечного изолированного северного поселка. Менее закаленные мужчины жестоко страдали бы от холода, одиночества и необходимости проводить время в компании немногочисленного местного населения. Сталин, похоже, чувствовал себя вполне комфортно в окружающих

его обстоятельствах или, по крайней мере, успешно справлялся с ними, находя утешение в общении с местными семьями (и женщинами) и наслаждаясь уединенностью охоты и рыбалки на Крайнем Севере. Из этого сурового мира он вернулся еще более собранным и уверенным в своей способности выжить в любых условиях человеком. Когда ранней весной 1917 года Сталин присоединился к революционным событиям в Петрограде, он был закаленным и целеустремленным большевистским лидером, способным работать часами и осуществлять поставленные задачи – в том числе, поставленные им самим – решительно и эффективно.

Роль Сталина в Великой Октябрьской революции в целом была ролью ведомого, а не ведущего. При этом он всегда был рядом с Лениным, готовый выполнить те задачи, которые ему поручали. С одной стороны, он был ленинским «разнорабочим», мастером на все руки, с другой, он сделался незаменимым для многих своих товарищей тем, что успешно и без недовольства и колебаний выполнял организационно-снабженческие и политические поручения. В отличие от высоколобых интеллектуалов, которых было так много в руководстве революции – Ленина, Троцкого, Зиновьева, Бухарина и других – Сталин был готов довольствоваться ролью партийного лидера, который мало говорит, но при этом делает дело. Ошибочно полагать, что Сталин был всего лишь головорезом и мальчишкой на побегушках – образ, успешно, но безосновательно внушенный последующим поколениям Троцким. Сталин управлял событиями и создавал условия, в которых он был обречен на успех.

Во время русской гражданской войны 1918–1921 годов Сталин какое-то время служил на Волге, был большевистским руководителем Царицынского фронта. Дела у красных в Царицыне шли из рук вон плохо и грозили обернуть-

ся катастрофой, когда Ленин послал туда Сталина с целью укрепить оборону. Решительно взявшись за дело, Сталин писал Ленину: «Гоню и ругаю всех, кого нужно, надеюсь, скоро восстановим положение. Можете быть уверены, что мы не пощадим никого, ни себя, ни других...». В ответ на ленинское беспокойство по поводу надежности левых эсеров в Царицыне Сталин заверил: «Что касается истеричных – будьте уверены, у нас рука не дрогнет; с врагами будем действовать по-вражески». Чтобы навести порядок и закончить с потенциальными политическими оппонентами, Сталин действовал в тесном контакте с ЧК. Климент Ворошилов, который командовал войсками в Царицыне, описывал один эпизод, где «резюльция Сталина была короткая: “Расстрелять”. Инженер Алексеев, его два сына, а вместе с ними значительное количество офицеров, которые частью состояли в организации, а частью лишь по подозрению в соучастии в ней, были схвачены чрезвычайкой и немедленно, без всякого суда, расстреляны» (13).

Царицынский эпизод гражданской войны стал определяющим моментом в растущем соперничестве Сталина с Троцким, который командовал Красной армией. Сталин был крайне возмущен использованием в армии бывших царских генералов и специалистов; он был убежден, что они тормозят процесс становления пролетарских вооруженных сил и подрывают дело большевиков. Троцкий же, напротив, считал необходимым использовать их опыт и умение в борьбе против белых. Между тем, Троцкий откровенно скептически оценивал руководящие способности неотесанного грузина и говорил, что тот ничего не смыслит в военных делах. Эти двое жаловались друг на друга Ленину и настаивали каждый на своем преимущественном праве принимать решения по Царицынскому фронту.

Несмотря на голословные обвинения Троцкого, Сталин оказался способен организовать оборону Царицына от белых и успешно выполнить главную задачу удержания территории. Тогда Сталин впервые столкнулся с массовым кровопролитием, в том числе казнями без суда и следствия и жестокими карательными мерами. Сказать, что именно на Сталине лежит вина за большевистское насилие на Волжском фронте, было бы преувеличением. Но ясно также и то, что он не боялся прибегать к самым крайним мерам ради сохранения Советской власти. В этом, впрочем, он мало отличался от самого Ленина, который, как известно, призывал демонстративно вешать зажиточных крестьян («повесить (непрерменно повесить), *чтобы народ видел*») в качестве меры подавления восстаний и расстреливать на месте предполагаемых белогвардейцев (14). Так или иначе, но, как утверждает, среди прочих, Йорг Баберовски: «В эксцессах гражданской войны на свет появился сталинизм» (15).

Сталин также принимал участие в советско-польской войне 1920–1921 годов в качестве члена военного совета фронта. И опять большевистским руководством поднимались вопросы о военном искусстве Сталина. В конце концов, он был раскритикован – естественно, особенно усердствовал Троцкий – за то, что отказался дать сигнал к наступлению на Варшаву, предпочтя собственную атаку на львовском направлении. Однако то, что поляки успешно противостояли Красной армии и сумели заключить в Риге выгодный мирный договор, обеспечивший им надежную границу на востоке, не было результатом лишь сталинских просчетов. Советское поражение в этой войне не было забыто Сталиным – как, видимо, и любое другое поражение; в этом смысле, у него была долгая память. Его неприязнь к полякам проявилась вновь в последующие годы самым зловещим образом. И, конечно, еще больше усилилось после

польской войны его соперничество с Троцким; уже к тому времени, как пишет Роберт Сервис, «он [только] ждал удобного момента, чтобы отомстить» (16).

Суровый, жестокий, холодный и бесстрастный человек, Сталин воспринимал победу революции над ее врагами и установление Советской власти не как источник радости и удовлетворения, а как вызов, проверку на прочность его позиции внутри советской иерархии. Его жажда личного влияния, спрятанная под внешней готовностью к приспособлению и компромиссу, означала, что он будет бороться за позицию Ленина в партии, когда главного большевика сразит серия инсультов (первый – в мае 1922 года) и в январе 1924 года он скончается. Из всех большевистских лидеров, работавших с Лениным, Сталин, по-видимому, был с ним наиболее близок. Их взгляды по поводу новой экономической политики и национального вопроса тоже были более близкими, чем зачастую утверждается (17). Так что в намерении Сталина возглавить партию после ленинской смерти не было ничего нереалистичного.

В своем знаменитом «Завещании», написанном 23–26 декабря 1922 года, Ленин, как известно, перечислил положительные и отрицательные черты ряда большевистских лидеров, включая Сталина, не назвав при этом конкретного наследника. Однако ленинское «добавление» к «Завещанию» от 4 января 1923 года, написанное под впечатлением от запугивания Сталиным лидеров грузинской партии, показало, что смертельно больного Ленина беспокоили личные качества Сталина, его «грубость» в обращении с товарищами и неумение вести себя. Когда вскоре после этого жена Ленина, Надежда Крупская, пожаловалась мужу, что Сталин невежлив с ней и не пускает ее к нему, это только усилило ленинские подозрения насчет амбиций Сталина. Но было уже поздно: 21 января 1924 года Ленин умер. Ин-

триги, которыми Сталин окружил смерть и похороны Ленина, и его способность преподнести себя как самого преданного ленинского ученика, демонстрировали окружающим, особенно его предполагаемым союзникам Зиновьеву и Каменеву, что он добивается высшей власти. «Завещание» Ленина вместе с добавлением было зачитано Центральному Комитету партии много позже, в июле 1926 года, когда Сталин, Зиновьев и Каменев более или менее прочно закрепили за собой контроль над партийным руководством и могли отмахнуться от ленинских замечаний как от причуд старого больного человека.

Борьба за власть в партии во второй половине 1920-х годов так подробно и полно документально освещена в существующей литературе, что нет смысла пересказывать ее здесь. Харизматичный и умнейший Лев Давидович Троцкий, которого многие прочили в преемники Ленина на посту главы партии, все больше обособлялся от основной массы партийных лидеров. Его граничащая с высокомерием самоуверенность, его невнимание к партийному аппарату – то, в чем Сталина точно нельзя было упрекнуть, – и его частые отлучки из столицы заставляли померкнуть его славу блестящего руководителя Красной армии и рождали у многих сомнения в его способности возглавить Советское государство. Другие главные участники борьбы за власть: Зиновьев, Каменев и Бухарин, – претендовали на ведущие роли в партии и, как и Сталин, писали трактаты о ленинизме, чтобы подкрепить свои притязания. Заботы о партийном аппарате и общение с партийными руководителями среднего звена они, в итоге, доверили Сталину (18).

Сталинская способность сначала заключить союз на левом фланге с Зиновьевым и Каменевым против Троцкого, а затем на правом с Бухариным, Рыковым и Томским уже против Зиновьева и Каменева, при этом неизменно пред-

ставая в роли абсолютно беспристрастного защитника партийного единства, гарантировала ему успех в этой борьбе. Одновременно Сталин содействовал карьерному росту ряда способных, но безынициативных своих подчиненных, в том числе Молотова, Кагановича, Микояна и Ворошилова, которые в конце 1920-х поддержали его атаки против Рыкова, Томского и Бухарина. Методы, отработанные Сталиным в борьбе за власть, пригодились ему несколько лет спустя, во время подготовки юридически оформленных убийств своих политических соперников, «старых большевиков», и запуска геноцидных кампаний, ставших отличительной чертой 1930-х годов. Для уничтожения своих соперников Сталин тщательно выждал время, он строил планы молча и основательно. «Для меня величайшее наслаждение, – как говорят, признавался он, – выбрать своего врага, подготовить все детали удара, утолить жажду жестокой мести и затем отправиться спать... Нет ничего слаще в мире!» (19).

Многое узнать о методах Сталина позволяют недавно рассекреченные протоколы внутренних дискуссий на заседаниях Политбюро и пленумах ЦК конца 1920-х и начала 1930-х годов – решающего периода в процессе сталинского «захвата власти» (20). Эти дискуссии носят ожесточенно-полемический характер, без всяких правил и запретов. Однако Сталин по-прежнему предпочитает оставлять без ответа самые тяжелые обвинения в свой адрес и занимать позу третейского судьи в вопросе о партийном единстве. Он относительно сдержан, в то время как другие дерутся. Молотов, в частности, выступает в роли цепного пса Сталина. Сначала козлом отпущения оказывается Троцкий; он постоянно обороняется, хотя и сам выступает часто и агрессивно. После того как в 1927 году Троцкий фактически устранился со сцены, молнии летят в «правую оппозицию»: Рыкова, Томского и, чуть позже, Бухарина. Их обвиняют

в провалах партийной политики и партийных интригах вокруг «второй революции», коллективизации и первого пятилетнего плана. Сталин все это время сохраняет позу твердого, как камень, защитника революционных завоеваний, хотя время от времени он тоже задает нелюбезные вопросы и отпускает саркастические замечания в адрес тех, кто находится под огнем критики. Его выступления короткие и сжаты, более характерны для судьи, чем для прокурора. Но при необходимости он может перейти в наступление, атакуя своих оппонентов со злобой и цинизмом.

Сталинская позиция в этих партийных спорах, как и во многих других эпизодах его публичной жизни, была притворной. Он был эмоциональным человеком, под невозможной внешней оболочкой которого кипели гнев и негодование на соперников, и ему стоило больших усилий держать эмоции под контролем (21). Однако в частных письмах и беседах с ближайшими соратниками он демонстрировал всю глубину пронизывающей его откровенной ненависти. В письме Молотову в сентябре 1930 года он использует в отношении Бухарина лексику, которую обычно редко использует на публике: «прогнивший пораженец» и «дохлый оппортунист». В том же письме он советует Молотову: «Если опять попытаются высунуться Рыков и Ко, дай им по лбу. Достаточно мы их щадили. Теперь щадить их – значит совершать преступление» (22).

Хотя сама по себе борьба за главенство в партии не вела непосредственно к насилию, сталинские методы были методами принципиального конспиратора и искусного лицемера. Его способность принимать разные позы и обличья, в зависимости от требований момента, была характерным признаком его карьеры до самого конца. В то же время, он до конца жизни так и не расстался полностью со своими грузинскими привычками, вкусами и свойствами характера.

Ведь даже писал он до двадцати восьми лет исключительно по-грузински (23).

Так кто такой был товарищ Сталин? По-настоящему мало кто знал ответ на этот вопрос, даже если думал, что знает. В литературе можно найти множество примеров скрытности и уклончивости Сталина, когда речь заходила о его личности. В более поздний период жизни он обычно указывал на свои стилизованные парадные портреты и говорил собеседникам, что Сталин – вот он, в картинной раме, а во все не тот маленький, невзрачный человек с болезненным цветом кожи и рябым лицом, что стоит перед ними. Когда актер Алексей Дикий получил роль Сталина в одном фильме, Сталин спросил его, как тот собирается играть Сталина. «Так, как народ его видит», – ответил Дикий. «Правильный ответ», – якобы сказал Сталин и подарил актеру бутылку коньяка (24). Будучи на пике своей власти, Сталин, говорят, однажды накричал на своего сына Василия за то, что тот пользуется фамилией отца: «Ты не Сталин, и я не Сталин! Сталин – это Советская власть!» (25).

Реальный Сталин – подозрительный, холодный, мстительный, сдержанный, злой, грубый, умеющий достигать своей цели маленький, физически и морально, человек – создал, в итоге, образ величественного, имперского Сталина. Живя внутри своей облагороженной версии, он заставлял всех вокруг думать, что она настоящая. Запугиванием, принуждением и манипуляцией он добился огромной власти. Те, кто сомневался или не поддавался магии сталинской власти и тщеславия, смещались со своих постов, лишались партбилетов и оставались не у дел. В конце 1930-х годов их ждали лагеря и расстрел.

Глава 3

РАСКУЛАЧИВАНИЕ

Ахиллесовой пятой Советской власти, проблемой, к которой большевики, без особого успеха, возвращались снова и снова, было относительно отсталое крестьянство, составлявшее подавляющее большинство населения Советского Союза. В крестьянах большевиков раздражало всё: их религиозность и приверженность обычному праву, их предполагаемая примитивность и присущее от природы мелкобуржуазное сознание. Начиная с конца девятнадцатого века, европейские марксисты, исполненные предрассудков городских элит и веры в прогрессивные качества заводского пролетариата, твердили об «идиотизме деревенской жизни». Ленин, по крайней мере, признавал, что русское крестьянство обладает некоторыми революционными свойствами, и в революционной ситуации бедняки и середняки могут служить союзниками пролетариата. Действительно, в 1917 году русское крестьянство сыграло важную роль горячего материала революции: это и солдаты-новобранцы в армии, и вышедшие из крестьян непрофессиональные рабочие на заводах, и страждущие земли безземельные фермеры в деревне, которые помогли свергнуть самодержавие в феврале 1917 года и отстранили от власти Временное правительство в октябре.

Многие историки отмечают, что крестьяне часто первыми восстают в ходе революции и первыми же страдают

от нее, и революция 1917 года не исключение. Да, большевистский «Декрет о земле» от 8 ноября 1917 года удовлетворил крестьянский наказ о владении землей, осуществив лелеемые со времен крестьянских восстаний семнадцатого века мечты сельской России. Но уже в 1918 году, когда большевики отчаянно нуждались в хлебе для сохранения своей власти и ведения гражданской войны, крестьянские права на землю были быстро отменены, а принудительный сбор зерна отрядами красноармейцев и наскоро вооруженных рабочих оттолкнул от новой власти тех самых крестьянских производителей, которые своим бунтарством помогли свергнуть старый порядок.

Гражданская война в деревне носила смертельно-ожесточенный характер. Миллионы крестьян погибли: одни – сражаясь на той или на другой стороне, другие – просто потому, что оказались на пути многократно наступающих и отступающих Красной и Белой армий, отрядов анархистов, казаков, украинских и прочих националистов. Принудительные реквизиции зерна и попытки коллективизации деревни приводили к ожесточенным схваткам между крестьянами и представителями Советской власти. В Тамбовской губернии и на Волге вспыхнули крестьянские восстания. Одновременно там же, а также в других областях России и Украины разразился страшный голод, ставший следствием политики Советской власти, уничтожившей производительные возможности сельской России. У Ленина и большевиков не было иного выбора, кроме как отступить, пойти на так называемый «крестьянский Брест», временный компромисс с экономическими реалиями советской деревни. В 1921 году большевики объявили о введении «новой экономической политики», которая потребовала прекратить принудительные реквизиции зерна, позволила крестьянам оставлять у себя излишки хлеба и свободно торговать ими

на рынке, а также провозгласила «смычку» – взаимовыгодный союз рабочих с крестьянами. Многие историки считают, что это была просто пауза между первой войной большевиков с крестьянством 1919–1922 годов и последовавшей в 1928–1933 годах второй и решающей войной (1).

Совершенно очевидно, что экономическая и политическая цена НЭПа была неприемлема для Сталина и его союзников в Политбюро. То, что в исследованиях по советской истории часто называют «второй революцией», на самом деле было стремительно и жестоко осуществленной попыткой Сталина направить экономику страны в другое русло и спасти большевистскую революцию (тем самым сохранив свое лидерство в ней) от грозившего ей, как ему казалось, потенциального разложения. В 1928 году Сталин вводит первый пятилетний план, цель которого – осуществить быструю индустриализацию страны на основании невероятно высоких темпов роста. Как писали советские экономисты того времени, средства для финансирования индустриализации могли быть получены путем «принудительных сбережений». Это означало, что крестьяне будут вынуждены продавать зерно по низким ценам, при этом покупая необходимые им промышленные товары по более высоким, и потреблять гораздо меньше своей собственной продукции. Заготовленное зерно государство будет продавать за границу, а вырученные деньги инвестировать в промышленность.

В качестве оправдания своих чрезвычайных мер в промышленности и в сельском хозяйстве в годы «второй революции» Сталин регулярно использовал реальный страх людей перед угрозой войны и военного вторжения. «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет, – говорил он, выступая перед передовиками производства в феврале 1931 года. – Мы должны пробежать это расстояние в десять лет.

Либо мы сделаем это, либо нас сомнут» (2). Конечно, марксистско-ленинско-сталинская идеология предвидела войну и интервенцию; предполагалось, что капитализм и империализм неизбежно нападут на страну победившего социализма. Поэтому Советский Союз должен был находиться в состоянии постоянной боевой готовности. Но при Сталине военная паранойя вышла на новый уровень – отчасти по причине его собственной ксенофобии и веры в угрозу вторжения, а отчасти потому, что обеспечивала замечательно удобное оправдание для игнорирования здравого смысла в экономических вопросах и устранения предполагаемых политических врагов, в том числе кулаков. Выступая на ноябрьском (1929 г.) пленуме ЦК, в самом начале кампании коллективизации, Молотов вернулся к теме угрозы иностранного вторжения как мотивации советской политики: «Остается ноябрь, декабрь, январь, февраль, март – четыре с половиной месяца, в течение которых, если господа империалисты на нас не нападут, мы должны совершить решительный прорыв в области экономики и коллективизации» (3).

Учитывая нежелание крестьян расставаться с продуктами своего труда по низким ценам – они предпочитали съесть их сами или уничтожить – Сталин запустил в 1929 году ускоренную программу коллективизации деревни. За первые два месяца 1930 года половина советского крестьянства (примерно шестьдесят миллионов человек, более ста тысяч деревень) была загнана в наскоро сколоченные коллективные хозяйства (4). Цель данной программы, и на этот счет не должно быть заблуждений, была главным образом политической: сломать хребет независимому крестьянству, чтобы никогда больше «проклятые крестьяне» не имели бы возможности шантажировать советскую политику, придерживая зерно, вместо того чтобы продавать его государству.

Впрочем, посредством коллективизации Сталин также воплощал большевистское представление о советской социалистической деревне, вдохновлявшее ветеранов партии со времени революции.

Жестокая атака на традиционное крестьянское хозяйство сопровождалась полным разрывом Сталина с Бухариным, Рыковым и Томским, которые выступали против подобных «экономических» мер, и установлением сталинской диктатуры. Нужно, впрочем, также признать, что Сталин был не одинок в своей маниакальной нелюбви к русскому крестьянству и приверженности коллективизированному сельскому хозяйству. Многие большевики настороженно относились к НЭПу и не желали идти на компромисс с деревней. Они испытывали чувство глубокого презрения не только к так называемым «нэпманам» – мелким торговцам и предпринимателям, появившимся в этот период – но и к тем крестьянам, которые имели возможность нанимать рабочую силу и развивать рынки для сбыта своей сельскохозяйственной продукции. Многие члены ЦК и Политбюро поддерживали сталинские меры и находили его доводы убедительными.

Главным способом перевода деревни на коллективное хозяйство была решительная (кто-то скажет – геноцидальная) атака на так называемых кулаков – предполагаемых деревенских богачей, которые препятствовали социализации земли и эксплуатировали бедняков и середняков, лишая их своей земли и заставляя работать на себя за малое вознаграждение. (Слово «кулак» означало якобы присущую этим крестьянам жадность и прижимистость в отношении тайных капиталов, нажитых ими за счет эксплуатации бедных односельчан.) Историки советской деревни пришли к выводу, что образ социально неоднородного русского крестьянства, расколотого на части классовой борьбой и эко-

номическим неравенством, не имеет ничего общего с реальной картиной сельской жизни. Напротив, ее отличала значительная солидарность крестьян, богатых и бедных, особенно перед лицом вторжения в эту жизнь городских коммунистов. Тем не менее, кулаки стали воображаемым социальным врагом, групповым отличительным признаком которого на практике часто служило наличие нескольких голов скота и крытой железом крыши, а также реальное или мнимое сопротивление коллективизации и коммунизму, а порой и вовсе лишь религиозность или принадлежность к староверческой общине. «С первых дней гражданской войны, – писали “Известия” в феврале 1930 года, на старте кампании коллективизации, – кулак стоял на противоположной стороне баррикады». Образ кулака в советской риторике был стойким и неизменным, вспоминал позднее советский диссидент Пётр Григоренко: это был «кровопийца, угнетатель и паразит» (5).

Деревенские священники и их семьи также были причислены к кулацкой категории, как и многие бывшие землевладельцы. Иногда кулацкими объявлялись целые деревни, все население которых, богатое и бедное, поголовно депортировалось. Как те крестьяне, которых Ленин, чтобы пресечь восстание в Тамбовской губернии, предлагал вешать, в назидание прочим, на каждом пригорке, кулаки стали воображаемым классом врагов, которых нужно было уничтожить, чтобы остальное крестьянство, в лучшем случае, проявило классовую ненависть и выступило против них, а в худшем – молча и послушно пошло в колхозы.

15 марта 1931 года ОГПУ выпустило секретный меморандум по кулацкой проблеме, в котором утверждалось, что выселение кулаков из сельскохозяйственных районов проводится в целях «полной очистки [их] от кулаков». Налицо были по сути две категории кулаков: первые, пред-

ставлявшие наибольшую опасность, подлежали «немедленной ликвидации», в то время как вторых ожидало выселение – самая простая формула наказания для предполагаемых «врагов народа», многократно звучавшая потом на протяжении тридцатых годов. Между тем, советские активисты в деревне твердили лозунги: «Мы будем высылать кулаков тысячами, и когда будет нужно – расстреливать это кулачье отродье», «Из кулаков сварим мыло», «Нашего классового врага надо стереть с лица земли» (6). Это были не просто слова; насилие, творимое отрядами по раскулачиванию, состоявшими подчас, помимо деревенской бедноты, из уголовников, было ужасающим. Эти люди, отмечалось в отчете ОГПУ, «выгоняли раскулачиваемых голыми на улицу, избивали их, устраивали попойки в квартирах раскулачиваемых, стреляли над головой, заставляли копать для себя яму, раздевали догола женщин и производили личные обыски, присваивали себе обнаруженные ценности, деньги и т. п.» (7). Хотя руководство и контроль за ходом кампании по раскулачиванию осуществлялись Кремлём, проявлений стихийного насилия в ней оказалось куда больше, чем в последующих прицельных полицейских акциях против национальных, социальных и политических жертв сталинизма (8). Так или иначе, в период между концом 1929 и 1932 годом около десяти миллионов кулаков были выселены из своих домов (9).

Раскулачивание в сочетании с коллективизацией принесли в деревню разорение и хаос, спровоцировав то, что некоторые историки назвали второй гражданской войной: крестьяне жгли хлеб, резали скот и нападали на отряды коммунистов и сотрудников ОГПУ, присланные из городов для обеспечения воплощения в жизнь сталинской политики. Разговоры о классовой войне в деревне быстро стихли, когда стало ясно, что на самом деле это была война города

против деревни, коммунистов против крестьянства в целом. Только в одном 1930 году имели место более тринадцати тысяч «массовых акций» со стороны крестьянства, в которых приняли участие более трёх миллионов человек. В этих ожесточенных сражениях погибли тысячи людей – как крестьян, так и представителей власти. 20201 смертный приговор за политические преступления был вынесен в деревнях в 1930 году – в десять раз больше, чем в 1929 году. Большинство было связано с делами о подавлении крестьянских бунтов и ликвидации сопротивления планам коллективизации (10).

Кампаниям по раскулачиванию был присущ ряд характерных особенностей, которые позволяют говорить об их геноцидальном свойстве. Во-первых, атака на деревню началась по приказу Сталина, который поручил ее осуществление своим ближайшим помощникам, в том числе главе ОГПУ Генриху Ягоде. Сталин следил за ходом операций, читал отчеты об их успехах и проблемах и с самого начала ясно дал понять, что сопротивление бесполезно и что кулаки неминуемо будут «уничтожены как класс», то есть, убиты, выселены, депортированы, разбросаны по спецпоселениям на Крайнем Севере, в Сибири и в Центральной Азии.

Во-вторых, определение «кулаки» давалось семьям, а не отдельным лицам. Так что не только хозяин дома и его жена считались кулаками, но и все их родственники, от мала до велика. Получивших подобное клеймо выселяли семьями и расстреливали иногда тоже семьями. Дети кулаков носили эту каинову печать всю жизнь, какую бы стезю и профессию они ни выбрали. Кулачество было своего рода наследственным титулом. В этом, писал Солженицын, и был замысел: «чтобы семья мужицкое погибло вместе со взрослыми» (11).

В-третьих, кулаки были подвергнуты дегуманизации и стереотипированию того рода, который сопровождал жертв геноцида повсюду в двадцатом веке. Да, они были «врагами народа», но еще и «свиньями», «собаками», «тараканами»; они были «подонками», «паразитами», «мерзостью» и «отбросами», которых нужно было вычистить, раздавить, уничтожить. Горький называл их «полуживотными», а в советской прессе и пропагандистских материалах их иногда изображали в обезьяньем облике (12). В этом смысле кулаки были дегуманизированы и дискриминированы до положения существ, по самой своей сути низших по отношению к другим – и обращались с ними соответственно.

В-четвертых, ликвидация кулаков была массовой. В процессе коллективизации погибли примерно тридцать тысяч кулаков, большинство из которых были расстреляны по приговору насоро сколоченных судебных органов – «троек». Тем, кому повезло, достались побои, оскорбления, аресты, сожженные дотла дома и, наконец, ссылка. Огромное количество кулаков – по подсчетам, до двух миллионов человек – были насильственно депортированы в Сибирь и на Крайний Север. Большинство из них были расселены там в так называемых специальных поселениях, во множестве разбросанных по суровой территории и, теоретически, подчиненных и снабжаемых ОГПУ.

Специальные поселения были важным аспектом жизни Архипелага Гулаг, так пронзительно описанной Александром Солженицыным. Однако у Солженицына было мало информации о спецпоселениях, поглотивших в тридцатые годы бесчисленное количество советских граждан и ставших для их обитателей, возможно, не менее губительным местом, чем более известные лагеря: Колыма, Воркута и прочие зловещие воплощения земного ада. На бумаге, пишет Линн Виола, спецпоселения были «пенитенциарной Утопи-

ей для изолирования и перековки социальных врагов». На деле же они «стали не многим более чем выстроенным по дешёвке институтом принудительного труда» (13).

Уже в январе 1932 года, по оценкам ОГПУ, около 500 тысяч кулаков, то есть, примерно 30 процентов от всего депортированного кулачества, умерли в лагерях или совершили побег (14). Говорить о теме геноцида применительно к спецпоселениям, в отрыве от смертоносных лагерей гулаговской системы, реально трудно. Официально считалось, что эти поселения были предназначены, чтобы изолировать кулаков – а позже национальные группы и так называемые «социально опасные элементы» – от общества и привлечь их к якобы производительному труду: рубке леса, строительству каналов, распашке целинных земель. Они должны были работать в шахтах и заселять регионы, коренное население которых считалось советскими руководителями непригодным для дисциплинированной работы. В ходу даже был лозунг о том, что кулак, приобщенный к производительному труду, несмотря на свою природную хищническую натуру, может снова стать уважаемым советским гражданином.

Между тем, реальность – неизменная на протяжении почти всего периода тридцатых и начала сороковых годов – состояла в том, что из того минимума условий, необходимых для существования в спецпоселениях, который был обозначен в директивах об их создании, на деле присутствовало еще меньше. Об этом известно из отчетов врачей ОГПУ и административных работников поселений, которые потрясенно описывают голод, болезни, нужду, антисанитарию, страшный холод и отсутствие нормального жилья и пищи практически во всех спецпоселениях. Лес для строительства бараков не завозили; техника для расчистки земли отсутствовала; продовольственные пайки, и без того

мизерные, уходили налево, разворовывались или не сразу доходили по назначению. В январе 1932 года один низовой ответственный работник в Западной Сибири по фамилии Шпек в своей докладной записке поведал обычную историю о всеобщем безразличии к страданиям ссыльнопоселенцев. Будучи назначен ответственным за обустройство лагеря для группы ссыльных, он начал с поиска одежды и обуви для них. После безуспешного похода по инстанциям, он решил обратиться напрямую к секретарю райкома партии.

... Секретарь РК ВКП(б) т. Перепелицын был возмущен тем, что я хочу одеть ссыльных и заявил, что Вы, тов. Шпек, неверно понимаете политику Правительства, вы думаете, что их сюда послали действительно исправляться? Нет, товарищ, мы должны здесь сделать так, чтобы к весне они все передохли, т. е. мы должны сделать такой маневр: с одной стороны одеть, но одеть так, чтобы одетый пилил чурку и у чурки мерз. Вы видите, как отсюда к нам везут раздетых и высаживают на берег, а если бы правительство хотело их исправить, так их бы без нас одели... После этого я сразу же отказался ехать начальником лагеря, потому что, выходит, людей туда завозят, а я должен морить (15).

В своей книге с говорящим названием «Остров каннибалов» Николая Верт описывает одно из таких временно сооруженных спецпоселений для контингента так называемых социально-чуждых, или социально опасных элементов. Доставленные из Томска на остров Назино в русле реки Оби примерно 6600–6800 человек, признанные властями «деклассированными» и «социально-вредными» искали способы выжить на морозе без еды, необходимых припасов и крыши над головой. Этот случай был из числа особенно

бесчеловечных, так как узники, в силу местоположения лагеря, не имели возможности бежать и не могли искать помощи у местного населения. Как всегда, местные власти оказались совершенно не готовы к тому, чтобы разместить их и обеспечить питанием. Выжили в этих условиях не более 2200 человек, но прежде десятки ссыльных сделались некрофагами и каннибалами. Здесь, как и повсюду в лагерях и спецпоселениях, обращает на себя внимание имевший место процесс «децивилизации». Людей, мужчин и женщин, усилиями Советского государства, представленного надзирателями, полицией и администрацией поселений, но при полной осведомленности верховного руководства в Москве, превращали в животных. Так было легче стрелять в заключенных – даже охотиться на них, как на животных – и видеть, как они умирают. Как часто бывало в подобных случаях, НКВД составил подробный отчет об ужасах, творившихся в лагере Назино, который стал известен Сталину и который более семидесяти лет спустя был найден Николаем Вертом в российских архивах (16).

Конечно, на среднем уровне советской официальной системы были честные люди, которые понимали, что происходит что-то очень неправильное. Кулаки вместе с семьями десятками тысяч умирали от голода, тифа и прочих болезней, вызванных нечеловеческим условиями жизни. Кулацкие дети, оставшиеся сиротами, копались в отбросах и попрошайничали, пытаясь всеми способами выжить. В спецпоселениях и окружающих их деревнях распространенным явлением стал каннибализм, о чем сообщали многочисленные отчеты лагерной администрации и ОГПУ.

Сталин, безусловно, знал и понимал, что такое положение дел является повсеместным, и кулацкое население спецпоселений редет месяц от месяца, благодаря ужасным условиям их жизни там. Он также во многих случаях нес

ответственность за сокращение государственных расходов на переселение, что еще больше ухудшало эти условия и затрудняло выживание в них кулаков (17). Его равнодушие к страданиям и смерти людей было убийственным, если не сказать – геноцидальным. Действительно, вполне можно утверждать, что Сталин намеревался уничтожить кулаков физически как группу людей – а не только метафорически как класс – и поэтому результат может считаться геноцидом.

Наступление на кулаков (как и турецкие атаки на армян, и уничтожение нацистами евреев) шло волнами. Первая волна в 1929–1930 годах была самой серьезной. После появления в «Правде» 2 марта 1930 года статьи Сталина «Головокружение от успехов», в которой он со свойственной ему бесчестностью переложил вину за перегибы коллективизации с себя на чересчур рьяных исполнителей на местах, натиск был ослаблен. Но уже в конце 1930 – начале 1931 года машина, загоняющая крестьян в колхозы, снова набрала обороты, и мало кому из так называемых кулаков выпало остаться в деревне. В дополнение к этим мерам был принят драконовский закон о борьбе с хищениями государственной и коллективной собственности (август 1932 года), который установил суровое наказание в виде смертной казни или ссылки за воровство малейшего количества зерна или животноводческой продукции. С особой частотой и суровостью этот закон применялся с наступлением голодных лет.

Следуя типичной циклической схеме, волнообразное наступление на кулаков периода 1929–1932 годов сменилось в 1932–1933 годах ослаблением надзора в спецпоселениях и освобождением части ссыльных. Но, вместо возвращения в деревню, сотни тысяч кулаков потянулись из Гулага в крупные города и промышленные центры, где острая нехватка рабочей силы вынуждала руководство предприятий

закрывать глаза на их статус бывших «врагов народа». В обманчиво спокойной политической атмосфере середины тридцатых годов кулаки сумели устроиться на ту или иную работу по всей стране. Некоторые сумели вернуться в родные деревни и вновь заняться сельским хозяйством. Кое-кто даже потребовал возвращения своей собственности.

Но эта короткая передышка была только затишьем перед бурей. В связи с намеченными на декабрь 1937 года выборами в Верховный Совет, который должен был ратифицировать новую советскую Конституцию 1936 года, Сталин и его окружение были твердо намерены исключить любое проявление несогласия в стране во время предвыборных собраний и других мероприятий. Конституция триумфально провозгласила победу социализма, окончание классовой борьбы и создание нового советского человека. В этом контексте, в советском обществе не было места для чуждых ему элементов – так называемых «лишенцев» и «бывших». Главной мишенью правоохранительных органов стали кулаки и раскулаченные, но также нищие и бездомные, проститутки, бывшие царские чиновники, помещики, аристократы и т. д. Признанные в свое время «классом», подлежащим уничтожению, оставшиеся экс-кулаки были причислены к общему разряду «социально опасных элементов», которые должны были быть удалены из общества и подвергнуты изоляции как представляющие смертельную опасность для государства.

Кампания против людей, не вписывающихся четко в советский социальный порядок, стартовала уже в начале тридцатых годов с борьбы против «паразитических» элементов и была ускорена кампанией паспортизации 1932–1933 годов, которая одновременно лишила паспортов крестьян и тех городских жителей, которые не смогли доказать свою социальную полезность режиму. Паспорт стал способом

провести различие между теми, кто по праву принадлежал к утвердившемуся советскому социуму, и теми, кто не принадлежал и, более того, представлял угрозу его целостности (во всяком случае, в искаженном восприятии Сталина и советского руководства) своими вредными классовыми взглядами. Проект великой Советской Утопии нуждался в социальной инженерии, которая бы удаляла миллионы людей из здорового общества и трансплантировала их в регионы Сибири, Крайнего Севера и Центральной Азии, где их предполагалось использовать в качестве ресурса для колонизации неосвоенных земель. (Великий российский историк Василий Ключевский говорил об истории России как об истории страны, которая колонизируется.) Дело было лишь в том, что при советском режиме колонисты были лишены всех прав, а часто и способности к существованию.

Этот процесс преобразования социального состава советского социалистического государства был поручен НКВД, созданному в 1934 году с целью консолидировать в одних руках функции охраны закона и порядка, в том числе те, что принадлежали ОГПУ. В городах были организованы кампании «социальной защиты», призванные очистить их от опасных и маргинальных элементов. Под предлогом того, что асоциальные элементы (с середины тридцатых годов известные также как «социально-вредные», или «соцвреды»), будь то кулаки, бродяги, нищие, проститутки, бездомные и прочие, представляют угрозу государственной безопасности, НКВД мог запросто на время лишить любого человека имеющихся у него гражданских прав. Те, кто испытывал социальные проблемы и жил на задворках общества, в представлении Сталина и руководства НКВД со всей очевидностью являлись частью контрреволюции. Только в 1935–1936 годах 800 тысяч этих «вредных элементов»

были удалены из крупных советских городов и отправлены в ссылку (18).

Чистка городов, начатая еще в двадцатые годы, в начале тридцатых пошла ускоренными темпами, благодаря грандиозным планам ОГПУ депортировать миллионы людей и использовать их для колонизации Западной Сибири и районов Севера. Преемник Ягоды Николай Ежов, с молчаливого одобрения Сталина, взялся завершить этот процесс, издав в июле 1937 года печально-знаменитый «приказ № 00447», предписывавший собрать все оставшиеся «чуждые» Советской власти и «социально-вредные элементы», имея в виду «бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов», и отправить их в Гулаг. Сверху на места поступали распоряжения, касающиеся разнарядок на аресты по областям и направления в них представителей партии и НКВД для контроля за соблюдением сроков арестов и высылки. Согласно первоначальному приказу, аресту подлежали 268 950 человек, из которых 75 950 должны были быть расстреляны, а 193 000 отправлены в лагеря. Однако затем один за другим последовал целый ряд новых приказов (в том числе «приказ № 00485» о польских гражданах и «приказ № 00486» о женах контрреволюционеров), вследствие чего сроки проведения кампании и число лиц, подлежащих аресту, существенно выросли. Итоговый официальный счет по «приказу № 00447» составил 767 397 человек, осужденных тройками, в том числе 386 798 человек, приговоренных к смерти и расстрелянных (19). Это шокирующий пример того, что Пол Грегори назвал «террором по квоте» – целенаправленной и планомерной смертельной атакой на «аутсайдеров» в обществе по одной-единственной причине восприятия их как потенциальных врагов (20).

Недавние архивные исследования продемонстрировали взаимосвязь между обнародованием новой советской Кон-

ституции 1936 года, выборами в Верховный Совет в декабре 1937 года и «приказом № 00447», нацеленным против «антиобщественных» элементов и предполагаемых классовых врагов внутри советского народа. Поскольку, согласно новой Конституции, избирательными правами отныне обладало все взрослое население страны, утверждают авторы этих исследований, Сталин и другие советские руководители беспокоились, что контрреволюционеры могут воспользоваться избирательной кампанией и под прикрытием гарантированного им Конституцией тайного голосования подорвать Советскую власть. Андрей Жданов, например, утверждал тогда, что «враги уже действуют и крепко готовятся к выборам». «Конституция написана не для жуликов», – заявили московские органы внутренних дел одному «асоциальному элементу», осужденному тройкой НКВД в ноябре 1937 года на восемь лет Гулага (21). Одним словом, эти только что обретшие избирательные права «элементы» были либо расстреляны, либо сосланы до того, как получили шанс помешать избирательной кампании или выборам (22). Избирательная кампания использовалась также для того, чтобы возбудить подозрительность рабочих по отношению к их заводскому начальству и партийным лидерам. Процесс «демократизации» рядовой массы, как пишет Венди Голдман, стал «способом углубления репрессий» (23).

«Приказ № 00447» означал конец всякой видимости нормальной жизни для тех кулаков, которые сумели избежать ареста в первый раз, и тех десятков миллионов, которые попытались отделаться от черной метки на своей биографии, переехав в города. Только в годы Второй мировой войны некоторых кулаков, включая молодых людей, никогда не пахавших земли, выпустили из лагерей и спецпоселений, чтобы они могли отправиться на фронт. Кроме того, начиная с 1938 года, кулацким детям до шестнадцати лет

было позволено покидать спецпоселения и избавляться от своего второсортного статуса, если они намеревались получить высшее образование. Сталинские социальные инженеры все еще придерживались идеи о превосходстве воспитания над человеческой природой (24). Тем не менее, в течение тридцатых годов Сталиным и репрессивной машиной, которую он создал и на которую опирался, были уничтожены десятки тысяч кулаков и еще более двух миллионов сосланы в Гулаг, где от голода, болезней и крайней нищеты скончались сотни тысяч. (Только в 1932–1933 годах в ссылке умерли 250 тысяч крестьян.) Сталин вознамерился уничтожить кулаков как класс и в точности сделал это, не только оторвав их от земли и источников существования, но и отправив прямиком в ад специальных поселений.

Глава 4

ГОЛОДОМОР

Вопрос о том, можно ли считать украинский голод 1932–1933 годов геноцидом, является источником острых историографических споров с 1986 года, с момента выхода в свет пионерской в этом смысле книги Роберта Конквеста «Жатва скорби» (1). Сегодня из опубликованных в России и Украине документов мы знаем значительно больше о непосредственных причинах и последствиях голода, чем о мотивах, двигавших Сталиным, которые, к сожалению, остаются пока трудноуловимыми. Кроме того, у историков до сих пор нет общего мнения по поводу численности жертв, хотя благодаря доступу к документам разброс в оценках значительно сузился за последние пятнадцать лет. По всему Советскому Союзу непосредственные потери в человеческих жизнях от голода и сопутствующих болезней составили, вероятно, от шести до восьми миллионов. Из них от трёх до пяти миллионов человек умерли на Украине и на севере Кубани, где было велико украинское население, то есть в богатейших хлебопроизводящих регионах Европы (2). Украинское слово «голодомор» происходит из сочетания слов «голод» и «мор» и означает: «уничтожать, истреблять голодом».

В основе украинского голода 1932–1933 годов лежали экономические и политические обстоятельства, вызванные желанием большевиков осуществить модернизацию страны

беспрецедентными темпами, а также твердым намерением расправиться с индивидуальным крестьянским хозяйством на всей территории Советского Союза. В 1928 году Сталин и его ближайшие сторонники начали кампанию форсированной индустриализации, которую многие в партии приветствовали, видя в ней способ преодоления экономической отсталости страны. Оплатить расходы на достижение сверхвысоких темпов промышленного роста планировалось за счет коллективизации крестьянства и установления таким образом государственного контроля за производством зерна. А чтобы достичь этого, настаивало руководство, был только один путь: наступление на кулака, что означало насильственное устранение из деревни верхнего слоя крестьянства. Этот жестокий и ненормальный процесс, начавшийся уже в 1928–1929 годах, сорвал хлебные поставки и укрепил намерение руководства реквизировать хлеб у крестьян силой.

Уже в 1931 году государственные хлебозаготовки в крупнейших хлебопроизводящих регионах Украины и Северного Кавказа составили 45–46 процентов от всего урожая, оставив крестьян на голодном пайке (3). В условиях нехватки зерна крестьяне начали резать домашний скот. Те колхозы, в которых еще оставался запас семенного зерна для урожая будущего года, были вынуждены сдать его властям. Есть и сеять крестьянам больше было нечего, и не столько вследствие невысокого урожая (по оценкам историков, урожай 1932 года был не таким уж плохим), сколько из-за насильственного изъятия крестьянской продукции.

Украинские крестьяне были настроены решительно против проводимой Москвой политики коллективизации и конфискации хлеба. В 1930 году почти половина всех крестьянских выступлений против коллективизации пришла на Украину. Для московского руководства украинское крестья-

янство было «подозрительным вдвойне»: как крестьяне, признанные большевиками контрреволюционным по своей природе и безнадежно отсталым классом, и как украинцы, чей национализм и приверженность своей особенности раздражали Сталина и Кремль. То, что идеологи украинского национализма из числа интеллигенции в своих статьях и выступлениях обращали особое внимание на те характерные черты украинской национальной культуры, хранителями которых выступили массы украинских крестьян, только усиливало недоверие Сталина к сельской Украине. Сталину рисовались очертания фантастического заговора, в котором польские агенты и украинские националисты, воспользовавшись хлебозаготовительным кризисом, пытаются оторвать республику от Союза. «Мы можем потерять Украину», – предостерегающе написал он Кагановичу 11 августа 1932 года (4).

Сталин настаивал, что хлеб у украинских крестьян нужно взять «во что бы то ни стало», невзирая на протесты местных властей. 21 июня 1932 года Сталин и Молотов от лица Центрального Комитета партии направили телеграмму украинским большевикам: «Никакие уклонения от выполнения установленного для вашего края... плана по зернопоставке колхозами и единоличными хозяйствами и по сдаче зерна совхозами не должны быть допущены ни под каким видом как в отношении количеств, так и сроков сдачи зерна» (5). Наблюдавшийся по всей Украине дефицит хлеба вследствие эксцессов реквизиционной политики породил жесточайший голод и самое крайнее отчаяние в украинской деревне. То же относилось к районам северной Кубани, где было велико украинское население. 27 ноября 1932 года Сталин распорядился нанести «сокрушительный удар» по «отдельным колхозникам и колхозам», которые продолжали сопротивляться реквизиционной политике. 19 февраля

1933 года он заявил, что те, кто не работают – так называемые лодыри – пусть голодают (6).

Границы между Россией и Украиной были перекрыты, и крестьянам было запрещено пользоваться железнодорожным сообщением. Сталин был глубоко раздосадован тем, что несколько десятков тысяч украинских колхозников в поисках хлеба «разъезжают по всей европейской части СССР и разлагают нам колхозы своими жалобами и нытьем» (7). В одном лишь феврале 1933 года заградительными отрядами войск ОГПУ были арестованы 220 тысяч украинских крестьян, пытавшихся покинуть свои деревни. 190 тысяч из них были отправлены обратно домой, что, по сути, означало – на верную смерть. Остальные были сосланы в Гулаг, где смертность в голодные годы также была исключительно высока (8).

Заграждения, выставленные властями на дорогах, препятствовали бегству украинских крестьян в города, где продовольственная ситуация была лучше, хотя и далекой от изобилия. Но даже если отчаявшимся крестьянам удавалось обойти заградительные кордоны и проникнуть в город, они часто падали в обморок и умирали от голода прямо на улицах. По распоряжению властей, трупы быстро убирали, чтобы они не бросались в глаза. Предложения продовольственной помощи Украине из-за рубежа отклонялись за ненужностью: советские власти упорно отрицали сам факт наличия голода в стране, заведомо зная, что это не так. Это очень отличалось от ситуации с голодом 1921–1922 годов, когда не только публично был признан факт существования миллионов голодающих в стране, но и было позволено миссии Американской администрации помощи (АРА), созданной по инициативе Герберта Гувера при поддержке Максима Литвинова, организовать широкомасштабную помощь страдающим от голода и болезней крестьянам. Напротив,

теперь, когда к концу 1933 года кризис еще более обострился, Сталин, Молотов, Каганович и другие лидеры, ответственные за реквизиционную политику и наказание недозвольных, все чаще винили в организации голода украинцев (как ранее обвиняли кулаков) (9).

Стоны умирающей от голода украинской деревни доносились до Кремля, но ни Сталин, ни другие члены руководства ничего не предпринимали по этому поводу. Да их это, похоже, и не беспокоило. Когда советский писатель Михаил Шолохов в апреле 1933 года написал Сталину об ужасных последствиях голода в советской деревне, которые он своими глазами видел на Северном Кавказе, Сталин ответил, что проблемы – дело рук самих крестьян. «Тот факт, что саботаж был тихий и внешне безобидный (без крови), – этот факт не меняет того, что уважаемые хлеборобы по сути дела вели “тихую” войну с советской властью. Войну на измор, дорогой тов. Шолохов» (10).

Можно ли считать украинский голод геноцидом? Видимо, да. Существует множество свидетельств того, что власть способствовала или не противодействовала обстоятельствам, которые привели к дефициту зерна и плохим урожаям, в первую очередь, и лишили украинцев возможности найти себе пропитание, чтобы выжить (11). Большинство исследователей сходятся во мнении, что в Советском Союзе в тот период было достаточно хлеба, чтобы в минимальном объеме накормить всех украинцев. Стратегические запасы государства оценивались в три миллиона тонн – этого бы хватило, чтобы спасти от смерти почти всех голодающих крестьян. Но принудительные реквизиции ликвидировали резервы и погрузили регион в пучину голода, отчаяния и каннибализма (12). Советский Союз продолжал в значительных объемах экспортировать зерно в 1933 году – около 1,8 млн. тонн), чтобы выполнить свои обязательства перед

зарубежными партнерами и иметь средства для финансирования индустриализации (13). Весной 1932 года по городам прокатилась волна продовольственных бунтов и забастовок, и Сталин с окружением решили, что они накормят города и рабочих, но не классовых и национальных врагов из украинской деревни. Некоторые историки отмечают, что, на самом деле, «частичными решениями Политбюро» советские власти предпринимали кое-какие шаги, чтобы помочь голодающей Украине, и что экспорт зерна в начале 1933 года был существенно сокращен (14). Но эта помощь была незначительной и пришла слишком поздно; миллионы людей уже умерли от голода, еще тысячи были на грани смерти. Наконец, в украинской драме вполне можно выделить два этапа: первый – 1930–1931 годы – когда разразившийся голод угрожал обширным территориям страны в целом, и второй – 1932–1933 – когда украинцев, в частности, в отличие от русских и белорусов, лишили всякой возможности самим искать спасения или надеяться на помощь (15).

Анализ украинского голодомора затрудняет тот факт, что от свирепого голода в эти годы страдали не только украинские территории, но и другие регионы страны, в том числе в России и Белоруссии. В Казахстане с его кочевым и полукочевым сельскохозяйственным укладом ситуация оказалась еще трагичнее, чем в украинском случае. Количество смертей, прямо или косвенно связанных с голодом, составило там 1,45 миллиона, или примерно 38 процентов от всего казахского населения. В процентном отношении казахи пострадали больше всех национальностей Советского Союза (16). Однако основной причиной голода там скорее стало преступное безразличие Москвы к негативным последствиям проводимой ею политики принудительного перевода на оседлый образ жизни, разрушившей традиционное казахское кочевое хозяйство, чем какие-то целена-

правленные смертоносные действия со стороны правительства (17). Казахам никто не мешал уезжать из пораженных голодом районов или искать помощи в городах, хотя власти прилагали серьезные усилия, чтобы пресечь их бегство через слабо охраняемую границу в соседний Китай. Многие казахи были убиты при попытке бежать из страны. В то же время, ни казахи, ни украинцы не получили от центра относительно быструю и эффективную помощь, как та, что досталась некоторым голодающим районам России и Белоруссии.

Также ни в Казахстане, ни на Украине, когда начался голод, власти не пошли на немедленное ослабление натиска реквизиционной политики, как они поступили в некоторых других охваченных голодом регионах. По этим и другим причинам некоторые исследователи называют казахстанский голод геноцидальным, несмотря на слабость документальной базы, подтверждающей намерения Москвы. Курт Йонассон пишет: «Нет никакого сомнения в том, что намеренно устроенное вымирание от голода казахского народа вкупе с чистками казахской интеллигенции и ведущих деятелей культуры составляют явный случай геноцида» (18). Учитывая, что цели, преследуемые Москвой в случаях украинского и казахского голода, были одинаковыми: разрушить традиционный жизненный уклад, тесно связанный с особой национальной и этнической культурой того или иного народа, – вывод Йонассона не выглядит беспочвенным.

Существует немного свидетельств того, что Сталин лично руководил украинским голодомором, но он, без сомнения, знал о нем, понимал, что происходит, и ничуть не был обеспокоен судьбой жертв. Возможно, для того чтобы привлечь Сталина к международному суду как геноцидарию, улики и недостаточно, но это не означает, что само со-

бытие не может расцениваться как геноцид. Согласно недавним выводам международного права, историческое событие – такое, как резня в Сребренице в июле 1995 года – может составлять геноцид без явного указания на то, что в совершении этого преступления виновны конкретные лица. Резня в Сребренице была признана геноцидом еще и потому, что ее целью была атака против целой нации – «как таковой» – путем уничтожения ее части, что также применимо к украинскому случаю. Слободан Милошевич умер до завершения суда над ним в Международном трибунале по бывшей Югославии, но, все равно, маловероятно, что он был бы обвинен в геноциде, хотя – как и Сталин в случае украинского голода – нес главную ответственность за события в Сребренице.

Как ни странно, но отчасти проблематичность присвоения украинскому голоду статуса геноцида связана с жестокостью кремлевской политики, направленной против собственного народа, вообще. Эта жестокость началась еще при Ленине, но, по общему мнению большинства историков, преступления Сталина против народов Советского Союза достигли особого, даже патологического уровня. Действительно, если за годы сталинского правления от рук режима погибли, возможно, двадцать миллионов человек, и миллионы томились в тюрьмах, лагерях и спецпоселениях, то тогда украинский голод оказывается лишь частью общей схемы преступных, если не сказать – геноцидальных, действий со стороны Сталина и его правящего окружения.

Другая проблема, затрудняющая рассмотрение украинского голода как случая геноцида, заключается в полном безразличии к людским страданиям, которым была пропитана власть при Сталине. Если украинские крестьяне сотнями тысяч и даже миллионами умирали от голода, то является ли отсутствие попыток хоть как-то облегчить их

страдания показателем геноцида? Скорее всего, нет. Но в украинском случае (даже больше, чем в казахском) есть веские причины полагать, что сам голод был если не сознательно спровоцирован, то усилен стараниями того самого сталинского руководства, которое не только отказало голодающим в помощи, но и не позволило им искать спасения самим. Если Сталин и его окружение создали эти обстоятельства, потому что не доверяли крестьянам и были равнодушны к их страданиям и гибели в ходе коллективизации и раскулачивания, тогда, строго говоря, формулировка геноцида 1948 года сюда не подходит. Если же жертвам позволили умирать, потому что они были украинцами, то тогда обвинение в геноциде в соответствии с определением 1948 года совершенно уместно. Разумеется, Сталин не собирался убивать всех до одного украинцев или депортировать их всех в Сибирь, на Север и в Центральную Азию. Но он хотел уничтожить их как враждебную, с его точки зрения, нацию и сделать из них нацию советскую, которая была бы абсолютно надежной, проверенной и денационализированной во всем, кроме внешней оболочки. Главное, что Сталин, Молотов, Каганович и прочие были убеждены, что украинские крестьяне как группа были «врагами народа», заслуживающими смерти. Этого было достаточно для советского руководства; этого должно быть достаточно, чтобы признать украинский голод геноцидом.

Глава 5

ВЫСЕЛЕНИЕ НАРОДОВ

Будучи в 1918–1924 годах народным комиссаром по делам национальностей, Сталин способствовал становлению советской национальной политики. Еще накануне революции он написал свою знаменитую статью «Марксизм и национальный вопрос», в которой утверждал, что неотъемлемой частью революционной программы большевиков для национальных окраин должны стать принципы национального самоопределения и территориальной автономии. В двадцатые годы он, наряду с другими большевиками, поддерживал политику «коренизации», которая, по сути, допускала и даже приветствовала определенную степень автономии национальных групп Советского Союза и развитие ими своей культуры, вне зависимости от того, большие они или малые. Есть основания полагать, что растущая готовность национальных групп не только проявлять свои культурно-языковые особенности и формировать свою образовательную и экономическую политику, но и требовать формальной независимости, радовала Сталина меньше других. Его роль в «грузинском деле» (1923 г.), во время которого он, по отзывам, вел себя как высокомерный хозяин, оскорбляя и третируя грузинских коммунистов, дала Ленину повод заподозрить в Сталине, несмотря на его грузинское происхождение, великорусского шовиниста.

Со временем большевики неизбежно должны были отказаться от своих обещаний, записанных в принятой 15 ноября 1917 года Декларации прав народов России, которая гарантировала нациям в составе России не только автономию, но и право на отделение, если они того пожелают. Однако большим потрясением для коммунистов многих национальностей стало отступление от некоторых аспектов «коренизации» и полное восстановление контроля Москвы и русских над национальными субъектами, произошедшее в начале тридцатых годов. Украинский голод был лишь частью – хотя и важной частью – более широкой программы подавления потенциальной оппозиции среди национальных групп, больших и малых. «Вторая революция» заключалась не только в драконовских методах ускоренного осуществления индустриализации, коллективизации и раскулачивания крестьянства и не только в ловких политических махинациях, приведших к установлению сталинской диктатуры. Она еще решительно покончила с мечтой о подлинном союзе социалистических республик, каждой со своим национальным характером и автономным управлением. Сталин превратил Советскую власть из формы правления, которая стимулировала развитие национальностей и даже способствовала их созданию, в режим, который обращался с ними дифференцированно, в соответствии с представлениями Москвы об их политической благонадежности, и мог устранить некоторые из них административными или даже геноцидными мерами (1).

Подобно наступлению на кулака, атака на избранные национальности шла волнами, различающимися по масштабу действий и уровню насилия. Первыми жертвами этих атак стали народы, которые можно было рассматривать как диаспоры наций, живущих за пределами Советского Союза: немцы, поляки и корейцы. При Сталине государст-

во начало проводить жесткое различие между «советскими» и «иностранными» нациями, объявив представителей последних «ненадежными элементами» (2). Особенно опасными представители этих национальностей были признаны в тридцатые годы в связи с близкой угрозой войны: советские немцы были потенциальной «пятой колонной» нацистской Германии; советские корейцы могли обеспечить поддержку японскому империализму в Восточной Сибири, где они проживали; советские поляки были инструментами интриг буржуазной Польши против Советского Союза. Однако преувеличивать степень реальной опасности, которую представляли эти народы для Сталина и Советской власти, значит упускать суть сталинских атак на них. Настоящих шпионов среди них было очень немного, к тому же, нет оснований думать, что представители этих национальностей были бы менее лояльными во время войны, чем русские, узбеки или белорусы, которые подобному преследованию никогда не подвергались.

Уязвимость советских границ – вопрос для историков дискуссионный. Однако можно предположить, что в обстановке, в которой аварии на железной дороге, невыполнение плана по добыче полезных ископаемых и сгнившее на складе зерно привычно объявлялись делом рук троцкистских вредителей и германско-японских шпионов, за чем следовали десятки тысяч арестов–допросов–выбитых признаний и тысячи расстрелов, военные тревоги и шпиономания в приграничных районах были частью того же процесса изобретения врагов и уничтожения людей по одной-единственной причине – чтобы подозрительный и мстительный диктатор удержался у власти. Конечно, диктатор не мог отделить свои личные интересы от интересов партии и государства, поэтому сильно преувеличенные внешние угрозы стали важной частью риторики и содержания советского

политического процесса. Как мы видели, угроза войны и военного вторжения использовалась для оправдания первого пятилетнего плана, коллективизации и раскулачивания уже в конце двадцатых – начале тридцатых годов, то есть, еще до прихода Гитлера к власти и вторжения Японии в Манчжоу-Го. Более того, кампания против национальностей была приостановлена в 1938–1939 годах, как раз тогда, когда война действительно была на пороге! Как и вся марксистско-ленинско-сталинская идеология, идея угрозы иностранного вторжения стала одной из граней призмы, через которую Сталин и его сторонники рассматривали окружающий мир. Она и оправдывала, и направляла их действия, вне зависимости от того, какова была социальная реальность внутри страны и существовала ли реальная угроза войны извне.

Разумеется, в конце тридцатых годов были признаки приближающейся войны на европейском континенте, как был налицо и факт агрессии Японии в Восточной Азии. События гражданской войны в Испании (1936–1939) усилили сталинскую подозрительность насчет скрытых врагов и их подрывной деятельности. Польская разведка действительно засылала шпионов в пограничные районы и вглубь советской территории, и то же делали Япония и Третий рейх. Однако едва ли могло быть правдой то, что, как утверждал Каганович на пленуме ЦК 27 февраля 1937 года (в связи с якобы имевшей место «японизацией» советских железных дорог), «японо-немецко-троцкистские агенты» занимались повсеместно «вредительством, диверсиями и шпионажем» на железной дороге, причем действовали в сговоре с советскими чиновниками и работниками железнодорожного ведомства всех уровней. Так же нелепо выглядело утверждение Сталина о том, что эти шпионы готовы вцепиться в горло Советской власти, когда начнется

война (3). Неудивительно, что железнодорожное ведомство на всех уровнях было подвергнуто чистке, причем более основательной, чем любая другая государственная структура. Чистки, ослабившие ведомство изнутри, и заметный рост числа железнодорожных аварий в 1938–1939 годах заставляют воспринимать не иначе как чудо то, что СССР сумел так быстро эвакуировать на восток промышленные предприятия Украины после первых же ударов германских войск в июне 1941 года.

Таким образом, первопричиной принудительных депортаций и преследования национальных групп была не реальная угроза войны и интервенции, а сталинская всеобщая ксенофобия и патологический страх утраты власти в результате подрывной деятельности внешних сил, будь то Четвертый Интернационал или враждебные иностранные державы.

Первые крупные акции против национальностей имели место в 1932–1933 годах, когда приграничные территории на западе страны были «очищены» (советское слово) от предполагаемых врагов и предателей – поляков и немцев. Примерно 150 тысяч польских и немецких семей, то есть порядка 500 тысяч человек, были арестованы и отправлены на жительство в специальные поселения, составив компанию уже обосновавшимся в этих местах кулакам и «асоциальным элементам». Условия жизни там были такие же ужасные, и многие из депортированных погибли. «Большие чистки» 1937–1938 годов также непропорционально сильно ударили по национальностям. «Коэффициент расстрельности» (процент смертных приговоров) по «национальным» делам был значительно выше, чем по делам социальных и политических врагов (4). Если старых большевиков и членов советской номенклатуры обвиняли в том, что они были шпионами и агентами иностранных держав, то иностран-

цам, проживавшим на советской территории, приписывали штатное сотрудничество с секретными службами «своих» стран: немцам – нацистской Германии, полякам – «санационной» Польши, французам – Франции, англичанам – Великобритании и т. д. Те советские граждане, которые имели контакты с иностранцами, работали на иностранные фирмы или жили за границей, также немедленно попадали под подозрение и часто подвергались увольнению, аресту и ссылке. Многие были расстреляны.

«Немецкая операция», к примеру, охватила граждан Германии в СССР, советских граждан немецкого происхождения, бывших сотрудников германских фирм, политических эмигрантов, дезертиров и т. д. Многие не-немцы, которые каким-то образом были связаны с немцами и Германией, также подверглись аресту в ходе операции. Всего было арестовано от 65 до 68 тысяч человек; 43 тысячи из них получили смертные приговоры (5).

В отличие от немцев, некоторые из которых – например, из Автономной Республики немцев Поволжья – не подверглись «репрессиям» по национальному признаку, поляки, говоря словами одного чина из НКВД, подлежали «полному уничтожению». Свирепая антипольская кампания Ежова пришлась по душе Сталину. «Очень хорошо», – написал он на докладе наркома о первых результатах кампании. «Копайте и вычищайте и впредь эту польско-шпионскую грязь. Крушите ее в интересах СССР». Этот геноцидный лексикон стал дополнением к приказам НКВД об аресте поляков целыми семьями с дальнейшей отправкой женщин в Гулаг, а детей до пятнадцати лет – в сиротские учреждения НКВД. Всего в результате польской операции были арестованы 144 тысячи человек, из которых 111 тысяч были расстреляны. Какую бы реальную опасность для Советского Союза ни представляли Польша и польские шпионы, НКВД де-

монстрировал усвоенную им от Сталина полонофобию (6), искажая во имя целей кампании информацию, полученную от советских шпионов в Польше, которая свидетельствовала о куда меньшей, чем сообщалось официально, опасности, и поддерживая стереотипные представления относительно «польской угрозы» (7).

Даже иностранные коммунисты в Советском Союзе и Европе не избежали подозрений в предательстве, шпионаже и вредительстве. Те, кто находился за рубежом, вне досягаемости НКВД, вызывались в Москву, где их арестовывали. В 1938 году Сталиным была полностью распущена Польская коммунистическая партия; ее лидеры были расстреляны или сосланы, а рядовые члены отправлены в Гулаг как агенты польского правительства и – одновременно! – Троцкого. Многочисленные советские поляки, служившие в рядах НКВД – а многие из них пришли туда еще по призыву основателя ВЧК, большевика польского происхождения, Феликса Дзержинского – также подверглись чистке в этот период. Многие были расстреляны как агенты польского правительства.

Похожая судьба ждала и немецких коммунистов, хотя сама партия сохранилась. В феврале 1940 года примерно 570 немецких коммунистов были выданы Сталиным его нацистским союзникам в обмен на узников Брест-Литовска. Многие затем закончили жизнь в тюрьмах и концлагерях Третьего рейха. Всего в национальных операциях, универсально объясняемых стремлением лишить врага потенциальной «пятой колонны» в будущей войне, были арестованы 350 тысяч человек, из которых 247 тысяч были расстреляны (8).

«Большой террор» ознаменовался в целом переключением фокуса государственных репрессий с социальных групп на национальные. После 1937 года впервые в советской ри-

торике «великий русский народ» был поставлен выше других советских народов. Одновременно под предлогом реакционности или нецелесообразности были упразднены многие небольшие национальные группы и подгруппы, которые существовали с начала двадцатых годов как самостоятельные административные единицы (9). Под удар жестокой судьбы попали проживавшие в пограничных районах поляки, немцы, корейцы и иранцы: во второй половине тридцатых годов их ждали расстрелы, насильственные депортации и жалкое существование в спецпоселениях и Гулаге. Накануне войны столь же жестокой национальной «чистке» массово подверглись украинцы, финны и эстонцы.

Первая «тотальная» принудительная депортация народа имела место в 1937 году, когда Сталиным был отдан приказ о переселении корейцев, одновременно почти 175 тысяч человек, с советского Дальнего Востока в Казахстан и Узбекистан. Во время этого масштабного переезда корейцы терпели ужасные лишения. Дорога заняла больше месяца. Как и кулаки, они оказались в поселениях, в которых не было ни строительных материалов, ни продовольствия, ни дров, гарантированных правительственными постановлениями. Около четырех тысяч корейцев, прибывших в город Кустанай, провели не меньше недели в своих вагонах, прежде чем местные власти хоть что-то сделали для них (10). Реальная угроза разложения корейского населения японскими властями ни в коей мере не соответствовала уготованной этому народу жестокой участи. В данном случае основанием для удара, нанесенного Сталиным корейцам, было не то, что японцы использовали или могли использовать корейцев, и не то, что имелись сведения об актуализации в ближайшем будущем угрозы корейского коллаборационизма, а всего лишь факт наличия японской угрозы на Дальнем Востоке.

Корейская депортация была важной вехой в истории советских акций против национальностей, хотя на фоне в целом жестокого обращения с ними и были зафиксированы примечательные исключения (11). Советские власти смогли извлечь из нее уроки относительно того, как проводить против собственного народа операции военного образца, используя в качестве главного оружия, позволяющего в одночасье лишить своих домов массы ничего не подозревающих граждан, эффект неожиданности и скорости. Была отработана техника – пока еще несовершенная – транспортировки по железной дороге одновременно больших партий людей. А специальные подразделения войск НКВД как в пункте погрузки на Дальнем Востоке, так и в пункте прибытия в Средней Азии смогли освоить практику депортации целого народа: стариков и молодых, рабочих и крестьян, коммунистов и беспартийных.

С появлением признаков неизбежности войны сталинская кампания против национальностей пошла на убыль. «Большой террор» против других категорий «врагов народа» также был свернут, когда в ноябре 1938 года, накануне войны, во главе НКВД, сменив Ежова, встал Берия. Берия предпринял чистку всего аппарата НКВД – так же, как в свое время поступил Ежов, возглавив это ведомство после Ягоды. Изобразив из себя праведника, Берия обвинил своих предшественников в том, что они допускали перегибы в отношении совершенно лояльных советских граждан, пытками выбивали из них фальшивые признания и несправедливо наказывали членов семей.

В соответствии с секретными протоколами к нацистско-советскому пакту от 23 августа 1939 года, существование которых советские власти отрицали вплоть до декабря 1989 года, советские войска оккупировали Эстонию, Латвию, Литву, восточные районы Польши (западную Украину и за-

падную Белоруссию) и Бессарабию (Молдову). В течение 1940–1941 годов советские власти установили контроль над этими территориями и включили их в состав Советского Союза, депортировав оттуда в процессе советизации сотни тысяч людей. Некоторые исследователи из стран Балтии сегодня рассматривают эти депортации (6 тысяч эстонцев, 17 тысяч латышей и 17,5 тысячи литовцев) как первый этап геноцида – особенно, если оценивать их в комплексе с жестокими военными акциями против борцов местного сопротивления («лесных братьев»), последовавшими за повторным завоеванием региона в 1944–1945 годах, и новыми депортациями населения в связи с проводимыми здесь в 1948–1949 годах коллективизацией и раскулачиванием (12).

Общая численность прибалтийских народов, депортированных в этот период в Сибирь, на Север и в Центральную Азию, составляла 118 599 человек из Литвы, 52 541 человек из Латвии и 32 540 человек из Эстонии (13). Если вначале, в период нацистско-советского пакта, депортировали в основном членов правящей элиты и интеллигенции, то в 1948–1949 годах большинство составляли кулаки и представители городского среднего класса. Всем им было сказано, что они уезжают «навсегда», и многие десятки тысяч умерли затем в ссылке. Иными словами, принудительные депортации прибалтийских народов были не столько мерой наказания за преступления против Советской власти, сколько частью советских усилий по преобразованию социальной структуры этих стран и встраиванию их в советскую государственно-политическую систему.

В годы Второй мировой войны атаки Сталина и советского правительства на поляков, бывшие характерной чертой предыдущего десятилетия репрессий, усилились. Но если в тридцатые годы основной мишенью этих атак были советские поляки, то теперь арестам, депортациям и иногда

расстрелам подвергались польские граждане, проживавшие на оккупированных Советским Союзом территориях. Однако язык, стиль и форма этих репрессий остались теми же. В 1940–1941 годах более 300 тысяч поляков, в основном женщин и детей, были насильственно депортированы из оккупированной советскими войсками восточной Польши (западной Белоруссии и западной Украины) и отправлены в спецпоселения в Центральной Азии, Сибири и на Крайнем Севере. Тысячи женщин и детей, не вынеся тяжелых условий ссылки, умерли, несмотря на объявленную летом 1941 года формальную «амнистию» (14). Множество других поляков были арестованы, в том числе примерно 22 тысячи армейских офицеров, а также чиновники, религиозные деятели и специалисты, многие из которых также были офицерами запаса польской армии.

Сегодня мы располагаем документами, которые в деталях подтверждают то, что польское правительство в изгнании подозревало с самого начала, а именно, что Сталин и Берия распорядились убить этих арестованных поляков на том основании, что «все они», по выражению Берии, являются «закоренелыми, неисправимыми врагами Советской власти» и рано или поздно вызовут проблемы. Процесс планировалось провести «без вызова арестованных и без предъявления обвинения, постановления об окончании следствия и обвинительного заключения». Вместо этого решением Политбюро от 5 марта 1940 года была определена «высшая мера наказания – расстрел», и специальным «тройкам» НКВД осталось только формально подтвердить заранее вынесенный приговор (15).

В апреле 1940 года польские офицеры и гражданские лица, содержащиеся в заключении в трех крупных лагерях НКВД в Козельске (восточнее Смоленска), Осташкове (под Калинин/Тверью) и Старобельске (под Харьковом), а так-

же в ряде мест на западе Украины и Белоруссии, были вывезены грузовиками в глухие места местных лесов и полей, расстреляны там выстрелом в затылок и захоронены в братских могилах. Некоторые были убиты прямо в зданиях, где размещались различные структуры НКВД. В то же время, несколько человек сумели избежать смерти, убедив следователей, что они будут полезны Советской власти. Когда весной 1943 года нацисты обнаружили место захоронения 4400 жертв в Катынском лесу и попытались использовать этот факт массового убийства для антисоветской пропаганды, Сталин и советское руководство сумели убедить западных союзников в том, что это всё нацистская мистификация. На Нюрнбергском процессе и после него советское отрицание было главным источником негодования и обиды поляков не только на Советский Союз, что объяснимо, но и на западные союзные державы, которые не стали поднимать вопрос об убийстве польских офицеров, даже когда заподозрили, что это дело рук советских властей.

Акция, впоследствии ставшая известной как «катынская бойня», была зеркальным отражением нацистской операции «Танненберг», осуществленной в первые месяцы германской оккупации Польши. Тогда эсесовцами были составлены списки шестидесяти тысяч представителей польской интеллигенции, подлежащих аресту и уничтожению. Гитлер намеревался обезглавить польскую нацию, избрав ее лучших людей: священников, школьных учителей, правительственных чиновников, военных и прочих, — с тем чтобы лишенный элиты польский народ служил затем Третьему рейху как рабочая, рабская сила. План Сталина состоял примерно в том же: подорвать способность поляков сопротивляться советскому захвату их восточных земель. Молотов почти не скрывал радостных эмоций, когда в октябре 1939 года оценивал результаты подписанного на-

цистско-советского пакта: «...Оказалось достаточным одного короткого удара по Польше со стороны сперва германской армии, а затем – Красной армии, чтобы ничего не осталось от этого уродливого детища Версальского договора...» (16).

Не возникает никаких сомнений в том, что Сталин и Берия распорядились произвести массовый расстрел 21 857 военных и невоенных поляков, для того чтобы причинить серьезный ущерб польской нации. Кроме того, это событие стало кульминацией десятилетия акций против польских граждан СССР и Польши, объяснением для которых служило наличие мнимой «польской угрозы» территориальной целостности Советского государства. Есть основание полагать, что эти акции, если брать в целом, коренились в устойчивых русско-советских предрассудках против поляков: поляк воспринимался как «пан», изнеженный аристократ, но при этом опасный, эксплуататорский по своей природе и не заслуживающий доверия сосед восточнославянских народов – русских, украинцев и белорусов.

Катынский акт массового убийства в июне 1940 года, отрицаемый советским режимом вплоть до конца его существования и обходимый вниманием западных комментаторов в годы войны, в Нюрнберге и даже после него, должен рассматриваться как один из самых недвусмысленных случаев геноцида в истории двадцатого века. 29 декабря 1989 года Съезд народных депутатов СССР впервые публично признал наличие секретных протоколов к пакту и принес извинения за них. Однако впоследствии, особенно в путинскую эпоху, стало не принято говорить о советских преступлениях того позорного периода оккупации, насильственной депортации народов и геноцида. Российское правительство раскритиковало комментарии, появившиеся в связи с семидесятой годовщиной нацистско-советского пакта, за якобы

односторонний подход, игнорирование непростой стратегической ситуации, в которой оказался Советский Союз в 1939 году, и несправедливую критику его попыток защитить свою территорию.

Неприязнь по отношению к полякам, немцам и корейцам сочеталась у Сталина с растущим недоверием ко многим нерусским народам внутри Советского Союза. У этих наций не было «своей страны» за пределами СССР, на которую они могли бы шпионить, что позволяет думать, что, возможно, вовсе не угроза предательства со стороны того или иного народа руководила сталинскими действиями против них. Подозрительные, не заслуживающие доверия нации – «наказанные народы», по названию пионерской работы Александра Некрича – включали, возможно, в первую очередь, украинцев (17). Но провести полномасштабную депортацию с Украины после массового голода 1932–1933 годов не представлялось возможным; к тому же, украинцев было попросту слишком много, чтобы депортировать их всех, а в украинской степи было слишком много плодородных земель, которые нуждались в умелых крестьянских руках.

В годы войны Сталин сосредоточил свою кампанию против подозреваемых в предательстве наций на мусульманских народах Северного Кавказа и черноморского побережья. Необязательно думать, что сталинская подозрительность к этим народам была следствием его грузинского происхождения, хотя это вполне могло сыграть свою роль. Гораздо более очевидным было его настороженное отношение к независимости чеченцев, ингушей, балкарцев, карачаевцев, крымских татар и других народов и к их стойкому сопротивлению коллективизации и общей регламентации политической, культурной и социальной жизни, исходящей из Москвы. Архивные материалы тридцатых

годов показывают, что даже чеченские партийные лидеры не разрешали своим женам работать в народном хозяйстве, и что чеченские горцы нападали на коллективизаторов и агитаторов из Грозного, которые ездили по аулам и набирали крепких мужчин для нуждавшейся в рабочей силе нефтяной промышленности. В то же время, по сведениям НКВД, на Кавказе действовали сотни незаконных вооруженных чеченских групп, которые иногда вступали в бой с подразделениями НКВД (18). Некоторые историки утверждают, что главным источником советского насилия было всепоглощающее стремление центра к единообразию и неприязнь к подлинной автономии, культурному своеобразие и всяким особенностям вообще. Сталинские атаки на эти нерусские народы могут быть отчасти объяснимы в этой системе координат.

Уже в конце тридцатых годов Сталин начал кампанию, направленную на превознесение достоинств великорусской нации. В советских учебниках истории уже не осуждался, как прежде, русский империализм на Кавказе и в Центральной Азии, а, напротив, все больше воздавалась хвала русскому народу, который нес прогресс и цивилизацию отсталым народам Российской империи. Сложившийся в годы войны советский патриотизм исходил из принципа абсорбции, растворения опыта других советских народов в опыте русского народа. Многочисленные солдаты из неславянских республик сражались плечом к плечу с русскими, украинцами и белорусами и, зачастую лишь на фронте впервые выучив русский язык, гордились общими победами. Но любая нация, которая оказывалась помехой этому процессу слияния русского и советского патриотизма, подвергалась опасности. Депортация народов Северного Кавказа и Крыма в 1944 году могут быть поняты только в этом контексте.

Как всегда, в качестве причины депортации Сталин и Берия использовали вопросы безопасности: ряд народов Северного Кавказа был обвинен ими в коллаборационизме или, как минимум, в сочувствии нацистам во время германского вторжения в Советский Союз (19). В предательстве чеченцев и ингушей Сталин и Берия, без сомнения, были убеждены. О том, как проходила успешная, практически военная операция по выселению чеченцев и ингушей, начавшаяся в ночь с 23 на 24 февраля 1944 года, Берия докладывал Сталину в кратких, фактографических сообщениях. «Согласно Вашему указанию», – писал Берия, давая понять потомкам, что инициатором акции был Сталин (20). Все чечено-ингушское население – 496460 мужчин, женщин и детей, членов партии и Героев Советского Союза наряду с простыми чабанами, нефтяниками и горцами – в считанные дни было собрано и вывезено, сначала на грузовиках с охраной к железной дороге, а затем, в опечатанных вагонах, больше подходящих для перевозки скота, в Казахстан и Киргизию.

Как это часто бывало в истории принудительных депортаций, смертность была очень высока уже на этапе транспортировки. Приблизительно десять тысяч чеченцев и ингушей умерли по дороге. Не хватало пищи и воды, санитарно-гигиенические условия были примитивными и бесчеловечными. Поезда периодически останавливали на запасных путях, чтобы выбросить и закопать (не всегда) трупы, а затем продолжить скорбный путь. Медицинские работники НКВД жаловались, что нормальные условия для обеспечения жизни и здоровья депортируемых отсутствуют. Когда поезда прибывали к месту назначения, и выживших отвозили в спецпоселения, где им предстояло жить, то картина практически повсюду была одна и та же:

нет материалов для строительства жилья, нет еды, нет инструментов, чтобы начать работу. Местные жители-казахи, сами с трудом сводившие концы с концами, отказывались пускать чеченцев и ингушей в свои колхозы и редкие, разбросанные по степи, селения. Переселенцы были вынуждены копать в отбросах в поисках пропитания, поголовно страдали от тифа и умирали – по подсчетам чеченских и ингушских историков, сотнями тысяч, или до 40 процентов населения. Согласно данным НКВД, за первые четыре года ссылки скончались от 20 до 25 процентов депортированных чеченцев и ингушей, причем детская смертность была еще выше (21).

Мы знаем, что Сталин отдал приказ о проведении операции, а Берия ее осуществил. Мы также знаем, что чеченцы и ингуши были рассеяны среди казахского населения с целью если не физического уничтожения, то ликвидации их как наций. Чеченские и ингушские историки по сей день считают это случаем геноцида, и многое говорит в пользу этого мнения. Земли чеченцев были отданы под заселение другими национальностями, чеченская и ингушская культуры обречены были сгинуть в степях Казахстана. Как минимум, налицо была попытка культурного геноцида. Даже после 1956 года, когда Никита Хрущёв в своей речи на XX съезде партии реабилитировал многие из «наказанных народов» и позволил им вернуться на родину, к чеченцам и ингушам это не относилось. Им было сказано, что они останутся в ссылке. Однако чеченцы и ингуши, проигнорировав избирательный подход Хрущёва, начали самовольно, порой преодолевая значительные препятствия, возвращаться домой на Северный Кавказ, где по сей день продолжают сопротивляться контролю Москвы.

Очень похожая история произошла и с крымскими татарами, хотя в их случае сомнения в лояльности были более

обоснованными, и татарское присутствие на стратегически уязвимом Крымском полуострове вызывало реальные военно-политические опасения. И снова в ходе операции военного образца в мае 1944 года целая нация была выселена из своих домов и депортирована в Центральную Азию и на Урал. Условия транспортировки были ужасными, и многие тысячи депортированных не пережили долгой дороги в Киргизию и Таджикистан. Положение, в котором татары оказались в Киргизии, было немногим лучше того, что было у чеченцев и ингушей в Казахстане. По подсчетам, из 190 тысяч крымских татар от 70 до 90 тысяч умерли в ходе переселения или в первые годы ссылки. Так же, как чеченцы и ингуши – и как балкары, карачаевцы и калмыки – крымские татары были высланы «навечно» и «без права возвращения на прежнее место жительства» (22). И после 1956 года татары тоже не получили разрешения вернуться на родину в Крым, и, как чеченцы и ингуши, все равно делали это на свой страх и риск. Будучи сегодня в составе Украины, крымские татары продолжают бороться за право вернуть свои земли, заселенные после их депортации преимущественно русскими и украинскими крестьянами.

Сталинская политика в отношении национальностей в тридцатые-сороковые годы была противоречивой смесью громких обещаний культурного и экономического прогресса и государственных требований подчинения и соответствия. С одной стороны, советские власти продолжали политику «коренизации» – выработки чувства национальной принадлежности у этнических групп, чья историческая идентичность не имела четко выраженных очертаний и вращалась вокруг клановых, религиозных, региональных, хозяйственных и языковых различий. С другой стороны, некоторые этнические единицы, признанные слишком мелкими либо

не имеющими рациональных оснований для выделения в отдельную группу, культурно уничтожались, а другие назначались «врагами» и отправлялись в ссылку, где, изнуренные постоянной борьбой за существование, оторванные от родных мест и вынужденные ассимилироваться в новую среду, были обречены на исчезновение.

Глава 6

БОЛЬШОЙ ТЕРРОР

В своей пионерской работе о чистках 1937–1938 годов Роберт Конквест впервые применил термин «большой террор», который с тех пор постоянно используется историками (1). Термин хорошо отражает «апокалипсический театр ужаса» тех двух лет, когда любой советский гражданин, за исключением самого вождя – Сталина – мог быть подвергнут аресту, пыткам, ссылке или расстрелу (2). Страх был осязаемым, и у многих людей, особенно тех, кто занимал ответственные должности – членов партийной номенклатуры, директоров заводов, военачальников, главных редакторов газет – наготове были сумки с вещами на случай, если ночью раздастся стук в дверь.

В крупных городах и провинциальных центрах царила напряженная атмосфера; люди задыхались от бессилия что-то изменить или предотвратить в своей судьбе. Для того, кто никогда не испытывал страха и беспомощности, не сталкивался с оговорами и самооговорами, трудно понять, каково было жить в тот период. «Узнала я, как опадают лица, / Как из-под век выглядывает страх, / Как клинописи жесткие страницы / Страдание выводит на щеках...», – писала в своей поэме «Реквием» Анна Ахматова, пытаясь передать, что она испытала, разыскивая в этот период арестованного сына.

Интересно и поучительно, однако, для нас, пытающихся представить себе советскую жизнь в сталинские тридцатые годы, то, что люди продолжали делать то, что всегда делали: снимали и смотрели развлекательное кино, устраивали аншлаги в театрах, участвовали в массовых физкультурных парадах и восхищались успехами советских летчиков и поляриков (3). «Жить стало лучше, товарищи, – написал Сталин в 1935 году. – Жить стало веселее». И это была не просто риторика, во всяком случае, для некоторых представителей элиты. Огромную популярность приобрел советский джаз, танцы в стиле свинг были на пике моды, а на киноэкранах доминировали музыкальные комедии (4).

Чистки 1937–1938 годов трудно классифицировать как геноцид, поскольку они были направлены не против конкретных этнических, социальных или политических групп, хотя предполагаемые политические противники, которых в большинстве случаев ждал расстрел, и объединялись их обвинителями в совершенно надуманные заговорщические партии. Крупные фигуры большевистского движения стали главными обвиняемыми трех показательных судебных процессов: «процесса 16-ти», или «объединенного троцкистско-зиновьевского террористического центра» в августе 1936 года; «процесса 17-ти», или «антисоветского троцкистского центра» в январе-феврале 1937 года и «процесса 21-го», или «антисоветского право-троцкистского блока» в марте 1938 года. На первом процессе ряд деятелей партии, в том числе Зиновьев и Каменев, признались в организации убийства Кирова (1 декабря 1934 года) и в подготовке, совместно с Троцким, заговора с целью убийства Сталина и других лидеров партии. На втором процессе Пятаков и Радек признались в том, что они принимали участие в крупном вредительстве и саботаже, в том числе, по тайному сговору с Троцким и японцами, в развале советской желез-

нодорожной системы. Как пишет Владислав Хеделер, «затверживая то, что им диктовали следователи НКВД, обвиняемые проговаривали новую версию истории партии», которая переписывалась «в угоду сталинской мании величия и непогрешимости» (5).

Главными фигурантами третьего показательного процесса были Бухарин и Рыков (Томский покончил с собой в сентябре 1936 года). Эти ведущие представители так называемой «правой оппозиции» обвинялись в организации «вредительской, диверсионной и террористической деятельности» с целью спровоцировать вторжение в Советский Союз, ликвидацию социализма и реставрацию капитализма (6). Все три группы, привлеченные к показательному суду, были обвинены в том, что якобы работали на некую «центральную группу» правых и троцкистов, представлявшую интересы Троцкого и иностранных держав в Советском Союзе. По сути, Троцкий заочно был главным обвиняемым на московских показательных процессах. Его предполагаемые сообщники сознались в своих преступлениях, и большинство были сразу же расстреляны. В августе 1940 года в Мексике ударом ледоруба по голове, нанесенным агентом НКВД, был убит Троцкий. Заключительная речь Вышинского на бухаринском процессе (11 марта 1938 года) выразила итоговое удовлетворение главного обвинителя безусловно организованным и зрелищным процессом:

Вся наша страна, от малого до старого, ждет и требует одного: изменников и шпионов, продававших врагу нашу родину, расстрелять, как поганых псов!

Требует наш народ одного: раздавите проклятую гадину!

Пройдет время. Могилы ненавистных изменников зарастут бурьяном и чертополохом, покрытые вечным презрением честных советских людей, всего советского народа.

А над нами, над нашей счастливой страной, по-прежнему ясно и радостно будет сверкать своими светлыми лучами наше солнце. Мы, наш народ, будем по-прежнему шагать по очищенной от последней нечисти и мерзости прошлого дороге, во главе с нашим любимым вождем и учителем – великим Сталиным... (7).

Стенограммы процессов, самоунижение и признания обвиняемых, жестокость главного обвинителя и Советского государства по отношению к своим «отцам-основателям» – всё это изучающим советскую историю давно известно. Исследователи проанализировали «признание» Бухарина с помощью метода деконструкции и продемонстрировали, что он перевернул обвинения с ног на голову, согласившись со всей их противоречивостью и абсурдностью, чтобы показать, что ни одно из них не может быть правдой. Однако существует также множество свидетельств того, что Бухарин был измученным, глубоко уязвленным человеком, который признал все обвинения, просто потому что больше не мог терпеть унижения со стороны партии-государства, для создания которого он так много сделал. Мы хорошо знаем о запугивании, пытках, угрозах членам семьи, которые стояли за многими признаниями. Не вызывает сомнения у историков и то, что процессами закулисно руководил Сталин, который систематически убирал своих главных политических противников, используя процедуру судебного процесса, признания и расстрела.

Что известно меньше, так это то, насколько долгой и методичной была подготовка к этим событиям. В определенном смысле, Зиновьев и Каменев, Радек и Пятаков, Бухарин, Рыков и Томский были подвергнуты суду на бесконечных заседаниях партийной верхушки задолго до их арестов и показательных процессов перед лицом советского и миро-

вого общественного мнения. Не так давно ставшие доступными стенограммы пленумов ЦК и заседаний Политбюро начала тридцатых годов показывают, как Сталин и его ближайшие союзники – Молотов, Каганович, Ворошилов, Микоян и Куйбышев, не говоря уже о Ягоде с Ежовым – вели постоянный перекрестный допрос этих крупных деятелей большевистского прошлого, то и дело вынуждая их защищаться и выискивая слабые и непоследовательные места в их контрдоводах. Регулярно получая из ОГПУ-НКВД новые материалы с допросов менее заметных партийных деятелей, сталинские приспешники имели возможность парировать самые блестящие аргументы старой большевистской элиты.

В ходе этих дискуссий, выливавшихся в грубые и ожесточенные стычки между обвиняемыми и обвинителями, в полной мере проявилось мафиозное свойство большевистской «семьи». *Padrone* Сталин сидел в сторонке, наблюдая за перебранкой и вставляя, когда считал нужным, замечания, часто в свойственной ему саркастической манере. Иногда его интерpellации были властными и однозначными, клавшими конец дискуссии, иногда он вел себя как беспристрастный арбитр, умеряя пыл своих более агрессивных товарищей.

«Ответчики» в этих спорах в ЦК и Политбюро оказывались в крайне сложном положении. Они пытались использовать разумные доводы и честное отрицание (а, в случае Троцкого, и юмор), чтобы предотвратить угрозу отстранения их от занимаемых должностей в ЦК и правительстве, но, по мере усиления нападков, они начали все яснее понимать, что на кону было нечто гораздо большее, чем их посты и репутации. Когда обвинения выросли до измены и вредительства, им пришлось вести борьбу за собственную жизнь и жизнь своих близких.

Несмотря на то, что подобного рода политическая травля длилась месяцами и даже годами, в любой день все могло внезапно измениться. Типичный пример – случай Ягоды. Сначала, на фоне растущей критики и злословия в адрес Ягоды со стороны ЦК, на важный пост в НКВД, чтобы присматривать за ним и принять часть его полномочий, назначается Ежов. Затем Ежов сменяет Ягоду во главе НКВД, а Ягода назначается наркомом связи. И, наконец, Сталин дает распоряжение (31 марта 1937 года) об аресте Ягоды: «Политбюро ... считает необходимым исключение его из партии и немедленный его арест. Политбюро ... доводит до сведения членов ЦК ВКП, что ввиду опасности оставления Ягоды на воле хотя бы на один день, оно оказалось вынужденным дать распоряжение о немедленном аресте Ягоды. Политбюро ЦК ВКП просит членов ЦК ВКП санкционировать исключение Ягоды из партии и его арест» (8).

Прежде чем напрямую атаковать культовые фигуры из числа старой большевистской гвардии, Сталин и его сторонники должны были начать с более мелкой рыбешки, чтобы таким образом запятнать репутации и помыслы их более высокопоставленных покровителей. На совместном заседании Политбюро и Центральной Контрольной Комиссии 27 ноября 1932 года суровой критике за пьяную болтовню о проблемах партийного руководства в ходе кампании коллективизации подверглась «группа Смирнова, Эйсмонта и Толмачёва». Но главной целью разоблачения этого «дела» было продолжающееся наступление Сталина на «правых» – Рыкова и, особенно, популярного Томского – и их престиж и опору в партии. В тот момент Рыков и Томский отделались выговором, тогда как другие были исключены из ЦК (9). Однако обвинения, всплывшие во время этих внутрипартийных разбирательств, были использованы позднее на допросах в НКВД и в формулировках вынужденных признаний.

Если нападки на Рыкова и Томского были непрерывными и злобными, то нападки на Бухарина отличались особой колкостью, поскольку он был «любимцем» партии и Ленина. По мере того как атаки множились, Бухарин мог все сильнее ощущать, как твердая почва под его ногами превращается в зыбучий песок. «Признания» Зиновьева, а затем Радека сделали положение Бухарина в партии – до сих пор, казалось бы, прочное и недосягаемое – тем более сложным. Он испытывал давление и угрозы со стороны товарищей по ЦК, его третировали, прерывали, не давали говорить. Он пытался сохранять спокойствие и придерживаться корректных методов дискуссии, но это мало помогало. Когда 27 января 1937 года он был, в конце концов, арестован, он отверг все обвинения в измене, терроризме и наличии планов свержения Советской власти. К концу своего пребывания в тюрьме он заявил, что никогда не любил Сталина и партийное руководство.

То, что Бухарина и других обвинили в участии в заговорах, объединивших диаметрально противоположные и несовместимые политические силы, не было случайностью. Предполагалось, что тактически это расширяло возможности заговорщических групп причинять вред Советскому государству, но гораздо сильнее было стремление Сталина уничтожить их всех, «левых» и «правых». Как пишет Роберт Такер, Сталин не был просто параноиком, уверенным, что какие-то личности стремятся, во что бы то ни стало, добраться до него. Он страдал от «параноидной бредовой системы», состоявшей в том, что его противники объединялись во взаимосвязанные группы, которыми из-за рубежа руководили Троцкий и его сын, Лев Седов, а также иностранные правительства. Такер пишет: «Специалисты описывают параноидную систему как сложную, схематизированную и логически выстроенную структуру с “центральной

бредовой темой”, включающей враждебный заговор, назначенной жертвой которого является данное лицо» (10). По существу, вся мифологическая конструкция из предателей и шпионов была выстроена, чтобы удовлетворить фантазии Хозяина. Чем неправдоподобнее выглядели участники одной и той же заговорщической группы, тем легче Сталин и НКВД могли увериться сами и убедить своих сторонников в том, что потенциальную опасность представляет каждый. Парадоксальным образом, чем менее вероятными были заговоры, тем более распространенными они становились.

Не может быть сомнения в том, что ответственность за эту нездоровую «охоту на ведьм» в отношении врагов и шпионов лежала на Сталине. За пределами СССР Сталина воспринимали как полновластного руководителя советской внешней и внутренней политики, который лично до мелочей контролировал всё и вся, особенно в тех случаях, когда речь шла о государственной безопасности. В те периоды, когда в чистки, процессы и другие составляющие террора были вовлечены структуры ОГПУ-НКВД, Сталин часто встречался с руководителями своей госбезопасности, иногда по нескольку раз в день (11). При Ягоде ОГПУ было обвинено в недостаточной бдительности, неспособности в полной мере оценить масштаб измены, даже в причастности к ней. С точки зрения Сталина и советского руководства, советский государственный аппарат наводнили бесчисленные «двурушники», которые на словах во весь голос поддерживали Сталина и Советскую власть, а на деле, будучи шпионами и агентами иностранных держав, вели промышленный шпионаж и подрывали изнутри советские институты. Их нужно было разоблачать, выбивать из них «правду» тем или иным способом и выносить смертный приговор. Георгий Димитров записал в своем дневнике тост, который Сталин произнес на обеде у Ворошилова (7 ноября 1937 года) в ответ на тост, поднятый за «великого Сталина»:

... Каждый, кто пытается разрушить это единство социалист[ического] государства, кто стремится к отделению от него отд[ельной] части и национальности, он враг, заклятый враг государства, народов СССР. И мы будем уничтожать каждого такого врага, был [бы] он старым большевиком; мы будем уничтожать весь его род, его семью. Каждого, кто своими действиями и мыслями (да, и мыслями) покушается на единство социалистического государства, беспощадно будем уничтожать. За уничтожение всех врагов до конца, их самих, их рода! (*Одобрит[ельные] возгласы: за Великого Сталина!*) (12)

В итоге в сентябре 1936 года Сталин поставил во главе НКВД Ежова («безумного карлика», по выражению Хрущева), который произвел чистку наркомата и других госструктур от людей Ягоды. Ежов сам был отвратительным преступником, каких еще поискать в истории современного геноцида (13). Пьяница и распутник, несмотря на интеллектуальные претензии и знакомства, он лично принимал участие в допросах и пытках своих жертв. К тому же, он находился под гипнотическим влиянием Сталина и исполнял все желания Хозяина относительно распространения террора в советском обществе, не щадя никого. Известно, что Ежов, как и Сталин, оправдывал убийство множества невинных людей, если на другой чаше весов была поимка виновных. Его речь во время избирательной кампании в декабре 1937 года подчеркивает его геноцидальность:

Самые грязные, самые темные, самые чудовищные пакости применяет в борьбе с нами вся эта отвратительная свора троцкистско-бухаринских выроdkов, для того чтобы как-нибудь приостановить победоносное движение нашего народа вперед к коммунизму... От нашего умения распознать эти изощренные методы борьбы классового врага с нами, от нашей воли

окончательно очистить советскую землю от всех этих гадов будет зависеть не в малой степени наши дальнейшие успехи... Наш советский народ уничтожит всех до единого этих презренных приказчиков господ капиталистов, подлых врагов рабочего класса и всех трудящихся (14).

Ежов был также решительно настроен уничтожить семьи обвиняемых. Он приказал «заклучить всех жен осужденных изменников родины» в лагеря и арестовать признанных «социально опасными» детей старше пятнадцати лет (15).

Смертные приговоры главным обвиняемым московских показательных процессов и репрессии в отношении их родных, друзей, знакомых и предполагаемых сообщников были только верхушкой айсберга «большого террора». Ежовым был разработан план, включающий квоты («лимиты») на арест «врагов народа», якобы представлявших угрозу существованию Советского государства. В 1937–1938 годах НКВД арестовал примерно 1 575 000 человек, подавляющее большинство которых было предано «суду». Из них 681 692 человека были приговорены к смертной казни, а остальные – к ссылке и потенциальной смерти в Гулаге (16). Но, возможно, численность жертв и в том, и в другом случае была много выше (17). В основном это были все обычные люди: рабочие, крестьяне, безработные, мелкие преступники, рядовые госслужащие, – из которых мало кто имел возможность и, тем более, намерение совершить акт измены. Но, будучи «разоблаченными» как враги и втянутыми в систему репрессий, они могли не надеяться на освобождение.

Сам размах репрессий и убийств придает весомость мнению о том, что это следует называть геноцидом вместо привычного понятия «террор». В конце концов, мы же говорим с уверенностью о камбоджийском «геноциде», кото-

рый имел много общих черт с «большим террором»: лидер партии Пол Пот повел борьбу с руководством собственной партии и ее историей, а заодно с пережитками прошлого, и подверг гонениям интеллектуалов и прочих думающих людей во имя «чистоты рядов». Так же, как и Сталин, Пол Пот преследовал национальные меньшинства. С другой стороны, камбоджийский геноцид в процентном отношении затронул куда большее число граждан страны, чем сталинские репрессии. Если и не геноцидом, то, как пишут Йорг Баберовски и Ансельм Дёринг-Мантойфель, «большой террор» был «советским вариантом “окончательного решения”», или, в формулировке Рональда Суни, «политическим холокостом» (18).

Несмотря на то, что руководящие решения однозначно исходили от верхушки советской иерархии и, прежде всего, лично от Сталина, репрессии 1937–1938 годов – включая «приказ № 00447» – в какой-то момент начали жить своей собственной жизнью. Инициативы советской администрации в ходе «большого террора», как и в ходе раскулачивания, украинского голодомора, национальных гонений, «чистки» городов и прочих акций, были отчасти результатом советской версии «работы навстречу фюреру» – понятия, возникшего в историографии нацизма с целью объяснить активизм нацистских чиновников, особенно в деле убийства евреев, при отсутствии прямых указаний от Гитлера. Советские официальные лица чувствовали сталинскую жажду крови в этот период и, со своей стороны, делали больше, чем от них требовалось, чтобы удовлетворить ее. В то же время, арестованные на допросах в НКВД раскрывали целые сети якобы причастных к их «преступлениям» людей, которые, в свою очередь, называли все новые имена, чтобы удовлетворить своих мучителей. Подобно нормам в советском народном хозяйстве, эти показатели по арестам в про-

винции «выполнялись и перевыполнялись» сверхусердными местными чиновниками.

Стремясь наперебой доказать свою полезность Ежову и Сталину, соперничающие иерархи НКВД соревновались между собой по количеству арестованных и казненных «врагов», часто превышая запланированные показатели. Они регулярно просили Ежова увеличить им «лимиты», особенно по лицам «первой категории», то есть, подлежащим расстрелу. Поскольку среди арестованных НКВД граждан число тех, кто был *реально* виновен в каких-либо преступлениях против государства, было очень и очень мало, расширить круги причастных было совсем не трудно. Однако относиться к официальным цифрам арестованных и расстрелянных нужно с осторожностью. Многие ответственные лица, особенно на местах, были склонны раздувать показатели, чтобы выслужиться перед начальством.

«Тройки» и «двойки» – наскоро собранные местные органы судопроизводства, состоявшие из представителей НКВД, Наркомата юстиции и партии – делали свою работу быстро и эффективно, исправно творя «суд» над теми, кого направлял к ним НКВД. Согласно одной оценке, около 800 тысяч человек были приговорены к смерти и расстреляны за шестнадцатимесячный период – 50 тысяч человек в месяц, или 1700 в день, за приблизительно 500 дней (19). Все это делалось с соблюдением высшей степени секретности. Жертвы вывозились в ближайший подконтрольный НКВД лесной массив, где их расстреливали и хоронили в необозначенных могилах. Участники расстрельных команд – почти всегда офицеры НКВД – получали указание молчать о том, что произошло, и даже «забыть» увиденное и услышанное под угрозой сурового наказания. В процессе ваяния советского общества не должно было оставаться следов лишнего материала, отсеченного рукою скульптора. Родст-

венникам ничего не сообщалось о судьбе их близких; им либо вообще ничего не говорили, либо кормили байками о ссылке в неопределенные места или смерти в лагере.

Во всей этой сфере чрезвычайного судопроизводства и уничтожения людей присутствовала странная смесь секретности и публичности. Московские показательные процессы ярко продемонстрировали степень, в какой народ, по мысли Сталина, должен быть осведомлен о предательстве многих из своих политических вождей. В то же время, другие деятели предавались суду и расстреливались втайне, без оповещения публики. А иногда даже тайные суды обставлялись так, чтобы служить пропагандистским целям Сталина. Так, 11 июня 1937 года он как секретарь ЦК ВКП(б) разослал всем национальным, краевым, областным комитетам партии следующее письмо, касающееся суда над руководством Красной армии: «В связи с происходящим судом над шпионами и вредителям Тухачевским, Якиром, Уборевичем и другими ЦК предлагает вам организовать митинги рабочих, а где возможно и крестьян, а также митинги красноармейских частей и выносить резолюцию о необходимости применения высшей меры репрессии. Суд, должно быть, будет окончен сегодня ночью. Сообщение о приговоре будет опубликовано завтра, т. е. 12 июня» (20). Но даже в менее значительных случаях Сталин хотел, чтобы народ знал о судьбе своих предполагаемых врагов. В августе 1937 года он писал секретарю Смоленского обкома: «Советую приговорить вредителей Андреевского района к расстрелу, а о расстреле опубликовать в местной печати» (21). Срабатывало упорное убеждение Сталина, что простые люди – рабочие, крестьяне, молодежь и прочие – должны знать, что правительство ведет бдительную работу по раскрытию преступлений вредителей и шпионов, из-за которых советскому народу так невыносимо трудно живется.

Пытки, безусловно, были очень эффективным средством не только выбить из абсолютно невиновного человека подробное признание своей вины, но и заставить его оболгать других. Один отвратительный пример – пыток знаменитого театрального продюсера и режиссера-новатора Всеволода Мейерхольда – призван служить символом целого поколения жертв, особенно, поскольку архивные материалы, касающиеся методов, форм и «науки» пыток в НКВД, если таковые существуют, исследователям до сих пор недоступны. В 1939 году Мейерхольд сумел отправить из тюрьмы письмо Молотову, которое сохранилось, с протестом против своего ареста и пыток.

... Когда следователи в отношении меня, подследственного, пустили в ход физические методы (меня здесь били – большого 65-летнего старика: клали на пол лицом вниз, резиновым жгутом били по пяткам и по спине; когда сидел на стуле, той же резиной били по ногам сверху, с большой силой... В следующие дни, когда эти места были залиты обильным внутренним кровоизлиянием, то по этим красно-сине-желтым кровоподтекам снова били этим жгутом, и боль была такая, что, казалось, на больные, чувствительные места ног лили крутой кипяток, я кричал и плакал от боли. Меня били по спине этой резиной, руками меня били по лицу размахами с высоты) и к ним присоединили еще так называемую «психическую атаку», то и другое вызвало во мне такой чудовищный страх, что натура моя обнажилась до самых корней своих...

Лежа на полу лицом вниз, я обнаруживал способность извиваться и корчиться, и визжать, как собака, которую плетью бьет хозяин...

Когда я лег на койку и заснул, с тем чтобы через час опять идти на допрос, который длился перед этим 18 часов, я проснулся, разбуженный своим стоном и тем, что меня подбрасывало

на койке так, как это бывает с больными, погибающими от горячки. «Смерть (о, конечно!), смерть легче этого!» – говорит себе подследственный. Сказал себе это и я. И я пустил в ход самооговоры в надежде, что они-то и приведут меня на эшафот... (22).

Мейерхольд сознался в том, что он британский и японский шпион, и был казнен в феврале 1940 года.

Вопрос о пытках – отдельная проблема, хотя и имеющая отношение к проблеме геноцида. Готовность власти без сомнений, колебаний и сожаления использовать эти гнусные и бесчеловечные методы против значительного числа людей говорит о кровожадности того рода, что приводит к случаям геноцида. В определенном смысле, без систематических пыток нет геноцида, хотя, конечно, можно без труда назвать случаи пыток, в которых геноцид не при чем. Существует множество доказательств того, что Сталин не только знал об ужасах и масштабах применения пыток в НКВД, но и поощрял их. Однажды Сталин приказал Ежову любым способом добиться признания одного обвиняемого: «Не пора ли нажать на этого господина и заставить рассказать о своих грязных делах? Где он сидит: в тюрьме или гостинице?» А на одном из списков арестованных лиц, которые Ежов регулярно посылал Сталину, напротив имени «М.И. Баранов» вождь черкнул «бить, бить!» (23). Сталин был уверен и отметил это на XVII съезде партии в январе 1934 года, что хотя Советская власть разбила «врагов партии, оппортунистов всех мастей, национал-уклонистов всякого рода», «остатки их идеологии живут еще в головах отдельных членов партии и нередко дают о себе знать» (24). Единственный способ заставить этих «двуличных» партийцев сознаться в своих подлинных взглядах – выбить их из них.

В пропитанной страхом советской среде существовало распространенное убеждение, что арест и допрос означают обязательно пытки, хотя это далеко не всегда было так. Таким образом, уже сама угроза пыток становилась средством социального контроля и сбора информации. Оказываясь перед лицом не только возможного ареста, допроса и ссылки, но и вселяющего смертельный ужас физического насилия, советские ответственные работники с легкостью доносили на своих недругов или начальников, якобы виновных в недостатках их ведомства или отрасли. Делая это, они пытались отвести ответственность от себя и, тем самым, избежать вероятности собственного ареста и пыток. Если эти доносы превращались затем следователями НКВД в вымышленные истории о шпионстве и предательстве их коллег и товарищей по работе, доносчики с готовностью с ними соглашались.

Ежов лично принимал участие в сеансах пыток, а о результатах докладывал непосредственно Сталину. Историками найдены документы, в которых Сталин дает понять Ежову, что при допросе следует использовать «физические меры». Но Ежов и сам часто проявлял инициативу, когда дело касалось пыток, арестов и расстрелов (25). В этом смысле, пытки, как и сами репрессии, были институционализированы системой, которой, чтобы оправдать и само свое существование, и свои провалы, было необходимо искать и находить врагов. Типичным примером в этой связи является случай маршала Михаила Тухачевского, ставшего центральной фигурой масштабной чистки в Красной армии. Ежов позже признался, что вопрос о пытках был поднят на высшем уровне, когда обсуждалось, как добиться от всенародно уважаемого маршала признания. Генеральный прокурор Вышинский потребовал применить пытки. Сталин, по сути, дал добро, заявив Ежову: «Смотрите сами, но Ту-

хачевского надо заставить сказать все и открыть все свои контакты. Невозможно, чтобы он действовал сам по себе». Ежов ежедневно докладывал Сталину о том, как продвигается допрос, который, как стало известно в хрущёвское время, был весьма кровавым. 11 июня 1937 года Тухачевский и еще семь ведущих военачальников были приговорены военным трибуналом к смертной казни за шпионскую деятельность и измену. Вскоре после этого еще около тысячи старших офицеров и комиссаров Красной армии были арестованы и репрессированы (26). Как и предполагал Сталин, пытки делали свое дело.

Резкий контраст между проявившимся в тридцатые годы утопизмом марксизма-ленинизма-сталинизма – идеологии, которая обещала победу социализма, создание нового советского человека и коренное улучшение жизни вообще – и реальными нуждой, голодом, стесненными жилищными условиями и низкооплачиваемым трудом, порождал систематическую нужду в репрессиях и насилии. Некоторые историки видят также источник чисток в проблемных отношениях между центром и периферией. Впрочем, это утверждение, предполагающее, что процесс чисток начался снизу, с мест, сегодня практически опровергнуто, и более логичным представляется мнение о том, что Сталин хотел заметно растрясти ряды местных советских и партийных сатрапов, расстреляв одних и отправив в ссылку других, и дать дорогу новому поколению более управляемых кадров (27).

В центре или на местах, чистки отвечали сталинской потребности в неоспоримой, недосягаемой власти. По мысли Сталина, вокруг было слишком много старых большевиков, ветеранов революции, которые считали свои должности, права и привилегии заслуженными, а, значит, могли оспорить его лидерство или, как минимум, застопорить его по-

литику. Да и не только Сталин был заинтересован в том, чтобы расширить свою власть и поквитаться с врагами. Репрессии открыли шлюзы потоку доноительства: советские и партийные работники среднего и низшего звена сводили счеты с соперниками и оппонентами. Одни писали доносы из карьерных соображений, другие – чтобы защитить себя: если я не донесу первым на товарища Иванова, он донесет на меня. В результате, у НКВД было больше чем достаточно информации, чтобы раскинуть сеть арестов и расследований – даже без попыток и многократных допросов.

Сталин и НКВД поощряли доносы, аресты и судебные процессы на всех уровнях общества. В разоблачении и уничтожении предполагаемых врагов кровно заинтересованным должен был быть каждый. Предстояло мобилизовать население в этом смысле и приучить его к жизни в системе, в которой ни один человек не мог остаться за бортом драматического процесса создания нового советского общества. От имени ЦК партии Сталин писал главам партийных комитетов на местах (3 августа 1937 года): «Считая совершенно необходимой политическую мобилизацию колхозников вокруг работы, проводящейся по разгрому врагов народа в сельском хозяйстве, ЦК ВКП(б) обязывает обкомы, крайкомы и ЦК нацкомпартий организовать в каждой области по районам 2–3 открытых показательных процесса над врагами народа – вредителями сельского хозяйства, пробравшимися в районные партийные, советские и земельные органы ..., широко осветив ход судебных процессов в местной печати» (28). В особенности Сталину хотелось настроить колхозников против тех местных функционеров, которые якобы препятствовали успеху советского сельского хозяйства. То же относилось к заводским рабочим, которые должны были знать о вредительской деятельности их начальства.

В сталинском безумии была своя последовательность: удары НКВД по советскому населению наносились не вполне бессистемно. Личные биографии и происхождение имели значение, причем немалое, как показывает работа ведущего российского историка чисток Олега Хлевнюка (29). Меч НКВД и Сталина разил старых большевиков и их соратников, родных, друзей и знакомых, разил командиров Красной армии, особенно тех, кто принимал участие в гражданской войне и с гордостью причислял себя к борцам за Советскую власть. Сталина явно беспокоила угроза «бонапартизма» в рядах Красной армии, хотя, опять же, имеется очень мало свидетельств, подтверждающих, что эта угроза была хоть сколько-нибудь реальной. Бывшие меньшевики, эсеры и кадеты, наравне с представителями других небольшевистских политических формирований, также имели немного шансов избежать ареста и его страшных последствий. Эти и другие потенциальные политические оппоненты – и все, кто с ними, так или иначе, был связан – составляли важный объект механизма репрессий.

Не менее важным (и более многочисленным) объектом репрессий были те, кто подвергся им из-за своего социального происхождения: кулаки, священники, бывшие помещики и царские чиновники, «антиобщественные элементы» и прочие. Сокрушительный удар, нанесенный в тридцатые годы российским служителям церкви, десятки тысяч которых погибли или были сосланы, может рассматриваться как еще одна – в дополнение к страшной кулацкой истории – акция геноцида. Как мы видели ранее, национальное происхождение также имело значение: массовым арестам, ссылкам и расстрелам подвергались не только поляки и немцы, но и французы, англичане, греки, финны и представители других национальностей. На самом деле, согласно статистике «большого террора», самой большой отдельной груп-

пой репрессированных была та, что состояла из представителей советских национальностей, имевших «родину» за пределами СССР, и иностранцев.

Однако мы зайдем слишком далеко, если будем видеть в репрессиях логичный, пусть и чрезмерный, ответ на потенциальную оппозицию. Многие представители категорий, о которых речь шла выше, избежали чисток. Кстати, некоторые историки этого периода отмечают, что именно из этих репрессированных групп населения происходили ряд особо приближенных соратников Сталина: их уязвимость служила проверенной гарантией их преданности. Еще более важным для понимания произвольной сущности террора является тот факт, что от угрозы ареста не был защищен никто; сотни тысяч простых советских людей, партийных и беспартийных, с «чистыми» социальными, политическими и национальными биографиями, оказались, в конце концов, арестованы, расстреляны или сосланы. Когда в ноябре 1938 года Берия с успехом сместил, а затем расстрелял Ежова и ряд его поделщиков в НКВД за допущенные в ходе репрессий перегибы, то, как утверждают документы, речь шла именно об арестах множества невиновных граждан и «незаконных методах» добывания признаний. Разумеется, сам Берия на этом посту оказался немногим лучше Ежова.

Дэвид Ширер делает важное заключение о том, что репрессии мало способствовали совершенствованию характера и эффективности работы советских учреждений. Напротив, судебная, правоохранительная и военная организации, в итоге, оказались полностью разлажены. Репрессии в рядах промышленных элит привели к росту частоты несчастных случаев и общего беспорядка на производстве. Результатом масштабной, проведенной снизу доверху, чистки аппарата железнодорожного транспорта стал хаос системы

железных дорог страны (30). Партия также лишилась верхушки руководства, подавляющее большинство которой составляли большевики с донэповским стажем. Из 139 членов и кандидатов в члены ЦК, избранных на XVII съезде партии (1934), 98 человек, или около 70 процентов, были арестованы и расстреляны в 1937–1938 годах (31).

Внешнюю угрозу безопасности СССР и рост напряженности международной обстановки, вызванный, в значительной степени, успешным запугиванием европейских держав Гитлером, называют главными побудительными причинами террора и чисток. Как пишет Олег Хлевнюк, «приказы НКВД, на основании которых проводились массовые операции 1937–1938 годов, показывают, что “большой террор” был спланированной в Москве и организованной из центра карательной акцией, направленной против “пятой колонны”, способной, как считалось, в случае войны вонзить стране нож в спину» (32). Но аресты и массовые убийства, которыми сопровождалась чистка, были продиктованы не столько реальными угрозами советской безопасности, сколько ксенофобией и паранойей Сталина. Без Сталина-геноцидаря трудно представить себе «большой террор».

Глава 7

ПРЕСТУПЛЕНИЯ СТАЛИНА И ГИТЛЕРА

В предисловии к своей книге «Жатва скорби», посвященной истории коллективизации и украинского голода 1932–1933 годов, Роберт Конквест сравнивает преступления сталинизма с преступлениями нацизма. «Прошло пятьдесят лет с той поры, когда Украина и другие регионы, расположенные к востоку от нее и частично населенные казаками, – эта обширная территория с населением приблизительно в сорок миллионов человек, напоминала сплошной Бергер-Бельзен, только Бергер-Бельзен огромных масштабов. Мужчины, женщины, дети – четвертая часть тамошнего крестьянства – умерли или агонизировали, остальные же были истощены настолько, что не могли даже хоронить родных и соседей. И так же, как позднее в Берген-Бельзене, за гибелью жертв присматривали сытые охранители порядка, включая партийных функционеров» (1).

В «Чёрной книге коммунизма» Стефан Куртуа проводит еще более отчетливую параллель. «Геноцид “класса”, – пишет он – вполне может быть равносильным геноциду “расы”». Смерть ребенка украинского кулака, которого сталинский режим намеренно принес в жертву голоду, «весит» столько же, сколько смерть еврейского ребенка, заморенного голодом нацистами в Варшавском гетто (2). В этом Конквест с ним не согласен. Он уверен (точнее, у него есть

«принципиальное ощущение»), что Холокост был значительно «хуже», чем сталинские преступления (3).

Жертвам коммунизма – будь то депортированные латыши, оказавшиеся в Гулаге, или русские политзаключенные на Колыме, родственники польских офицеров, расстрелянных в Катыни, или чеченские учителя, сгинувшие в казахстанской ссылке – нелегко понять особый характер преступлений Гитлера. Югославский писатель Данило Киш, отец которого был венгерским евреем, пишет: «Если кто-то скажет вам, что Колыма отличается от Аушвица, пошлите его к черту» (4).

Однако, с исторической точки зрения, которая не обязательно должна совпадать с точкой зрения жертвы или преступника, кажется очевидным, что Холокост, как было сказано раньше, был самым экстремальным случаем геноцида в человеческой истории. Это следует из апокалипсического характера нацистской расовой теории, из полной беспомощности евреев перед ударом, наносимым самому их существованию как нации, из масштабов убийства, из промышленного кошмара газовых камер и печей в лагерях смерти. Как пишет Ричард Эванс, «не было советской Трешлинки, созданной, чтобы уничтожить людей сразу по прибытии» (5). Следовательно, Куртуа был неправ, сравнив смерть ребенка от голода в Варшавском гетто и смерть ребенка от украинского голодомора без учета разницы в масштабах Холокоста и советского массового убийства. Правомерной аналогией является сравнение судьбы ребенка в Аушвице или Трешлинке и судьбы ребенка в охваченной голодом Украине или в Гулаге. В советском случае, в голодающей украинской деревне или в Гулаге, у ребенка был шанс выжить; еврейский ребенок в нацистском лагере смерти был приговорен, пусть и были отдельные исключения.

Чувство глубочайшего отвращения к Холокосту остается с нами и сегодня и закономерным образом определяет наше понимание ряда важных политических и моральных аспектов. Поскольку основная заслуга в победе над нацизмом принадлежала Советскому Союзу, который потерял 27 миллионов жизней в борьбе со злом, давшим миру Аушвиц и Бабий Яр, существует отчетливое и понятное нежелание ставить советские преступления в один ряд с нацистскими. Но Холокост не был ни единственным случаем геноцида в недавней истории, ни настолько уникальным, чтобы его нельзя было сравнить с другими вопиющими эпизодами массового убийства, такими как армянский, руандийский или камбоджийский геноциды. Геноцид есть «преступление из преступлений», по международному праву, но бывают более и менее зловещие случаи геноцида (6).

Это возвращает нас к вопросу о том, можно ли квалифицировать как геноцид, «преступление из преступлений», сталинские смертоносные атаки на политических соперников, группы, классы, нации и население страны в целом. Одни исследователи предпочитают обходить этот вопрос, изобретая новые термины типа «классицид», «демоцид», «политицид», чтобы сохранить исключительную этно-национально-религиозную направленность геноцида, хотя и однозначно признают, что сталинские преступления в целом были массовым убийством (7). Другие сосредоточивают внимание на бесчеловечных депортациях «наказанных народов» в годы войны, выделяя их из всего сталинского репертуара массовых убийств как ту часть, которая может квалифицироваться как геноцид (8). Третьи считают «катынскую бойню» 1940 года – убийство войсками НКВД 22 тысяч интернированных польских офицеров и гражданских лиц – лучшим доказательством в пользу обвинения советского режима в геноциде (9).

Некоторые ученые вообще предпочитают не использовать термин «геноцид» в исторических исследованиях на тему массового убийства, аргументируя это тем, что он слишком тесно связан с нормами международного права и, значит, с вердиктами о виновности или невиновности. А задача историков, утверждают они, освободить свои повествования о массовых убийствах от юридического языка. Другие отказываются использовать этот термин из-за размножившихся обвинений в геноциде со стороны различных наций и групп, стремящихся подтвердить легитимность своих исторических страданий, тем самым размывая и обесценивая изначальную трактовку геноцида. Есть ученые, которые считают, что термин стал чересчур политизированным, что его часто используют для обвинения тех или иных государств или политических систем с целью оправдать военную интервенцию (10). Все эти возражения имеют смысл; термин «геноцид» слишком легко поддается злоупотреблению в различных целях, не имеющих ничего общего с наукой. Но для историков также неразумно изолировать себя от международного разговора о геноциде, будь то прошлом или настоящем. История и нормы международного права неразрывно сплетены между собой. Принципиальное воздержание от использования термина «геноцид» может в не меньшей степени служить политизированным целям, чем применение его к конкретным историческим обстоятельствам.

Во многом осторожность, с которой говорят о проблеме геноцида, когда речь заходит о списке сталинских массовых преступлений, связана с формулировкой основополагающего закона о геноциде – «Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него», принятой Генеральной Ассамблеей ООН 9 декабря 1948 года. Как известно, там геноцид определен как различные «действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или

частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую». Эта авторитетная формулировка особенно активно заработала в 1980–90-е годы, когда международными судами начали рассматриваться преступления в бывшей Югославии (главным образом, сербов против боснийских мусульман) и в Руанде (народа хуту против тутси). Множащиеся научные исследования на тему геноцида также находились под влиянием конвенции и – в чрезвычайной степени – работ о Холокосте, которые утверждали (если брать наиболее радикальные суждения), что Холокост был уникальным в своей чудовищности событием истории массовых убийств и что истребление этнических групп и наций должно считаться, как минимум, центральной составляющей геноцида. Но, возможно, пришло время перестать задаваться вопросом, была ли группа, подвергшаяся истреблению «полностью или частично», национальной, этнической или религиозной или то была социальная, политическая или экономическая группа. Какая, в конце концов, разница, если речь идет о человеческой жизни?

Напоследок мне хотелось бы вернуться к вопросу о сравнении нацистских и советских преступлений в области массового убийства, навеянному незабываемой метафорой Роберта Конквеста о Берген-Бельзене и украинском голоде. В предисловии к сборнику «От Гулага до полигонов смерти», в который вошли личные свидетельства жертв репрессий в коммунистических странах, составитель Пол Холландер пишет, что хотя сталинские и нацистские массовые убийства могут быть отнесены к одной категории геноцида, он не готов признать их «морально эквивалентными» (11). Одна из причин, по его мнению, состоит в том, что «коммунистические государства не делали попыток полностью истребить – преднамеренно, систематически и механически –

те или иные этнические группы или классы людей». Вторая причина заключается в том, что «коммунистические режимы, в отличие от нацистов, не стремились убивать детей». А в-третьих, полагает Холландер, нацистские расовые категории были непреложны, означая «неизбежный смертный приговор» для жертв – евреев, в то время как советские категории постоянно корректировались и менялись в зависимости от потребностей руководства в тот или иной конкретный момент времени.

Не стремясь никоим образом преуменьшить ужасы Холокоста или нацистских преступлений против цыган (рома и синти), гомосексуалистов, поляков, русских, советских военнопленных или других групп людей, хочу высказать предположение, что история геноцида в сталинской России и в Третьем рейхе дает больше материала в пользу сходства, чем различия, в сравнительных категориях Холландера (12). Раскулачивание и украинский голод, без сомнения, должны рассматриваться как попытки сталинского руководства уничтожить «класс людей» и всех, кто их якобы поддерживал. Чеченцы, ингуши, крымские татары и другие «наказанные» в годы войны народы были, по сути, назначены к уничтожению – если не физическому, то как общности с национальным самосознанием. В то же время, хотя ни у кого не возникает вопроса относительно намерения нацистов уничтожить евреев, известно, что значительная часть еврейского населения Германии и Австрии сумела эмигрировать до нацистского нападения на Польшу в 1939 году. Как доподлинно установлено, процесс систематического истребления евреев во многом был ускорен вторжением Германии в Советский Союз в июне 1941 года.

Интересно, что и Куртуа, и Холландер ссылаются на судьбу детей, в одном случае, как на показатель общности, а в другом – различия в судьбах жертв нацистского и ста-

линского режимов. Опубликованный в России сборник «Дети Гулага», в котором собраны документы, свидетельствующие о том, как советский режим обращался с детьми «врагов народа», не должен оставлять иллюзий относительно ужасной судьбы отпрысков миллионов расстрелянных и посаженных родителей (13). За исключением случаев обвинения (порой явно политического свойства) в совершении некоторых категорий уголовных преступлений, несовершеннолетних в СССР не расстреливали. Но дети «репрессированных» были очень уязвимы перед такими факторами, как голод, холод, болезни, различные формы эксплуатации, с которыми они сталкивались во время транспортировки, в детдомах, в специальных поселениях и в лагерях. Часто их насильно разлучали с родителями, и затем они бесследно исчезали за дверьми приютов и детских домов НКВД, где условия бывали немногим лучше, чем в тюрьме или в лагере. Это отличалось от чудовищной практики уничтожения нацистами еврейских детей в лагерях смерти и еще в тысячах мест массового убийства по всей Восточной Европе и России. В этом смысле, прав Холландер и не прав Куртуа (14). Но не нужно забывать о мучениях и безвременной гибели детей при сталинском режиме. Точные цифры детской смертности трудно назвать, поскольку слишком много детей так и не увидели свет либо умерли вскоре после рождения из-за ужасных условий, в которых оказались их «репрессированные» матери, но инфантицид, безусловно, должен быть включен в перечень деяний, вменяемых в вину сталинскому режиму. Безразличие сталинского руководства к страданиям детей нельзя сбрасывать со счетов, когда мы говорим о советских преступлениях.

Холландер также обращает внимание на «непременность» нацистских расовых категорий в отличие от советских определений «врага», которые менялись в зависимости от вре-

мени и обстоятельств и не означали, как в случае Холокоста, «неизбежного смертного приговора». Если взять «кулаков», поволжских немцев или чеченцев в годы войны и поляков до июльской амнистии 1941 года, то в их ситуациях были такие же элементы «непреложности». Хотя советский режим и не вынес всем им смертных приговоров, они были вынуждены жить на грани жизни и смерти. В то же время, стоит заметить, что тысячи евреев, чьи мужья и жены были не-евреями, благополучно пережили войну в Германии. Несколько тысяч евреев даже служили в вермахте почти до самого конца – точно так же, как некоторые кулаки были отпущены из Гулага, чтобы сражаться за родину в рядах Красной армии, правда, чаще всего в специальных штрафных батальонах. Более того, нацистские расовые определения, касающиеся славян, были весьма путанными и применялись непоследовательно. Гиммлер, например, выделял в особую группу, достойную выживания и подлежащую «окультуриванию» германской расой, польских детей, потому что они были голубоглазыми блондинами и «выглядели» как немцы; во многих других случаях нацистские категории расы отличались не большей систематичностью. В то же время, советские власти депортировали всех до единого чеченцев и ингушей – всех, кого только сумели найти, почти полмиллиона человек, включая тех, кто доблестно сражался на фронте или занимал высокий партийный пост в Москве. Этому способствовало то, что национальность советских граждан систематически фиксировалась внутренней паспортной системой страны.

Оба тоталитарных режима-убийцы – нацистская Германия и сталинская Россия – были преступниками, творившими геноцид, «преступление из преступлений». Но и с падением Советского Союза мы знаем гораздо больше о нацистских преступлениях, чем о советских: о тех, кто их

задумывал и отдавал приказы об исполнении, о тех, кто их исполнял, и о тех, кто страдал и умирал вследствие исполнения. Точный ответ на ключевой вопрос об умышленности и виновности в советском случае возможен лишь тогда, когда мы будем иметь полный доступ в российские архивы. Но и сегодня мы знаем достаточно, чтобы признать, что обе системы, и сталинская, и нацистская, были геноцидальными по самой своей природе. Это означает, что свойственные каждой из них особая комбинация харизматических лидеров (в веберовском смысле слова), диктаторская власть, идеологическая мотивация и прометеево стремление к преобразованию мира толкали их к использованию массового убийства групп своих собственных (и чужих) граждан как способу достижения того невозможного будущего, которым и определялась их суть.

Часто повторяемое Гитлером пророчество о том, что евреи поплатятся, если приведут к развязыванию мировой войны против Третьего рейха, заслуженно не берется в расчет, когда говорят о реальных причинах его геноцидной атаки на евреев. Хотя это утверждение, в действительности, не было таким уж беспочвенным, сталинский рефрен об иностранном нападении на Советский Союз почему-то воспринимается историками серьезнее, чем нужно, в качестве причины массового убийства тридцатых годов. В обоих случаях массовое убийство было систематическим и, в то же время, тесно связанным с психологическим складом личности лидера.

Со смертью Гитлера и крахом Третьего рейха немецкое государство полностью перестало представлять геноцидную угрозу. Из пепла нацистской катастрофы и строгих ограничений союзнической оккупации родилось новое государство, которое сознательно и решительно повернулось спиной к своей истории войн и геноцида двадцатого века (15). И со

смертью Сталина, хотя многие основания системы сохранились, угроза геноцида в Советском Союзе быстро испарилась. Советская система была напугана своей способностью уничтожать массы собственных граждан. Хрущев и его преемники продолжали арестовывать политических оппонентов, но отказались от сталинской манеры убивать людей по причине их подлинной или мнимой оппозиционности.

ВЫВОДЫ

Советский режим при Сталине уничтожал собственное население. Благодаря наличию документов НКВД, какими бы недостоверными они ни были, подсчитать численные потери проще, чем подытожить, во что обошелся сталинизм обществу и стране в целом. Это настолько глубокий, трудный и скользкий вопрос, что мало кто из исследователей осмеливается им задаться. Согласно данным НКВД, в период между началом тридцатых годов и 1953 годом примерно 1,1–1,2 миллиона советских граждан были расстреляны, из них три четверти в 1937–1938 годах. Примерно 6 миллионов советских граждан были отправлены в специальные поселения, где 1,5 миллиона (25 процентов) ожидала «безвременная кончина». Еще от 16 до 17 миллионов советских граждан в этот период были приговорены к принудительным лагерным работам, из них 3 миллиона – за «контрреволюционную» деятельность. 10 процентов лагерных заключенных умерли преждевременной смертью (1). Эти цифры не включают от 3 до 5 миллионов жертв украинского голода или массового уничтожения поляков, прибалтов, крестьян, выступавших против коллективизации, и народов, противившихся своей депортации. Не учитывают они и тех, кто умер в транспорте по пути к месту заключения или спецпоселения или во время предварительного следствия, ареста и допроса.

Это небольшое исследование предполагает, что, в любой системе исчисления, Сталин был ключевой фигурой массо-

вого убийства и что название этому убийству – геноцид. Пожалуй, полезнее всего будет завершить эту книгу, подытожив основные составляющие авторской позиции.

1. Происхождение термина «геноцид», берущего свое начало в трудах Рафаэля Лемкина, и его дальнейшее развитие в конвенции ООН «О предотвращении преступления геноцида и наказании за него» не исключают возможности использовать его в отношении социальных и политических групп. Сам Лемкин изначально предполагал это, когда разрабатывал этот термин в тридцатые годы. Первые, черновые, проекты конвенции ООН также упоминали в числе возможных жертв геноцида социальные и политические группы. В итоге, однако, Советский Союз сумел оказать мощное политическое влияние на процесс подготовки конвенции, в том числе в вызывающем претензии вопросе о неукоснительности исключения социальных и политических групп. Последующее развитие международного права в том, что касается пресечения геноцида и наказания за него, также идет в направлении более гибкого использования этого термина для обозначения «преступления из преступлений». После 1991 года страны Балтии, в частности, использовали международные судебные прецеденты для применения к советскому случаю, обвинив – а в некоторых случаях осудив – ряд бывших советских должностных лиц в геноциде.

2. Сталин не был массовым убийцей по рождению или воспитанию. В его детстве и юности, прошедших в Грузии и на Кавказе, не было ничего, что может объяснить чрезмерную жестокость, ставшую затем характерной чертой его правления. Он стал геноцидарием со временем, и в этой его личной эволюции имелся ряд важных, определяющих

моментов: трудные детские и молодые годы в Грузии, вступление в ряды революционеров, преданность Ленину и большевизму, опыт подполья и ссылки, роль, сыгранная в революции и, особенно, в Гражданской войне, некоторым образом предвосхитившая последующие события, и участие в борьбе за власть в двадцатые годы. Даже кровь, пролитая в ходе коллективизации начала тридцатых годов, способствовала растущему признанию метода массового убийства со стороны Сталина и его сторонников. Кумулятивный эффект сталинской биографии и личности привел к развитию в нем чувства злобы и нетерпимости к тем, кто стоит у него на пути и может выступить с критикой его достижений. Запустив в союзном масштабе программы индустриализации и коллективизации, он с той же ненавистью и мстительностью, какую он питал к своим политическим оппонентам, возложил вину за их неизбежный провал на целые группы населения.

3. Раскулачивание может рассматриваться как геноцидная кампания. Во время коллективизации Сталин и Советская власть демонизировали эту якобы существующую социальную группу, известную и определяемую как кулачество. Признанные «врагами народа», кулаки были отделены от общей крестьянской массы и назначены к уничтожению как группа. Принадлежность к кулачеству считалась наследственной, а официальный портрет кулака был портретом недочеловека. Десятки тысяч кулаков были расстреляны по приговорам «троек», созданных для суда над предполагаемыми врагами. Остальные были лишены своих земель и сосланы в малопригодные для обитания районы Крайнего Севера и Сибири. Там, в специальных поселениях, сотни тысяч кулаков умерли от голода, холода, болезней и непосильной работы.

4. Последняя волна раскулачивания 1937–1938 годов совпала по времени с предпринятой Сталиным и режимом попыткой избавиться единым махом от тех групп населения, которые были признаны «социально-чуждыми» элементами: нищих, бездомных, уголовников, проституток, хронических безработных, бывших кулаков, бывших помещиков и царских чиновников, – и которым не было места в движущемся к идеальному обществу социалистическом СССР. Их предполагалось изолировать от основной, «здоровой», массы советских граждан и удалить из политического организма нации. Жестокая кампания борьбы с этими предполагаемыми врагами, возможно, была связана с обнародованием новой советской Конституции 1936 года, возвестившей о победе социализма в СССР, и выборами в Верховный Совет, призванными закрепить эту победу голосами избирателей. Печально известный «приказ № 00447» содержал «лимиты» на количество людей, подлежащих суду по упрощенной процедуре и расстрелу. Другие были отправлены в специальные поселения, где многие умерли. Это может рассматриваться как определенная разновидность геноцида: геноцид идентифицируемой группы социальных «чужаков», не вписывающихся в сталинскую концепцию будущего советского социалистического общества.

5. Украинский голодомор должен считаться актом геноцида. Существует достаточно – если не более чем достаточно – свидетельств, указывающих, что Сталин и его окружение знали о том, что охвативший СССР в 1932–1933 годах голод особенно сильно ударил по Украине, и были готовы к тому, что его результатом станет смерть миллионов украинских крестьян. Они не предприняли ничего, чтобы спасти людей, не дали крестьянам самим искать себе пропитание в городах или в других регионах страны и отказы-

вались ослабить бремя хлебозаготовок до тех пор, пока не стало слишком поздно. Враждебное отношение Сталина к украинцам и их попыткам отстаивать свою «самостийность», как и его раздражение по поводу нежелания украинских крестьян принимать коллективизацию, послужили топливом для голода-убийцы.

6. Геноцидные черты приобретала в некоторых случаях борьба против «врагов» в лице отдельных национальностей. В начале тридцатых годов те национальности, которые якобы имели родину за рубежом – в частности, поляки, немцы и корейцы – были выделены из числа советских народов и признаны опасными для Советского государства по самой своей сути. В частности, акции против поляков, начиная с массовых депортаций в спецпоселения в 1934 году и заканчивая катынской бойней в июне 1940 года, могут рассматриваться как геноцидные. В 1944 году, во время войны, мусульманские народы Северного Кавказа и Крыма были массово депортированы в Центральную Азию. В процессе депортации и переселения погибло значительное, в процентном отношении, число переселенцев (особенно чеченцев и ингушей и крымских татар). Народы, подвергшиеся депортации, считают сталинские действия геноцидом. Существуют свидетельства, что советский режим предпринял эти акции с целью заставить эти народы исчезнуть, если не физически, хотя и это, так или иначе, происходило, то как определенные национальные общности. Как минимум, эти акции против чеченцев и ингушей и крымских татар должны расцениваться как попытки культурного геноцида.

7. «Большой террор» 1937–1938 годов также имел геноцидные свойства, хотя и не может быть назван собственно геноцидом, во всяком случае, согласно букве конвенции

ООН о геноциде, а также большинству исторических критериев. Сталин и советский режим создали вымышленные группы предполагаемых политических врагов и стали подвергать их и всех, кто с ними был связан, арестам, допросам, пыткам, судить их, расстреливать и ссылать в Гулаг. Сталин понимал, что, уничтожая старых большевиков, коммунистическую элиту, офицерский корпус и советскую номенклатуру вместе с семьями, друзьями и знакомыми, он обрекает на гибель десятки миллионов невинных людей. Он ничего не сделал, чтобы помешать распространению подозрительности и доноительства, плодивших новые и новые жертвы. Напротив, он поощрял террор, демонстрировал пренебрежение к его невинным жертвам и прекратил его, только когда война была на пороге.

8. Сталин и его сторонники и тогда, и потом, часто десятилетия спустя, оправдывали свои атаки на все слои советского общества необходимостью подготовки страны к войне. Кулаки, социальные изгои и некоторые национальности якобы представляли потенциальную «пятую колонну». Своих предполагаемых политических противников Сталин и его помощники обвиняли в том, что они работают на иностранные правительства и Троцкого и готовы, при первых признаках войны, начать убивать советских руководителей и свергать Советскую власть. В этой книге высказано предположение, что фактор «военной угрозы», хотя и являлся неотъемлемой частью марксистско-ленинско-сталинской идеологии, был раздут и использовался сталинистами для оправдания своих смертоносных акций тридцатых годов. Конечно, подъем нацистской Германии и японская агрессия на Дальнем Востоке представляли растущую угрозу советской безопасности. Но массовыми убийствами советское руководство не подготовило страну к войне. Как

раз наоборот: они серьезно ослабили страну и, возможно, только увеличили человеческие потери в годы войны.

9. Сталин не меньше, чем Гитлер, заслуживает обвинения в массовом убийстве. Без Сталина трудно представить себе геноцидные акции тридцатых годов, точно так же как без Гитлера исторически невозможным представляется Холокост. Это не означает, что насилие не было присуще советской системе или что антисемитской атаки бы не произошло, умри Гитлер – как мечтают любители контрфактической истории – в 1936 году. По ряду причин Холокост должен рассматриваться как наиболее вопиющий случай геноцида в современной истории. Тем не менее, точек соприкосновения между Гитлером и Сталиным, нацизмом и сталинизмом слишком много, чтобы их игнорировать. Оба были диктаторами, убившими множество людей на европейском континенте. Оба перемальвали человеческие жизни во имя трансформационного видения утопии. Оба разрушали свои страны и общества и уничтожали массы людей как в границах своих государств, так и за их пределами. Оба – в конечном счете – были геноцидариями.

ПРИМЕЧАНИЯ

БЛАГОДАРНОСТИ

1. *Naimark Norman*. Revolution, Stalinismus und Genozid // *Aus Politik und Zeitgeschichte* 44–45 (October 27, 2007). P. 14–20; *Naimark*. Totalitarian States and the History of Genocide // *Telos*. № 136 (Fall 2006). P. 10–25; *Naimark*. Stalin and the Question of Soviet Genocide // *Political Violence, Behavior, and Legitimation* (ed. Paul Hollander). – New York: Palgrave Macmillan, 2008. P. 39–49.

ВВЕДЕНИЕ

1. См., напр.: *Diner Dan*. Cataclysms: A History of the Twentieth Century from Europe's Edge (trans. William Templar). – Madison: University of Wisconsin Press, 2008. P. 182–186.
2. Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. – М.: Терра, 1991. С. 390, 416.
3. По поводу дефицита кадров внешней разведки в результате отзыва и ареста зарубежных агентов З.И. Пассов, начальник иностранного отдела Главного управления госбезопасности НКВД, писал, что в период нацистской подготовки к захвату Австрии и Чехословакии иностранный отдел не получил ни одного агентурного донесения из Германии, никакой информации вообще. См. *Лубянка: Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД, 1937–1938 годы*. Под ред. А.Н. Яковлева. Сост. В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова. – М., 2004. С. 7.

4. *Yakovlev Alexander N.* A Century of Violence in Soviet Russia (trans. Anthony Austin). – New Haven: Yale University Press, 2002. P. 234.

ГЛАВА I ПРОБЛЕМА ГЕНОЦИДА

1. Цит. по: *Power Samantha.* A Problem from Hell: America and the Age of Genocide. – New York: Basic Books, 2002. P. 521, n. 6. Часть представленного здесь материала по истории геноцида взята из книги Пауэр и из моей статьи «Totalitarian States and the History of Genocide» // *Telos*, no. 136 (Fall 2006). P. 10–25. См. также *Weiner Amir.* Nothing but Certainty (comment on Eric Weitz) // *Slavic Review* 61, 1 (Spring 2002). P. 45–46.
2. *Lemkin Raphael.* Axis Rule in Occupied Europe: Laws of Occupation, Analysis of Government Proposals for Redress. – Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, 1944. P. 79.
3. *Conquest Robert.* Reflections on a Ravaged Century, – New York: Norton, 2000. P. 150–152.
4. *Weiss-Wendt Anton.* Hostage of Politics: Raphael Lemkin on ‘Soviet Genocide’ // *Journal of Genocide Research* 7, 4 (December 2005). P. 551–559.
5. *Power.* A Problem from Hell. P. 51.
6. *Bloxham Donald.* Genocide on Trial: War Crimes Trials and the Formation of Holocaust History and Memory. – Oxford: Oxford University Press, 2001. P. 203.
7. *Hirsch Francine.* The Soviets at Nuremberg: International Law, Propaganda, and the Making of the Postwar Order // *American Historical Review* (June 2008). P. 714. Многими наблюдениями о Нюрнбергском процессе я обязан исследованию Хирш.
8. *Vaksberg Arkady.* Stalin's Prosecutor: The Life of Andrei Vyshinsky (trans. Jan Butler). – New York: Grove Weidenfeld, 1990. P. 259.

9. New York Times. 1948. April 7 and 13.
10. *Трайнин А.Н.* Борьба прогрессивных сил против уничтожения национальных групп и рас. – М., 1948. С. 11.
11. Цит. по: *Zaslavsky Victor.* Class Cleansing: The Massacre at Kатын. – New York: Telos Press, 2009. P. 23.
12. *Robinson Nehemiah.* The Genocide Convention: A Commentary. – New York: Institute of Jewish Affairs, 1960. P. 17–18; Resolution 96 (I) in Appendix 1. P. 121–122. Курсив мой.
13. *Ibid.* Appendix 2. P. 123, «Draft Convention Prepared by the Secretariat». Курсив мой.
14. *Schabas William.* Genocide in International Law: The Crimes of Crimes. – Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 136 n. 219. Курсив мой.
15. UN General Assembly, Sixth Committee, Third Session, Sixty-fourth Meeting, October 1, 1948, «Continuation of the Consideration of the Draft Convention on Genocide». P. 12–19.
16. New York Times. 1948. November 19.
17. *Ibid.* October 16 and 21.
18. *Андрюхин М.Н.* Геноцид – тягчайшее преступление против человечества. – М.: Гос. изд-во юрид. литературы, 1961. С. 85–86.
19. Report of the Sixth Committee on the Draft Convention on Genocide (December 6, 1948) // Foreign Relations of the United States (FRUS), Vol. 1: Human Rights. – Washington DC: U.S. Government Printing Office, 1948. P. 298.
20. *Schabas.* Genocide in International Law. P. 124–135.
21. См. *Трайнин А.Н.* Борьба с геноцидом как международным преступлением // Советское государство и право. 1948. № 5. С. 1–16; *Андрюхин.* Указ. соч. С. 72–93.
22. *Levene Mark.* Genocide in the Age of the Nation State. Vol. 1: The Meaning of Genocide. London: I.B. Tauris, 2005. P. 80.
23. Некоторые из этих судебных вердиктов успешно обжалуются в Европейском суде по правам человека. См. *Casses Antonio.*

- Balancing the Prosecution of Crimes against Humanity and Non-Retroactivity of Criminal Law: The «Kolk and Kislyiy v. Estonia» Case before ECHR // *Journal of International Criminal Justice* 4 (2006). P. 410–418.
24. Значительную часть этого материала я взял из исследования о советских депортациях Лаури Мельксоо: *Mälksoo Lauri. Soviet Genocide? Communist Mass Deportations in the Baltic States and International Law* // *Leiden Journal of International Law*, no. 14 (2001). P. 757–787. См. также *Quigley John. The Genocide Convention: An International Law Analysis*. – Derbyshire, UK: Ashgate, 2006.
25. *Feierstein Daniel. National Security Doctrine in Latin America: The Genocide Question* // *Bloxham Donald, Moses Dirk, eds. The Oxford Handbook of Genocide Studies*. – Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 500–501. Здесь, рассматривая дело против Мигеля Освальдо Этчеколатца, суд представил убедительное объяснение, почему должен использоваться термин «геноцид»: «Это [преступление] не было совершено в случайной или необдуманной манере, но с намерением уничтожить часть населения ... состоящую из граждан, которые не подходили под тип, определенный организаторами репрессий как необходимый для нового порядка, который предполагалось установить в стране». Я благодарен Дональду Блоксаму, который прислал мне гранки этой статьи.
26. *Kiernan Ben. The Pol Pot Regime: Race, Power, and Genocide in Cambodia under the Khmer Rouge 1975–1979*. – New Haven: Yale University Press, 2008. P. 460–464.

ГЛАВА 2

СТАНОВЛЕНИЕ ГЕНОЦИДАРИЯ

1. Цит. по: *Волкогонов Дмитрий. Триумф и трагедия. Политический портрет И. В. Сталина*. В 2-х книгах. – М.: Издательство АПН, 1989. Кн. 1, ч. 2. С. 245.

2. *Gellately Robert*. Lenin, Stalin, and Hitler: The Age of Social Catastrophe. – New York: Alfred A.-Knopf, 2007. P. 53–60.
3. *Alliluyeva Svetlana*. Twenty Letters to a Friend (trans. Priscilla McMillan). – New York: Harper and Row, 1967. Letter 7.
4. *Malia Martin*. The Soviet Tragedy: A History of Socialism in Russia // Stalinism: The Essential Readings (ed. David Hoffmann). – Oxford: Blackwell, 2003. P. 68.
5. Цит. по: *Suny Ronald*. Stalin and the Russian Revolution: From Koba to Commissar (manuscript). Чаp. 1. P. 17. Я благодарен Суни за предоставленную возможность прочитать и процитировать его рукопись.
6. *Rayfield Donald*. Stalin and His Hangmen: The Tyrant and Those Who Killed for Him. – New York: Random House, 2004. P. 9.
7. Этот романтизм проявился позднее в сталинских идеях героики массовой мобилизации. См. *Priestland David*. Stalin as Bolshevik Romantic: Ideology and Mobilization, 1917–1939 // Stalin: A New History (ed. Sarah Davies and James Harris). – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P. 181–201.
8. *Kuromiya Hiroaki*. Stalin: Profiles in Power. – Harlow: Longman, 2005. P. 8.
9. *Suny*. Stalin and the Russian Revolution. Чаp. 1. P. 19.
10. *Kun Miklos*. Stalin: An Unknown Portrait. – Budapest: CEU Press, 2003. P. 43.
11. *Чув Феликс*. Так говорил Каганович: Исповедь сталинского апостола. – М.: Отечество, 1992. С. 81.
12. *Naimark Norman*. Cold War Studies and New Archival Materials about Stalin // Russian Review 61 (January 2002). P. 11–15.
13. *Souvarine Boris*. Stalin: A Critical Survey of Bolshevism. – New York: Longmans, Green, 1939. P. 224–225.
14. О Ленине см. предисловие Ричарда Пайпса к книге *Pipes Richard, ed.* The Unknown Lenin: From the Secret Archive. – New Haven: Yale University Press, 1996. P. 1,8,11. Пайпс изо-

- бражает Ленина как «бессердечного циника» и «законченного мизантропа», который испытывал «полное безразличие к человеческой жизни». Он также цитирует Молотова, который утверждал, что Ленин был «более суровым», чем Сталин. См. также *Gellately. Lenin, Stalin and Hitler*. P. 53–57.
15. *Baberowski Jörg*. Der Rote Terror: Die Geschichte des Stalinismus. – Munich: Deutsche Verlags-Anstalt, 2003. P. 42.
 16. *Service Robert*. Stalin: A Biography. – Cambridge: Harvard University Press, 2005. P. 185.
 17. *Smith Jeremy*. The Bolsheviks and The National Question, 1917–1923. – New York: St.Martin’s, 1999. P. 173–175,
 18. *Service*. Stalin. P. 245.
 19. Цит. по: *Montefiore Simon*. Young Stalin. – New York: Random House, 2007. P. 295.
 20. По поводу анализа стенограмм заседаний Политбюро см. *Gregory Paul and Naimark Norman, eds*. The Lost Politburo Transcripts: From Collective Rue to Stalin’s Dictatorship. – New Haven: Yale University Press, 2009. Со стенограммами пленумов ЦК можно ознакомиться в архиве Гуверовского института.
 21. *Tucker Robert*. Foreword // Stalin’s Letters to Molotov, 1925–1936 (eds. Lars Lih, Oleg Naumov and Oleg Khlevniuk). – New Haven: Yale University Press, 1995. P. xii.
 22. Сталин – Молотову [не позднее 15 сентября 1930 года]. Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925–1936 гг. (Сборник документов) / Сост. Л. Кошелева и др. – М.: Россия молодая, 1996. С. 220.
 23. *Rieber Alfred*. Stalin: Man of the Borderlands // *American Historical Review* 106, 5 (December 2001). P. 1.
 24. *Kuromiya Hiroaki*. Stalin in the Light of Politburo Transcripts // The Lost Politburo Transcripts (eds. Gregory and Naimark). P. 45.
 25. *Montefiore*. Young Stalin. P. 268.

ГЛАВА 3 РАСКУЛАЧИВАНИЕ

1. См. *Graziosi Andrea*. The Great Soviet Peasant War: Bolsheviks and Peasants, 1917–1933. – Cambridge: Harvard University Ukrainian Research Institute, 1996 (русский перевод – *Грациози Андреа*. Великая крестьянская война в СССР: Большевики и крестьяне 1917–1933. – М.: Росспэн, 2008).
2. Правда. 1931. 5 февраля.
3. Цит. по: *Werth Nicolas*. A State against Its People: Violence, Repression, and Terror in the Soviet Union // *The Black Book of Communism: Crimes, Terror, Repression* (ed. Stephane Courtois et al., trans. Jonathan Murphy). – Cambridge: Harvard University Press, 1999. P. 146.
4. *Figes Orlando*. The Whisperers: Private Life in Stalin’s Russia. – New York: Metropolitan Books, 2007. P. 85.
5. Цит. по: *Юнге Марк, Биннер Рольф*. Как террор стал «большим». Секретный приказ № 00447: технология его исполнения. – М.: АИРО-XX, 2003. С. 155.
6. *Holquist Peter*. State Violence as Technique: The Logic of Violence in Soviet Totalitarianism // *The Landscaping the Human Garden: Twentieth-Century Population Management in a Comparative Framework* (ed. Amir Weiner). – Stanford: Stanford University Press, 2003. P. 145. Цитаты см. *Viola Lynne*. Peasant Rebels under Stalin: Collectivization and the Culture of Peasant Resistance. – New York: Oxford University Press, 1996. P. 37 (русский перевод – *Виола Линн*. Крестьянский бунт в эпоху Сталина. – М.: Росспэн, 2010).
7. Цит. по: *Грациози*. Великая крестьянская война. С. 47.
8. *Hagenloh Paul*. Stalin’s Police: Public Order and Mass Repression in the USSR, 1926–1941. – Washington DC: Woodrow Wilson Center Press, 2009. P. 12.
9. *Figes*. The Whisperers. P. 88.
10. *Kuromiya*. Stalin: Profiles in Power. P. 91–92.

11. Цит. по: *Viola Lynne*. The Unknown Gulag: The Lost World of Stalin's Special Settlements. – Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 155.
12. *Ibid.* P. 6; *Applebaum Anne*. Gulag: A History. – New York: Doubleday, 2003. P. 102.
13. *Viola*. The Unknown Gulag. P. 96.
14. *Gellately*. Lenin, Stalin, and Hitler. P. 227.
15. *Werth Nicolas*. Cannibal Island: Death in the Siberian Gulag (trans. Steven Rendall). – Princeton: Princeton University Press, 2007. P. 76–77.
16. *Ibid.* P. xviii.
17. *Хаустов Владимир, Самуэльсон Леннарт*. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 годов. – М.: Росспэн, 2009. С. 52.
18. См. *Hagenloh*. Stalin's Police. P. 15, 207; *Shearer David*. Policing Stalin's Socialism: Repression and Social Order in the Soviet Union, 1924–1953. – New Haven: Yale University Press, 2009. P. 313–318. Я благодарен Ширеру за присланные мне гранки книги.
19. *Jansen Mark, Petrov Nikita*. Stalin's Loyal Executioner: People's Commissar Nikolai Ezhov, 1895–1940. – Stanford: Hoover Institution Press, 2002. P. 91 (русский перевод – *Петров Никита, Янсен Марк*. «Сталинский питомец» – Николай Ежов. – М.: Росспэн, 2008); *Хаустов, Самуэльсон*. Сталин, НКВД и репрессии. С. 67–68.
20. *Gregory Paul*. Terror by Quota: State Security from Lenin to Stalin. – New Haven: Yale University Press, 2009.
21. *Hagenloh*. Stalin's Police. P. 227.
22. *Хаустов, Самуэльсон*. Сталин, НКВД и репрессии. С. 67–68. Хагенло сомневается, что выборы сыграли в этом роль; он считает, что Сталин и Ежов были намерены довести до конца «социальную профилактику», устранив все «когорты представляющего угрозу населения в порядке подготовки к войне». *Hagenloh*. Stalin's Police. P. 285.

23. *Goldman Wendy*. Terror and Democracy in the Age of Stalin: The Social Dynamics of Repression. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 128.
24. *Weiner Amir*. Introduction // *Landscaping the Human Garden*. P. 14–15.

ГЛАВА 4 ГОЛОДОМОР

1. *Conquest Robert*. Harvest of Sorrow: Soviet Collectivization and the Terror-Famine. – New York: Oxford University Press, 1986 (русский перевод – *Конквест Роберт*. Жатва скорби. Советская коллективизация и террор голодом. 1988). По поводу споров см. дискуссию между Робертом Дэвисом (*R.W. Davies*) и Стивеном Уиткрофтом (*Steven Wheatcroft*), с одной стороны, и Майклом Элманом (*Michael Ellman*) – с другой: *Europe-Asia Studies* 57, 6 (2005); 58, 4 (2006); 59, 4 (2007).
2. *Kuromiya*. Stalin: Profiles in Power. P. 103. Куромия считает, что всего в Советском Союзе умерли 7–8 миллионов человек и, «как минимум, 4 миллиона на Украине». Дэвис и Уиткрофт, как и Майкл Элман, оперируют меньшими цифрами. Элман, например, называет цифру 3,2 миллиона умерших от голода украинцев. *Ellman*. Stalin and the Soviet Famine of 1932–33 Revisited // *Europe-Asia Studies*, 59, 4 (2007). P. 682 n. 30. По оценке украинского экономического историка Станислава Кульчицкого, в самой республике от голода и сопутствующих болезней умерли от 3 до 3,5 миллиона человек, но общие демографические потери, включая вызванное голодом падение рождаемости, составили от 4,5 до 4,8 миллиона человек. См. *Yekelchuk Serhy*. Ukraine: Birth of a Modern Nation. – New York: Oxford University Press, 2007. P. 112.
3. *Werth Nicholas*. Strategies of Violence in the Stalinist USSR // *Stalinism and Nazism: History and Memory Compared* (ed. Henry

- Russo, trans. Lucy Golsan et al.). – Lincoln: University of Nebraska Press, 2004. P. 80.
4. См. *Kuromiya*. Stalin: Profiles in Power. P. 111–112.
 5. Письма Сталина Молотову. С. 242, прим. 3.
 6. *Ellman*. Stalin and the Soviet Famine. P. 689.
 7. Цит. по *Martin Terry*. The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. – Ithaca: Cornell University Press, 2001. P. 301.
 8. *Werth Nicholas*. The Crimes of the Stalin Regime: Outline for an Inventory and Classification (manuscript). P. 10. Я благодарен Верту за предоставленную возможность сослаться на его рукопись.
 9. *Martin*. The Affirmative Action Empire. P. 306–307.
 10. Цит. по *Gellately*. Lenin, Stalin, Hitler. P. 234.
 11. См. многочисленные подтверждения тому в книге Report to Congress: Commission on the Ukraine Famine. – Washington DC: US Government Printing Office, 1988. P. 235–507.
 12. См. *Ellman*. Stalin and the Soviet Famine. P. 688–689.
 13. См. *Werth*. The Crimes of the Stalin Regime. P. 10.
 14. *Davies R.W., Wheatcroft Stephen*. The Years of Hunger: Soviet Agriculture 1931–1933. – New York: Palgrave Macmillan, 2004. P. 440.
 15. *Graziosi Andrea*. The Soviet 1932–33 Famines and the Ukrainian Holodomor: Is a New Interpretation Possible and What Would Its Consequences Be? // Hunger by Design: The Great Ukrainian Famine and Its Soviet Context (ed. Halyna Hryn). – Cambridge: Ukrainian Research Institute, 2008. P. 3–7.
 16. *Panciola Niccolo*. The Collectivization Famine in Kazakhstan, 1931–33 // Ibid. P. 103.
 17. См. *Panciola Niccolo*. Famine in the Steppe: The Collectivization of Agriculture and the Kazakh Herdsmen, 1928–1934 // Cahiers du monde russe 45, 1–2 (2004). P. 189.

18. *Jonassohn Kurt, Björnson Karin*. Genocide and Gross Human Rights Violations in Comparative Perspective. – New Brunswick, NJ: Transaction Publishers, 1998. P. 256.

ГЛАВА 5

ВЫСЕЛЕНИЕ НАРОДОВ

1. По поводу «создания» национальностей см. *Suny Ronald*. The Revenge of the Past: Nationalism, Revolution, and the Collapse of the Soviet Union. – Stanford: Stanford University Press, 1993.
2. *Hirsch Francine*. Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. – Ithaca: Cornell University Press, 2005. P. 274.
3. Hoover Institution Archives (далее – НИА). Ф. 17. Оп. 2. Д. 591. Л. 90; Д. 593. Л. 79.
4. *McLoughlan*. Mass Operations of the NKVD, 1937–38. P. 143.
5. *Петров, Янсен*. «Сталинский питомец» – Ежов. С. 110.
6. По мнению Эрика ван Ри, Сталин испытывал к полякам одновременно глубокую неприязнь и невольное уважение – двойственное чувство, схожее с его отношением к немцам. См. *van Ree Eric*. Heroes and Merchants: Stalin's Understanding of National Character // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 8, 1 (2007). P. 49.
7. *Хаустов, Самуэльсон*. Сталин, НКВД и репрессии. С. 29–30; *Петров, Янсен*. «Сталинский питомец» – Ежов. С. 111–115.
8. *Петров, Янсен*. «Сталинский питомец» – Ежов. С. 115.
9. *Martin Terry*. The Origins of Soviet Ethnic Cleansing // *Journal of Modern History* 70, 4 (December 1998). P. 857.
10. *Polian Pavel*. Against Their Will: The History and Geography of Forced Migration in the USSR. – Budapest: CEU Press, 2004. P. 100.
11. *Weiner*. Nothing but Certainty. P. 46.

12. Согласно документу, посланному Сталину, Молотову и Берии в мае 1941 года Меркуловым, число «антисоветских преступных и социально опасных элементов», репрессированных органами НКВД в трех республиках с 1939 по 1941 год, было несколько ниже. НИА. Ф. 89. Оп. 18. Д. 6. Л. 1.
13. *Polian*. *Against Their Will*. P. 122–123, 167.
14. См. *Jolluck Katherine*. *Exile and Identity: Polish Women in Soviet Exile during World War II*. – Pittsburgh: Pittsburgh University Press, 2002.
15. Предложение расстрелять польских офицеров и других заключенных поляков содержится в докладной записке, посланной Сталину Берией 5 марта 1940 года. НИА. Ф. 89. Оп. 14. Д. 1–20. Л. 9; *Zaslavsky*. *Class Cleansing*. P. 32–33.
16. *Terry Sarah Meiklejohn*. *Poland's Place in Europe: General Sikorski and the Origins of the Oder-Neisse Line*. – Princeton: Princeton University Press, 1983. P. 33.
17. *Некрич А.М.* Наказанные народы. – Нью-Йорк: Хроника, 1978 (английский перевод – *Nekrich A.M.* *The Punished Peoples: The Deportation and the Fate of Soviet Minorities at the End of the Second World War* (trans. George Saunders). – New York: Norton, 1978).
18. *Naimark Norman*. *Fires of Hatred: Ethnic Cleansing in Twentieth Century Europe*. – Cambridge: Harvard University Press, 2001. P. 94–95 (русский перевод – *Неймарк Норман*. *Пламя ненависти. Этнические чистки в Европе XX века*. – М.: АИРО-XX; СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 149).
19. Большая часть материала о депортации чеченцев и ингушей и крымских татар взята отсюда же. С. 148–162.
20. *Бугай Н.Ф.* Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». М.: АИРО-XX, 1995.
21. *Werth*. *The Crimes of the Stalin Regime*. P. 16.
22. По поводу цифр см. *Werth*. *A State against Its People*. P. 223. См. также *Polian*. *Against Their Will*. P. 210–211.

ГЛАВА 6
БОЛЬШОЙ ТЕРРОР

1. См. новое издание книги *Conquest Robert. The Great Terror: A Reassessment*. – New York: Oxford University Press, 1990.
2. *Baberowski. Der Rote Terror*. P. 201.
3. См., напр., ярко воспроизводящую эпоху работу Карла Шлөгеля *Schlögel Karl. Terror und Traum: Moskau 1937*. – Munich: Carl Hanser Verlag, 2008.
4. *Figes. The Whisperers*. P. 159.
5. *Hedeler Wladyslaw. Ezhov's Scenario for the Great Terror // McLoughlin, McDermott, eds. Stalin's Terror*. P. 47.
6. *Tucker Robert, Cohen Stephen, eds. The Great Purge Trial*. – New York: Grosset and Dunlap, 1965. P. xxiii.
7. Цит. по *Волкогонов. Триумф и трагедия*. Кн. 1. Ч. 2. С. 223.
8. НИА. Ф. 89. Оп. 48. Д. 2. Л. 13.
9. *Wynn Charters. The Smirnov-Eismont-Tolmachev Affair // The Lost Politburo Transcripts (eds. Gregory, Naimark)*. P. 112–113.
10. *Tucker, Cohen, eds. The Great Purge Trial*. P. xxiii. Роберт Сервис в частной переписке сделал важное замечание: у Сталина не было тяжелого расстройства личности, которое проявляется обычно различными клиническими симптомами паранойи, такими, например, как произвольные приступы пассивности.
11. *Gregory. Terror by Quota*. P. 104.
12. *The Diary of Georgi Dimitrov 1933–1939 (ed. Ivo Banac)*. – New Haven: Yale University Press, 2003. P. 65.
13. Арч Гетти и Олег Наумов рисуют Ежова как безусловного убийцу, но более тихого, скромного, бюрократического, не принимаемого в расчет и «банального» (в смысле «банальности зла» Ханы Арендт), чем тот, который более известен историкам. *Getty Arch, Naumov Oleg. Yezhov: The Rise of Stalin's «Iron Fist»*. – New Haven: Yale University Press, 2008. P. 212–221.

14. *Петров, Янсен*. «Сталинский питомец» – Ежов. С. 131.
15. *Getty, Naumov, Yezhov*. P. 7.
16. *Werth*. A State against Its People. P. 190.
17. *Kuromiya Hiroaki*. The Voices of the Dead: Stalin's Great Terror in the 1930s. – New Haven: Yale University Press, 2007. P. 2.
18. *Baberowski Jörg, Doering-Manteuffel Anselm*. The Quest for Order and the Pursuit of Terror // Beyond Totalitarianism: Stalinism and Nazism Compared (eds. Michael Geyer and Sheila Fitzpatrick). – New York: Cambridge University Press, 2009. P. 213; *Suny Ronald*. Stalin and His Stalinism: Power and Authority in the Soviet Union // Stalinism and Nazism: Dictatorships in Comparison (eds. Ian Kershaw and Moshe Lewin). – Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 50.
19. *Werth*. The Crimes of the Stalin Regime. P. 15.
20. НИА. Ф. 89. Оп. 48. Д. 3. Л. 14.
21. Там же. Д. 17. Л. 31.
22. Цит. по *Pipes Richard*. Communism: A History. – New York: Modern Library, 2003. P. 63.
23. *Петров, Янсен*. «Сталинский питомец» – Ежов. С. 127.
24. *Getty Arch, Naumov Oleg, eds*. The Road to Terror: Stalin and the Self-Destruction of the Bolsheviks, 1932–1939. – New Haven: Yale University Press, 1999. P. 130–131.
25. *McLoughlan*. Mass Operations of the NKVD. P. 128. *Getty, Naumov, Yezhov*. P. 216. Авторы справедливо полагают, что Сталин «доверял мнению Ежова», по крайней мере, в этот период.
26. *Петров, Янсен*. «Сталинский питомец» – Ежов. С. 83.
27. *Хаустов, Самуэльсон*. Сталин, НКВД и репрессии. С. 23–24.
28. НИА. Ф. 89. Оп. 48. Д. 12. Л. 25–26.
29. *Khlevniuk Oleg*. The Objectives of the Great Terror // Stalinism. P. 97.
30. *Shearer*. Policing Stalin's Socialism. P. 369.
31. *Волкогонов*. Триумф и трагедия. Кн. 1. Ч. 2. С. 244.

32. *Khlevniuk Oleg*. The History of the Gulag: From the Collectivization to the Great Terror (trans. Vadim Staklo). – New Haven: Yale University Press, 2004. P. 148.

ГЛАВА 7

ПРЕСТУПЛЕНИЯ СТАЛИНА И ГИТЛЕРА

1. *Конквест*. Жатва скорби. С. 9.
2. *Courtois Stephane*. Introduction. The Crimes of Communism // The Black Book of Communism (ed. Courtois et al.). P. 9.
3. *Conquest*. Reflections on a Ravaged Century. P. xii.
4. *Kis Danilo*. Homo-Poeticus: Essays and Interviews. – New York: Farrar, Straus, Giroux, 1995. P. 126. Спасибо Холли Кейс за то, что привлекла мое внимание к этим очеркам.
5. *Evans Richard*. In Hitler's Shadow: West German Historians' Attempts to Escape from the Nazi Past. – London: I.B. Tauris, 1989. P. 88.
6. *Schabas*. Genocide in International Law. P. 9.
7. *Mann Michael*. The Dark Side of Democracy: Explaining Ethnic Cleansing. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P. 17; *Semelin Jacques*. Purify and Destroy: The Political Uses of Massacre and Genocide. – London: Hurst, 2007. P. 316–320.
8. *Weitz Eric*. A Century of Genocide: Utopias of Race and Nation. – Princeton: Princeton University Press, 2003. P. 100–101.
9. *Bonwetsch Bernd*. Der Gulag und die Frage des Völkermords // Moderne Zeiten? Krieg, Revolution und Gewalt in 20. Jahrhundert (ed. Jörg Baberowski). – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2006. P. 9.
10. *Gerlach Christian, Werth Nicolas*. State Violence – Violent Societies // Beyond Totalitarianism (eds. Geyer, Fitzpatrick). P. 138.
11. *Hollander Paul, ed.* From the Gulag to the Killing Fields: Personal Accounts of Political Violence and Repression in Communist States. – Wilmington, DE: ISI Books, 2006. P. 20–24.

12. Исключительное значение, которое Сол Фридлендер придает нацистскому восприятию еврейской угрозы как «активной» и повсеместной, помогает провести различие между элиминационной политикой нацистов в отношении евреев и политикой в отношении других жертв нацистского геноцида. Впрочем, эта идея «активности» и «опасности» мишени неизбежно наводит на сравнение и со сталинскими геноцидными акциями против кулаков и прочих «врагов народа». *Friedländer Saul. The Years of Extermination: Nazi Germany and the Jews 1939–1945.* – New York: Harper Collins, 2007. P. xix.
13. Дети Гулага. 1918–1956: Документы. – М.: Международный фонд «Демократия», 2002.
14. Куртуа, впрочем, заявляет, что его формулировка не должна пониматься как отрицание «уникальной природы Аушвица». *Courtois. Introduction // The Black Book of Communism.* P. 9.
15. *Sheehan James. Where Have All the Soldiers Gone? The Transformation of Modern Europe.* – New York: Houghton Mifflin, 2008.

ВЫВОДЫ

1. *Gerlach, Werth. State Violence – Violent Societies // Beyond Totalitarianism.* P. 176.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

- Алексеев – 52
Аллилуева Н. – 43
Аллилуева С. – 43, 45
Андерсон Б. – 12
Андрюхин М.Н. – 145
Арендт Х. – 155
Ахматова А.А. – 105

Б

- Баберовски Й. – 53, 115
Баранов М.И. – 119
Берия Л.П. – 94, 96, 98, 101, 102,
124, 154
Берман Р. – 7
Биннер Р. – 149
Блоксам Д. – 146
Болотный В. – 9
Бугай Н.Ф. – 154
Бухарин Н.И. – 44, 51, 55–57, 63,
107, 108, 111

В

- Вайнер А. – 8
Вайтц Э. – 8
Ваксберг А. – 27
Верт Н. – 69, 70, 152
Виола Л. – 8, 67, 149
Волкогионов Д. – 18, 39, 146, 155,
156

- Ворошилов К.Е. – 52, 56, 109, 112
Вышинский А.Я. – 27, 107, 120

Г

- Геладзе Е. – 45
Гетти А. – 155
Гиммлер Г. – 133
Гитлер А. – 7, 14, 19, 89, 97, 115,
125–127, 134, 142, 157
Голдман В. – 75
Горький М. – 67
Грациози А. – 149
Грегори П. – 8, 74
Григоренко П.Г. – 64
Гросс Й. – 8
Гувер Г. – 80

Д

- Дарвин Ч. – 47
Джоллак К. – 9
Джугашвили В. – 45
Джугашвили Я. – 43
Дзержинский Ф.Э. – 92
Дикий А. – 58
Димитров Г. – 112
Дэвис Р. – 151

Е

- Ежов Н.И. – 74, 91, 94, 109, 110,
113, 114, 116, 119–121, 124, 150,
153, 155, 156

Ж

Жданов А.А. – 75

Жемчужина П. – 15

З

Зиновьев Г.Е. – 27, 51, 55, 106, 108,
111

И

Иван Грозный – 39

Й

Йонассон К. – 83

К

Каганович Л.М. – 40, 48, 56, 79, 81,
85, 89, 109, 147

Казбеги А. – 47

Каменев Л.Б. – 55, 106, 108

Кейс Х. – 157

Кириан Б. – 37

Киров С.М. – 43, 106

Киш Д. – 127

Ключевский В.О. – 73

Конквест Р. – 7, 77, 105, 126, 130,
151, 157

Кошелева Л. – 148

Крстич Р. – 17

Крупская Н.К. – 54

Куйбышев В.В. – 109

Кульчицкий С. – 151

Кун М. – 18

Куромия Х. – 8, 18, 151

Куртуа С. – 126, 127, 131, 132, 158

Л

Левин М. – 33

Лемкин Р. – 24–26, 29, 32, 137

Ленин В.И. – 42, 43, 49–55, 59, 60,
64, 84, 86, 111, 138, 147, 148

Либаридян Д. – 7

Литвинов М.М. – 80

Людвиг Э. – 45

М

Маля М. – 44

Маркс К. – 47

Медведев Д.А. – 16, 36

Мейерхольд В. – 118, 119

Меллон Э. – 7

Мельксоо Л. – 146

Мери А. – 36

Мери Л. – 36

Микоян А.И. – 109

Милошевич С. – 84

Молотов В.М. – 15, 16, 27, 40, 56,
57, 62, 79, 81, 85, 97, 109, 118,
143, 148, 154

Монтефьоре С. – 18

Н

Наумов В.П. – 143, 155

Неймарк А. – 9

Неймарк Б. – 9

Неймарк С. – 9

Некрич А. – 99, 154

Никитченко И. – 27

П

Пайпс Р. – 147

Пассов З.И. – 143

Пауэр С. – 144

Перепелицын – 69

Петров Н. – 150, 153, 156

Плотникова Н.С. – 143

Пол Пот – 115

Пятаков Г.Л. – 106, 108

Р

- Радек К.Б. – 106, 108, 111
Райнберг, ван Б. – 8
Ри, ван Э. – 153
Риббентроп, фон Й. – 27
Рузвельт Ф. – 25
Руставели Ш. – 46
Рыков А.И. – 55–57, 63, 107, 108,
110, 111
Рэйфилд Д. – 18

С

- Самуэльсон Л. – 150, 153, 156
Сванидзе Е. – 43
Седов Л. – 111
Сервис Р. – 18, 41, 54, 155
Смирнов А.П. – 110
Снайдер Т. – 7
Солженицын А.И. – 66, 67
Спарр Т. – 8
Спенсер Г. – 47
Сталин В.И. – 58
Сталин И.В. – 7, 8, 10–12, 14–24,
27–29, 31, 33, 34, 38–58, 61–63,
66, 70–89, 91–93, 95–102, 105,
106, 108–113, 115–117, 119–126,
135–143, 146, 148–150, 153–157
Суни Р. – 7, 8, 18, 115, 147

Т

- Такер Р. – 111
Толмачёв – 110
Томский М.П. – 55, 56, 63, 107, 108,
110, 111
Трайнин А.Н. – 145
Троцкий Л.Д. – 15, 51–56, 92, 106,
107, 109, 111, 141
Тухачевский М.Н. – 117, 120, 121

У

- Уборевич И.П. – 117
Уиткрофт С. – 151
Уорд К. – 9

Ф

- Франко Ф. – 31
Фридлиндер С. – 158

Х

- Хагенло – 150
Хаустов В.Н. – 143, 150, 153, 156
Хеделер В. – 107
Хирш Ф. – 144
Хлевнюк О. – 123, 125
Холландер П. – 7, 130–132
Хрущёв Н.С. – 102, 113, 135

Ч

- Чернышевский Н.Г. – 47
Чингисхан – 44
Чуев Ф. – 15, 143, 147

Ш

- Ширер Д. – 8, 124, 150
Шлёгелъ К. – 155
Шолохов М.А. – 81
Шпек – 69

Э

- Эванс Р. – 127
Эйсмонт Н.Б. – 110
Элман М. – 151
Этчеколатц М.О. – 146
Эшель А. – 8

Ю

- Юнге М. – 149

Я

Ягода Г.Г. – 66, 74, 94, 109, 110, 112, 113

Якир И.Э. – 117

Яковлев А.Н. – 21, 143

Янсен М. – 150, 153, 156

А

Alliluyeva S. – 147

Applebaum A. – 150

В

Baberowski J. – 148, 155–157

Björnson K. – 153

Bloxham D. – 144, 146

Bonwetsch B. – 157

С

Casses A. – 145

Cohen S. – 155

Conquest R. – 144, 151, 155, 157

Courtois S. – 157, 158

Д

Davies R.W. – 151, 152

Diner D. – 143

Е

Ellman M. – 151, 152

Evans R. – 157

Ф

Feierstein D. – 146

Figes O. – 149, 155

Friedländer S. – 158

Г

Gellately R. – 147, 148, 150, 152

Gerlach C. – 157, 158

Getty A. – 155, 156

Goldman W. – 151

Graziosi A. – 149, 152

Gregory P. – 148, 150, 155

Н

Hagenloh P. – 149, 150

Hedeler W. – 155

Hirsch F. – 144, 153

Hitler A. – 147, 148, 150, 152

Hollander P. – 143, 157

Holquist P. – 149

Ж

Jansen M. – 150

Jolluck K. – 154

Jonassohn K. – 153

К

Khlevniuk O. – 148, 156, 157

Kiernan B. – 146

Kis D. – 157

Kun M. – 147

Kuromiya H. – 147–149, 151, 152, 156

Л

Lemkin R. – 144

Lenin V.I. – 147, 148, 150, 152

Levene M. – 145

Lih L. – 148

М

Malia M. – 147

Mälksoo L. – 146

Mann M. – 157

Martin T. – 152, 153

McLoughlan – 153, 156

Montefiore S. – 148

N

- Naimark N. – 143, 147, 148, 154, 155
Naumov O. – 148, 155, 156
Nekrich A.M. – 154

P

- Panciola N. – 152
Petrov N. – 150
Pipes R. – 147, 156
Polian P. – 153, 154
Power S. – 144, 146, 147, 149, 151,
152, 156
Priestland D. – 147

Q

- Quigley J. – 146

R

- Rayfield D. – 147
Rieber A. – 148
Robinson N. – 145

S

- Schabas W. – 145, 157
Schlögel K. – 155
Semelin J. – 157
Service R. – 148

Sheehan J. – 158

Smith J. – 148

Souvarine B. – 147

Stalin J. – 143, 147–152, 154, 156

Suny R. – 147, 153, 156

T

Terry S.M. – 154

Tucker R. – 148, 155

V

Vaksberg A. – 144

Viola L. – 149, 150

W

Weiner A. – 144, 149, 151, 153

Weiss-Wendt A. – 144

Weitz E. – 157

Werth N. – 149–152, 154, 156–158

Wheatcroft S. – 151, 152

Wynn C. – 155

Y

Yakovlev A.N. – 144

Yekelchyk S. – 151

Z

Zaslavsky V. – 145, 154

ИЗДАНИЯ АИРО в 2001–2011 гг.

2001

- Стивен Коэн.* Провал крестового похода. США и трагедия посткоммунистической России. («АИРО – Первая публикация в России»).
- Ленарт Самуэльсон.* Красный колосс. Становление военно-промышленного комплекса СССР. 1921–1941 гг. («АИРО – Первая публикация в России»).
- Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX вв.). Сборник документов. («АИРО – Первая публикация»).
- А.П. Ненароков.* Последняя эмиграция Павла Аксельрода. Из цикла «В поисках жанра». («АИРО – Монография»).
- И. Ротарь.* Под зелёным знаменем. Исламские радикалы в России и СНГ. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 12).
- Новые концепции российских учебников по истории / Сост. К. Аймермахер, Г. Бордюгов, А. Ушаков. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 13).
- Новый мир истории России. Форум японских и российских исследователей – к 60-летию профессора Харуки Вада / Под редакцией Г. Бордюгова, Н. Исии, Т. Томита.
- Magister vitae. К 80-летию Л.И. Мильграма / Составители М.Я. Шнейдер, Г.А. Бордюгов.
- Элита средств массовой информации. Россия 2001 год. Опрос руководителей и журналистов в электронных и печатных средствах массовой информации.
- Человек и война (Война как явление культуры). Сборник статей / Под редакцией И.В. Нарского и О.Ю. Никоновой.
- С.В. Константинов, А.И. Ушаков.* История после истории. Образы России на постсоветском пространстве.
- А.Г. Макаров, С.Э. Макарова.* Цветок-татарник. В поисках автора «Тихого Дона»: от Михаила Шолохова к Фёдору Крюкову.
- В углу: начало Гражданской войны глазами русских писателей. П.Н. Краснов, Ф.Д. Крюков, И.А. Родионов / Составители А.Г. Макаров, С.Э. Макарова.

2002

Анна Гейфман. В сетях террора. Дело Азефа и Русская революция. («АИРО – Первая публикация в России»).

Беттина Зибер. «Русская идея» обязывает!? Поиск русской идентичности в общественных дискуссиях конца XX век. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 14).

Преодоление прошлого и новые ориентиры его переосмысления. Опыт России и Германии на рубеже веков. Международная конференция. Москва, 15 мая 2001 г. / Под редакцией К. Аймермахера, Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова.

Промышленность Урала в XIX–XX веках. Сборник научных трудов / Под редакцией В.П. Чернобровина.

Историки читают учебники истории. Традиционные и новые концепции учебной литературы /Под редакцией К. Аймермахера и Г. Бордюгова.

Культура и власть в условиях коммуникационной революции XX века. Форум немецких и российских культурологов / Под редакцией К. Аймермахера, Г. Бордюгова, И. Грабовского.

Б.И. Чехонин. Как богатеют, не воруя (по странам и континентам).

Synopsis operandi профессора Аймермахера /Составитель А.И. Ушаков.

С.Б. Веселовский. Подмосковье в древности. Три очерка.

Фёдору Крюкову, певцу Тихого Дона.

Вадим Смиренский. Разбор сюжетов.

2003

Развитие альтернативных структур в исторической науке. АИРО-XX: издательским программам и научным проектам 10 лет / Составители Г.А. Бордюгов, А.И. Ушаков.

Марк Юнге. Страх перед прошлым. Реабилитация Н.И. Бухарина от Хрущёва до Горбачёва. («АИРО – Первая публикация в России»).

И.А. Гордеева. «Забытые люди». История российского коммуитарного движения. («АИРО – Первая монография»).

Исторические исследования в России-II. Семь лет спустя / Под редакцией Г.А. Бордюгова.

In Memoriam. Г.М. Адибеков, С.В. Константинов, Ю.В. Соколов / Составители Г.А. Бордюгов и А.И. Ушаков.

Мифы и мифология в современной России / Под редакцией К. Аймермахера, Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. Изд. 2-е, дополн.

- Национальные истории в советском и постсоветских государствах / Под редакцией К. Аймермахера, Г. Бордюгова. Предисловие Ф. Бомсдорфа. Изд. 2-е, испр. и дополн.
- Богатые и бедные в современной России. Аналитический доклад.
- Валерий Брюсов. Мировое состязание. Политические комментарии. 1902–1924 / Составитель В.Э. Молодяков. («АИРО – Первая публикация в России»).
- Россия и страны Балтии, Центральной и Восточной Европы, Южного Кавказа, Центральной Азии: старые и новые образы в современных учебниках истории. Научные доклады и сообщения / Под редакцией Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова.
- Мегаполисы и провинции в современной России: образы и реальность. Аналитический доклад.
- Застольные речи Сталина. Документы и материалы / Сост., введение, коммент. В.А. Невежина.

2004

- Д.А. Андреев, Г.А. Бордюгов.* Пространство власти от Владимира Святого до Владимира Путина. Краткий курс, X–XXI вв.
- Булавинский бунт (1707–1708). Этюд из истории отношений Петра В. к Донским казакам. Неизвестная рукопись из Донского архива Федора Крюкова.
- Из старых тетрадей. *С.Б. Веселовский.* Страницы из Дневника. 1917–1923. *В.С. Веселовский.* Встречи с И.А. Буниным в 1917 году. Итог революции и Гражданской войны.
- Die Russischen Mittelschichten: Dynamik ihrer Entwicklung (1999–2003). Ein Analytischer Bericht.
- Экономическая элита России в зеркале общественного мнения. Аналитический доклад.
- Russlands «Oligarchen»: Die Russen und ihre Wirtschaftselite. Ein Analytischer Bericht.
- Moskau und die Provinz: Wie groß sind die Gegensätze? Ein Analytischer Bericht.
- Василий Молодяков.* Бумажный парус. Стихотворения 1988–2000.
- Ю. Сигов.* Многоликая Малайзия.
- А.А. Куреньшев.* Всероссийский крестьянский союз. 1905–1930 гг. Мифы и реальность. («АИРО – Монография»).
- Россия: удаchi минувшего века / Г. Бордюгов, В. Молодяков, Б. Соколов, а также: В. Есаков, Е. Левина, Л. Мазун, Э. Молодякова, А. Полунов, Л. Федянина, Г. Ульянова.
- Россия и Япония: соседи в новом тысячелетии. Сборник статей.

Марк Юнге, Рольф Биннер. Как Террор стал «Большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. («АИРО – Первая публикация в России»).

2005

Никита Дедков. Консервативный либерализм Василия Маклакова. («АИРО – Первая монография»).

Жанат Кундакбаева. «Знаком милости Е. И. В. ...». Россия и народы Северного Прикаспия в XVIII веке. («АИРО – Монография»).

В.Д. Соловей. Русская история: новое прочтение. («АИРО – Монография»).

С.И. Валянский. Теория информации и образование. Об условиях выживания России. («АИРО – Монография»).

П.Б. Уваров. Дети хаоса: исторический феномен интеллигенции. («АИРО – Монография»).

1917: частные свидетельства о революции в письмах Луначарского и Мартова. («АИРО – Первая публикация» (совместно с Издательством РУДН)) / Под редакцией Г.А. Бордюгова и Е.А. Котеленец, сост. Н.С. Антонова и Л.А. Роговая, введ. Лотара Майера.

Б.Г. Тартаковский. Всё это было... Воспоминания об исчезающем поколении. («АИРО – Первая публикация»).

Б.Г. Тартаковский. Из дневников военных лет. («АИРО – Первая публикация»).

Кацура Таро, Гото Симпэй и Россия. Сборник документов. 1907–1929. Серия «АИРО – Первая публикация». Публ. В.Э. Молодякова / Под редакцией Г.А. Бордюгова.

Норман Неймарк. Пламя ненависти. Этнические чистки в истории Европы в XX веке. («АИРО – Первая публикация в России»).

Стивен Коэн. Можно ли было реформировать Советскую систему. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 16.)

Александр Зиновьев, Герман Кант, Бернхард Кьяри, Борис Соколов, Андрей Турков. Великая война: трудный путь к правде. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 17, совм. с журналом «Свободная мысль–XXI»).

Истребительная война на Востоке. Преступления вермахта. Сб. докладов. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 18, совм. с Центром «Запад–Восток», Кассельский университет).

Дмитрий Андреев, Геннадий Бордюгов. Пространство памяти: Великая Победа и власть. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 19).

Прошлое и будущее российско-японских отношений: по следам Кацуро Таро, Гото Симпэй, Нитобо Инадзо. Материалы симпозиума (Москва, 4 октября 2004 г.) / Под редакцией Г. Бордюгова и В. Молодякова.

Россия и тотальная война в XX столетии: взгляд из удаляющейся перспективы. Материалы Международного интернет-семинара.

Жанат Кундакбаева. Политика Российской империи в отношении народов Северного Прикаспия в XVIII веке: историография проблемы и источники изучения.

Владимир Самарин. Страсти по «Тихому Дону». Заметки на полях романа.

Борис Соколов. Моя книга о Владимире Сорокине.

60-летие Второй мировой и Великой Отечественной войн: победители и побеждённые в контексте политики, мифологии и памяти. Материалы к Международному Форуму (сентябрь, 2005). Совм. с Фондом Фридриха Науманна.

Ст. Б. Веселовский. Из истории Московского государства в XVII веке. Три статьи / Сост. А.Г. Макаров и С.Э. Макарова.

Рой Медведев. Социализм в России?

Япония 2004–2005. Ежегодник.

2006

Дмитрий Люшкин. Вторая русская смута: крестьянское измерение. («АИРО – Первая монография»).

А.Г. Ложкин. Право победителей. Правовой отдел СВАГ: история создания и деятельности. 1945–1949. («АИРО – Первая монография»).

Ф.Г. Куначёва. Религиозные воззрения абазин (с древнейших времён до наших дней). («АИРО – Первая монография»).

В.Э. Молодяков. Эпоха борьбы. Сиратори Тосио (1887–1949) – дипломат, политик, мыслитель. («АИРО – Монография»).

Агентурная работа политической полиции Российской империи. Сборник документов. 1880–1917. Публ. Е.И. Щербаковой / Под ред. Г.А. Бордюгова. («АИРО – Первая публикация»).

Молодёжь и политика. Материалы семинара (сентябрь 2005) / Под редакцией Ф. Бомсдорфа и Г. Бордюгова. Библиотека либерального чтения. Вып. 17.

Назревшая дискуссия. Некоторые итоги обсуждения истории Второй мировой войны. Общественный Форум (Москва, 28 сентября 2005 г.). Стенограмма / Под редакцией Ф. Бомсдорфа и Г. Бордюгова. Библиотека либерального чтения. Вып. 18.

- Э. *Саблина*. 150 лет Православия в Японии. История Японской Православной Церкви и её основатель Святитель Николай. («АИРО – Монография»).
- Советская политика в Австрии. 1945–1955 гг. Сборник документов / Под редакцией и составление Геннадия Бордюгова, Вольфганга Мюллера, Нормана М. Неймарка, Арнольда Суппана. («АИРО – Первая публикация»).
- Малороссия. Новороссия. Крым. Исторический и этнографический очерк. Сост. А.Г. Макаров и С.А. Макаров.
- Советская Военная Администрация в Германии (СВАГ). Управление пропаганды (информации) и С.И. Тюльпанов. 1945–1949 гг. Сб. документов. /Под ред. Геннадия Бордюгова, Бернда Бонвеча и Нормана Неймарка. («АИРО – Первая публикация»). Изд. 2-е, дополн. и измен.
- Портрет современного японского общества.
- В.Э. *Молодяков*. Гото Симпэй и русско-японские отношения. («АИРО – Монография»).
- Н.А. *Четырина*. Сергиевский посад в конце XVIII – начале XIX вв. (Посад как тип городского поселения). («АИРО – монография»).
- П. *Павленко*. Либерально-демократическая партия в политической системе Японии. 1955–2001.
- Павел *Гвоздев*. Русские на марше: от химеры к тотальной мобилизации. Япония. Ежегодник. 2006.
- Сергей *Валянский*. Хронотроника и эволюция социальных систем. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 20).
- В тени «Тихого Дона». Фёдор Крюков – забытый русский писатель. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 21).

2007

- Я.В. *Леонтьев*. «Скифы» русской революции. Партия левых эсеров и её литературные попутчики. («АИРО – Монография»).
- Стивен *Козн*. «Вопрос вопросов»: почему не стало Советского Союза?
- Ирина *Каргина*. Букет бессмертников. Константин Каргин и Михаил Шолохов: неизвестные страницы творческой биографии.
- А.Г. *Тепляков*. «Непроницаемые недра»: ВЧК-ОГПУ в Сибири. 1918–1929 гг. («АИРО – Первая монография»).
- Р.А. *Гоголев*. «Ангельский доктор» русской истории. Философия истории К.Н. Леонтьева: опыт реконструкции. («АИРО – Первая монография»).

- И.А. Алексеева.* История всемирного христианского молодёжного движения в России. («АИРО – Первая монография»).
- В.И. Колесов.* Служил Советскому Союзу... Воспоминания. («АИРО – Первая публикация»).
- Фридрих Фирсов.* Секретные коды истории Коминтерна. 1919–1943. («АИРО – Первая публикация в России»).
- С.И. Валянский.* Язык мой – враг мой.
- Владимир Дмитриевич Есаков. Библиографический указатель. Сост. Г.А. Бордюгов, Е.С. Левина / Предисловие А.П. Ненарокова.
- Ельгена Васильевна Молодякова. Библиографический указатель. Сост. Г.А. Бордюгов, А.Е. Куланов.
- Япония открытая миру. Коллективная монография.
- В.Г. Воловников.* О необыкновенном годе необыкновенной эпохи (Неизвестная история выставки Пабло Пикассо в СССР в 1956 г.). («АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 22).
- В.Д. Соловей.* Смысл, логика и форма русских революций. («АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 23).
- Россия без Советского Союза: что потеряли и приобрели, что впереди? Стенограмма Общественного Форума 19 декабря 2006 г. и материалы дискуссии. Под редакцией Фалька Бомсдорфа, Геннадия Бордюгова и Алана Касаева. Библиотека либерального чтения. Выпуск 19.
- С.Ф. Платонов.* Смутное время. Очерк истории внутреннего кризиса и общественной борьбы в Московском государстве XVI и XVII веков.
- Александр Рабинович.* Большевики у власти. Первый год советской эпохи в Петрограде. («АИРО – первая публикация в России»).
- Николай Андреев.* Первые стихи.
- Владимир Путин. Рано подводить итоги.
- Революционная Россия. 1917 год в письмах А. Луначарского и Ю. Мартова / Под ред. Г.А. Бордюгова и Е.А. Котеленец, сост. Н.С. Антонова и Л.А. Роговая, введ. Л. Майер.
- Служение России. Торгово-промышленная палата РФ. 1917–2007. Научно-популярное иллюстр. издание-альбом / Под ред. Е.М. Примакова. (совместно с ТПП РФ).

2008

- Сиратори Тосио.* Новое пробуждение Японии. Политические комментарии 1933–1945. Составление, перевод, вступительная статья и коммен-

- тарии доктора политических наук В.Э. Молодякова. («АИРО – первая публикация»).
- Danke, профессор Аймермахер. 12 писем из России. Сост. Г.А. Бордюгов, Т.М. Горяева.
- Константинов С.В.* «В неверном озаренье славы...»: реформаторы и жертвы. Сост.: Давыдов О.В., Касаев А.Ч., Молодяков В.Э.
- Леонид Козлов.* В диалоге с прошлым.
- Узник Лубянки. Тюремные рукописи Николая Бухарина. Сб. документов. Предисл. С. Бабурина. Введ. Ст. Коэна. («АИРО – Первая публикация»). Изд. 2-е, дополн., измен. и расшир.
- Харуки Вада – сенсей российской истории. Сост. Г.А. Бордюгов.
- Стивен Коэн и Советский Союз / Россия. Сост. Г.А. Бордюгов, Л.Н. Доброхотов.
- Е.В. Суровцева.* Жанр «письма вождю» в тоталитарную эпоху (1920-е – 1950-е гг.). («АИРО – Первая монография»).
- А.А. Куреньшев.* Крестьянские организации Русского Зарубежья. (1920–1951 гг.). («АИРО – Монография»).
- Торнау Ф.Ф.* Воспоминания кавказского офицера.
- Общее прошлое и современность. Материалы польско-российско-немецкого триалога историков и журналистов (Россия, Тверская область, «Гелиопарк-Эммаус» на Волге, 6–9 сентября 2007 г.).
- Глобальные вызовы – японский ответ / Рук. проекта Э.В. Молодякова.
- Прошлое: российский и немецкий подходы. Материалы российско-немецкого коллоквиума. Москва, 12–13 июля 2007 года. Под ред. Фалька Бомсдорфа и Геннадия Бордюгова.
- Роберт Эдельман.* Серьезная забава. История зрелищного спорта в СССР.
- А.Г. Тепляков.* Машина террора: ОГПУ-НКВД Сибири в 1929–1941 гг. («АИРО – Монография»).

2009

- В. Волков, С. Соколов.* Антиманипулятор. Типизация постперестроечного государственного устройства в контексте глобализации и перестройки. («АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 24).
- Н.В. Кравчук.* История отечества глазами малоросса. (Метаисторические очерки). («АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 25).
- В.А. Рябинин.* Идеология «тайны беззакония»: философский и политический анализ идеологии «мондиализм».
- А.П. Ненароков.* В поисках жанра. Записки архивиста с документами, комментариями, фотографиями и посвящениями. Книга первая. Вдаль

- к началу. («От первого лица. История России в воспоминаниях, дневниках, письмах»).
- А.П. Ненароков.* В поисках жанра. Записки архивиста с документами, комментариями, фотографиями и посвящениями. Книга вторая. Свеча в доме. («От первого лица. История России в воспоминаниях, дневниках, письмах»).
- Старо-новые российские мифы: кризис знания или сознания? Материалы российско-немецкого форума. Москва, Овальный зал ВГБИЛ, 3 декабря 2008 г. Под ред. Фалька Бомсдорфа, Геннадия Бордюгова, Екатерины Гениевой.
- В.Н. Томлин.* Наша крепость. Машинно-тракторные станции Черноземного Центра России в послевоенный период: 1946–1958 гг. («АИРО – Монография»).
- Н.И. Бурнашева.* В единении – сила! История кооперации Якутии (вторая половина XIX в. – 1920-е гг.). (АИРО – Монография).
- Эрик Кулевиг.* Народный протест в хрущевскую эпоху. Девять рассказов о неповиновении в СССР. (АИРО – Первая публикация в России).
- Russia: a history of the twentieth century. Materials for course the lectures / *G. Bordjugov, S. Devyatov, E. Kotelenets, A. Titkov.*
- Ф.Д. Крюков.* Обвал. Смута 1917 года глазами русского писателя. Возвращаясь на улицу Юности.
- Л.А. Боева.* «Особенная каста». ВЧК-ОГПУ и укрепление коммунистического режима в годы нэпа. («АИРО – Первая монография»).
- Б.В. Соколов.* Как провалилась бериевская «перестройка». Извержение enfant terrible из властных структур. Новые документы. («АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 26).
- Япония 2009. Ежегодник.
- Идейно-политические дискуссии в Советском Союзе в 1940–50-х гг. и национально-государственное размежевание 1990-х. Материалы круглого стола в «РИА Новости» 15 сентября 2009 г. Под редакцией Геннадия Бордюгова и Алана Касаева.
- А.К. Конопацкий.* Прошлое великий следопыт. Академик А.П. Окладников: страницы биографии.
- Национальные истории на постсоветском пространстве – II / Под редакцией Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова.

2010

- Пётр Баратов.* «И с Москвой золотоголовой Вышеград заговорил...». Из опыта чешского либерализма. 1870–1880-е годы / Под ред. Г.А. Бор-

- дюгова. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 240 с. – (Серия «АИРО – Первая монография»).
- Венков А.В.* «Тихий Дон»: источниковая база и проблема авторства. Часть 1-я. В поисках автора. Часть 2-я. Авторы «Тихого Дона». – М.: АИРО-XXI. 2010 г. – 884 стр.
- Кравчук Н.В.* История отечества глазами малоросса. Очерк третий. Русь расщепленная. XIII – XV вв. – М.: «АИРО-XXI». 2010 г. – 124 с. (Серия «АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 28).
- Япония: полвека правления либерал-демократов / Рук. проекта Э. В. Молодякова. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 284 с.
- Япония 2010. Ежегодник. – М.: «АИРО-XXI», 2010. – 320 с.
- Ю.М. Коликов.* Жемчужина седого Каспия. Документальная повесть. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 432 с.
- Виктор Кригер.* Российские немцы вчера и сегодня. Народ в пути; перевод с нем. И. Черемушкинского. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 104 с. (Серия «АИРО – первая публикация в России» под ред. Г.А. Бордюгова).
- Н.К. Веселовская.* Воспоминания выездного врача скорой помощи (1940 – 1953). Редакция и предисловие А.Г. Макарова. Серия «АИРО – первая публикация» под редакцией Г.А. Бордюгова. М.: АИРО-XXI, 2010. – 184 с.
- Г.А. Бордюгов.* Октябрь. Сталин. Победа. Культ юбилеев в пространстве памяти. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 256 с.; (Серия «Историческая политика и политика памяти в СССР, РФ и СНГ»).
- Посадский А.* От Царицына до Сызрани: очерки Гражданской войны на Волге. – М.: АИРО-XXI; ГПИБ. 2010. – 412 с.
- Цыганок А.Д.* Война на Кавказе 2008: русский взгляд. Грузино-осетинская война 8–13 августа 2008 года. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 328 с.
- Ирина Каргина.* Горечь полыни. Пропавший в «Поднятой целине». – М.: АИРО-XXI. 2010. – 216 с.
- Справочник молодого журналиста. – М.: «РИА Новости»; АИРО-XXI, 2010. – 512 с.
- Россия и Германия в XX веке. В 3-х томах. Том 1: Обольщение властью. Русские и немцы в Первой и Второй мировых войнах; под ред. Карла Аймермахера, Геннадия Бордюгова, Астрид Фольперт. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 1024 с.
- Россия и Германия в XX веке. В 3-х томах. Том 2: Бурные прорывы и разбитые надежды. Русские и немцы в межвоенные годы; под ред. Карла Аймермахера, Геннадия Бордюгова, Астрид Фольперт. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 896 с.

- Россия и Германия в XX веке. В 3-х томах. Том 3. Оттепель, похолодание и управляемый диалог. Русские и немцы после 1945 года; под ред. Карла Аймермахера, Геннадия Бордюгова, Астрид Фольперт. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 1032 с.
- Барабаш В.В., Бордюгов Г.А., Котеленец Е.А.* Образы России в мире. Курс лекций. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 296 с.
- Национальные истории на постсоветском пространстве – II / Под редакцией Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова, – М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XXI, 2010. – 372 с.
- Носович А.Л.* Красный Царицын. Взгляд изнутри. Записки белого разведчика. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 96 с.
- Кыласов А.В.* Окольцованный спорт. Истоки и смысл современного олимпизма.
- Гурвич Э.Б.* Взгляд в настоящее прошлое. Фрагменты семейной хроники Николая Ивановича Бухарина. – (Серия «АИРО – первая публикация») – М.: АИРО-XXI, 2010. – 176 с. + 56 с. илл.
- Загадки и тайны «Тихого Дона»: двенадцать лет поисков и находок. – М.: «АИРО-XXI», 2010. – 400 стр.
- Суровцева Е.В.* Жанр «письма вождю» в советскую эпоху (1950-е – 1980-е гг.). – М.: АИРО-XXI, 2010. – 128 с. (Серия «АИРО – монография»).
- Стивен Коэн.* Утраченное наследие Горбачева. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 56 с. (Серия «АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 27).
- Мировой кризис и Япония / Рук. проекта Э. В. Молодякова. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 256 с.

2011

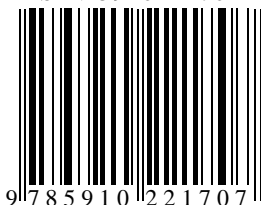
- И.Б. Белова.* Первая мировая война и российская провинция. 1914 – февраль 1917 г. / Под ред. Г.А. Бордюгова. – (Серия «АИРО – Первая монография»). – М.: АИРО-XXI, 2011. – 288 с. + 24 с. илл.
- Стивен Коэн.* «Вопрос вопросов»: почему не стало Советского Союза? / Новое расширенное издание. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 216 с.
- Научное сообщество историков России: 20 лет перемен. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 512 с.
- А.А. Куреньшев.* Он слышал музыку полей... Жизнь и деятельность Алексея Григорьевича Дояренко ученого, педагога, общественного деятеля, музыканта. 1874–1958 гг. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 118 с.
- Е.В. Суровцева.* Жанр «письма царю» в XIX – начале XX века. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 164 с.

- Г.А. Бордюгов.* «Войны памяти» на постсоветском пространстве / Предисловие Алана Касаева. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 256 с. (Серия «Историческая политика и политика памяти в СССР, РФ и СНГ»).
- Г.А. Бордюгов, В.М. Бухараев.* Вчерашнее завтра: как «национальные истории» писались в СССР и как пишутся теперь. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 248 с. (Серия «Историческая политика и политика памяти в СССР, РФ и СНГ»).
- З.С. Бочарова.* Российское зарубежье 1920–1930 х гг. как феномен отечественной истории. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 304 с.
- Стивен Козн.* Жизнь после ГУЛАГа. Возвращение сталинских жертв / Перевод Ирины Давидян. – (Серия «АИРО – первая публикация в России») – М.: АИРО-XXI, 2011. – 208 с. + 40 с. илл.
- Б.В. Соколов.* Потери Советского Союза и Германии во Второй мировой войне: методы подсчетов и наиболее вероятные результаты. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 128 с. (Серия «АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 29).

Научное издание
Норман НЕЙМАРК
ГЕНОЦИДЫ СТАЛИНА

Компьютерная верстка и техническое редактирование – С.П. Щербина

ISBN 591022170-1

Налоговая льгота –
Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 – книги, брошюры

Научно-исследовательский центр АИРО-XXI
E-mail: andmak@airo-xxi.ru
www.airo-xxi.ru

Подписано в печать с оригинал-макета 01.09.2011
Формат 60×90/16. Усл. изд. л. 11,0
Тираж 1000 экз. Зак.